

Министерство образования и науки Российской Федерации
Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского

**ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ:
СОДЕРЖАНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ**

Материалы конференции «Чтения Ушинского»

Ярославль
2006

УДК 3:001.12
ББК 60.63.3.
О 28

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

О 28 Обществознание: Материалы конференции «Чтения
Ушинского» / Под ред. доктора исторических наук, про-
фессора М.В. Новикова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ
им. К.Д. Ушинского, 2006. 144 с.

УДК 3:001.12
ББК 60.63.3.

ISBN 5-87555-274-3

© ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2006
© Авторы материалов, 2006

Образование в России в XVIII веке и вопросы преподавания обществознания

Реформы Петра I в образовании вызвали к жизни целый ряд узкопрофессиональных учебных заведений. Все они имели целью подготовку специалистов в различных сферах государственной деятельности, военных и гражданских. Предпринимались попытки завести и общеобразовательные учебные заведения. Это были, как правило, частные школы, пользовавшиеся государственными субсидиями. Наиболее известная из них - гимназия в Москве, открытая в 1703 г., во главе которой царь поставил Э. Глюка. В программу преподавания входили пять иностранных языков, среди других дисциплин – политика и философия. Следует отметить, что философия в XVIII веке могла включать в себя логику, психологию, эстетику, риторику, всеобщую грамматику, нравоучение, право естественное и право народное. Это были первые, немногочисленные и недолговечные общеобразовательные учебные заведения («гимназия» Глюка, например, закрылась в 1715 году).

В июле 1731 г. был учрежден Сухопутный шляхетский корпус. Императрица Анна Иоанновна указывала Сенату: «учредить корпус кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей, от 13 до 18 лет, которых обучать арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, артиллерии, денежному действию на лошадях ездить и прочим к воинскому искусству потребным наукам. А понеже не каждого человека природа к одному воинскому склонна, також и в государстве не менее нужно политическое и гражданское обучение; того ради иметь при том учителей чужестранных языков, истории, географии, юриспруденции» [1]. Поступление в кадетский корпус не было обязательным, дворяне туда шли неохотно, а поступившие учились не все прилежно, некоторые бежали. Учебный процесс тоже имел изъяны. В именном указе корпусу в сентябре 1737 г. говорилось: «Нам учинилось известно, что кадетов наиболее и ежедневно обучают только воинской экзерциции, а другим наукам в обучении немалое препятствие происходит, то мы повелеваем впредь обучать кадетов воинским экзерцициям по одному дню в неделю, дабы

оним от того в обучении других наук препятствия не было, так как и прочие науки весьма полезны, как в обращениях при воинской, так и при гражданской службах» [2]. Таким образом среднее образование соединялось с профессиональным.

Таким же был статус морского корпуса в Петербурге, где кроме математических и специальных морских предметов преподавались политика, геральдика, гражданские законы и «прочие шляхетные» науки и семь иностранных языков. Эти же предметы изучались в известном в свое время Харьковском коллегииуме.

Интересные сведения о том, как шло преподавание обществоведческих дисциплин в учебных заведениях времен Анны Иоанновны, содержатся в «Разговоре двух приятелей о пользе науки и училищах» В. Н. Татищева, этом своде русской политической, философской, педагогической мысли первых десятилетий XVIII века и очерке истории науки и образования в России на фоне мирового культурного процесса, написанного в 1730-х годах. Признавая, что Сухопутный кадетский корпус – наилучшее учебное заведение того времени, Татищев, однако, не склонен его идеализировать, среди прочих недостатков отмечая: «Законы естественный и гражданский не меньше онаго (закона божьего) нужны, но для онаго учителей нет, и младенцу нелегко оное совершенно понять можно». Перечисляя недостатки ещё одного учебного заведения – Спасской школы в Москве, – Татищев пишет: «Философы их никуда лучше, как в лекарские, а по нужде в аптекарские ученики годятся. Равно тому юриспруденция, или законоучение, в ней же и нравоучение (этика) основание свое имеют. Не токмо правильно и порядочно с основания права естественного не учат, но и книг Гроциевых, Пуфендорвых и тому подобных, которые за лучших во всей Европе почитаются, не имеют» [3]. Понимая, тем не менее, какое это было трудное дело для России, где и учеников приходилось палкой сгонять на учение, и учителей искать по заграницам, петровский просветитель выражал надежду, что положение в дальнейшем выправится: «и Рим не в один год построен», «вдруг кривулей не исправишь».

Как медленно выправлялись эти «кривули», показывает постановление Сената относительно кадетского корпуса (сен-

тябрь 1748 г.): «Кадетам, слушающим юриспруденцию, читать два дня в неделю лекции, в которых читать Уложение, Генеральный Регламент, Уставы, Регламенты и Указы, дабы чрез то оные кадеты во время определения их к статским делам могли достаточно уже и гражданские права знать. Для того и определить к тому особливо достойного человека из обретающихся не у дел статских чинов» [4]. То есть, с одной стороны заметна забота о том, чтобы обучающиеся законам имели для этого достаточно времени, но, с другой, обучение это поручалось практикам, «обретающимся не у дел», которые вряд ли могли быть лучшими педагогами, хотя их привлечение к ознакомлению с реальным положением с правом и исполнением законов в стране может быть и полезным.

В 1755 г. открылся Московский университет, было решено для пополнения его студентами открыть две гимназии – для дворян и для разночинцев. В Проекте об учреждении университета говорилось, что в нем на трех факультетах будут состоять 10 профессоров, из них три на юридическом факультете: «1) Профессор всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи. 2) Профессор юриспруденции российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права. 3) Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие веки и как состоят в нынешнее время» [5]. В университете могли слушать нужные им лекции учащиеся кадетского корпуса и гимназии. Поэтому какая-то часть молодых людей, получающих общее среднее и профессиональное образование, могла знакомиться с правоведением и таким образом. Другое дело, что в университете, особенно первое время, преподавали иностранцы, от которых, по мнению Татищева, гражданским законам научиться было нельзя, «потому что за незнанием языка всех наших законов знать и об них рассуждать не могут». Другой бедой было малое количество студентов во времена президентства в Академии наук Е. Р. Дашковой, а университет и гимназия должны были составлять с Академией одну образовательную вертикаль, в университете обучалось всего 2–3 студента в год.

В первой половине XVIII века появляется ещё один вид образовательных учреждений – при Сенате, Синоде, коллегиях, канцеляриях и судах, куда определялись «недоросли для копийского дела и для приучения их к ведению гражданских дел». В сенатской школе обучали ведению гражданских дел, судопроизводству и законам. Позднее, поскольку дворян не всегда хватало для заполнения всех вакансий, на их места стали набирать разночинцев. Открытая в 1737 году, сенатская школа в 1801 году была преобразована в юнкерскую школу, дающую по сути дела среднее специальное образование, а в 1805 году вместо юнкерской школы было учреждено Высшее училище правоведения с трехгодичным сроком обучения. Студенты с самого поступления в училище считались на действительной службе и получали жалованье 300 рублей в год. Значительные изменения в деле образования и, в частности, преподавания обществознания произошли в период правления Екатерины II. В своем «Наказе», составленном для членов Уложенной Комиссии, собранной для утверждения новых законов – Уложения, императрица писала: «Законы должны быть писаны простым языком, и Уложение, все законы в себе содержащее, должно быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цену достать можно было, наподобие букваря. В противном случае, когда гражданин не может сам собою узнати следствий, сопряженных с собственными своими делами и касающихся до его особы и вольности, то будет он зависеть от некоторого числа людей, взявших себе во хранение законы и толкующих оные. Преступления не столь часты будут, чем большее число людей Уложение читать и разумети станут. И для того предписать надлежит, чтобы во всех школах учили детей грамоте попеременно – из церковных книг и из таких книг, кои законодательство содержат» [6].

Если до этого времени законоведению, например, могли обучаться главным образом дворяне и лишь в незначительной степени выходцы из других слоев, то теперь круг знакомящихся со знаниями об обществе неизмеримо расширился, прежде всего благодаря открытию народных училищ двух видов: главных и малых. В 1783 году в С.-Петербурге было открыто первое главное народное училище; по указу 1786 года главные народные училища открывались ещё в 26 губерниях; а по указу 1788 года в

остальных 25 губерниях. Это были 4-классные училища, в них велось обучение основам христианского учения, чтению, письму, арифметике, грамматике, чистописанию, географии, истории, геометрии, механике, физике, естественной истории, гражданской архитектуре и рисованию. Училища просуществовали до 1809 года, когда они были преобразованы в гимназии. Вопросы общественнознания в той или другой степени могли затрагиваться на уроках истории, географии и естественной истории. Но во 2-м классе главных и малых училищ предполагалось чтение книги о должностях человека и гражданина. Книга «О должностях человека и гражданина» напечатана в Петербурге в 1783 г., её авторство приписывают одни – австрийцу И.И. Фельбигеру, другие – сербу Ф.И. Янковичу де Мириево и даже самой Екатерине II.

Примечательны были сами слова, впервые появившиеся в русской педагогике: *человек и гражданин* (последнее при сыне Екатерины II Павле I вообще будет запрещено к употреблению). В целом же ее следует считать педагогико-этическим апфеозом правительственной власти екатерининской эпохи; общество того времени признавалось в ней разумным и справедливым. Красной нитью сквозь все содержание проходит догмат о безусловном повиновении непогрешимому абсолютному правительству, каково бы оно ни было, всякому установленному им закону, всякому начальствующему лицу, назначенному этим правительством. Квинтэссенция учебника содержится в следующих его положениях:

«Во всяком звании можно быть благополучным, Благость Божия ни единого человека не исключила от благополучия; граждане, ремесленники, поселяне, также рабы и наемники могут быть благополучными людьми.

Господа и домоначальники не должны рабов своих и домашних заботами выше сил их отягощать, ниже требовать от них более того, к чему они обязаны. Они должны рабов своих и домашних от всякого зла отвращать, и ко всякому добру, а паче ко службе божией побуждать, обходиться с ними человеколюбиво, обыкновенную или обещанную им плату и хлеб в надлежащее время и без убавки выдавать.

Рабы и слуги должны господ своих и домоначальников любить и почитать, и по званиям своим повиноваться, и при том не по наружному токмо виду, но искренно и от всего сердца. Должные службы обязаны они охотно и верно, со тщанием и в надлежащее время исправлять, дабы они господам и домоначальникам действительно полезны быть могли; и сим обязаны они не токмо добрым, но и ненавистным им. Также должны они господам и домоначальникам своим угождать, пользы их всеми силами искать, и всякий вред от них отвращать, уреченною и определенной платою довольствоваться, и ни под каким видом, будто бы более заслуживали, ничего тайно себе не присвоить, и от оставшихся за господскими расходами денег ничего не утаивать».

Люди объединяются в общества, во главе которых стоит или один человек, или несколько: «Хотя бы тем или иным образом правление в какой земле было установлено, однако в каждой есть либо один или многие повелевающие, коим прочие должны повиноваться.

Повелевающие особы, во всех учреждениях своих, общее всех подданных благополучие намерением себе поставляют. Они повелевают и запрещают то, чтобы каждый из подданных сам стал делать или не делать, когда бы мог в общий союз всех обстоятельств проникнуть, и когда бы имел при том довольно просвещения избирать то, что может утвердить его благополучие.

Те, кои повелением верховных начальников подчинены, следовательно, им и подчиняться должны, то есть: подданные, должны иметь совершенную доверенность к высшему разуму верховных своих начальников, и на благодать их полагаться, и твердо уповать, что повелевающие ведают, что государству, подданным и вообще всему гражданскому обществу полезно, и что они ничего иного не желают, кроме того, что обществу за полезное признают.

Все правители держав и верховные начальники не были бы то, что они теперь суть, когда бы Бог, который в сем мире управляет, на то не соизволил. Сего ради говорит нам священное писание, что власти от Бога установлены, установлены же для благосостояния тех, коими они повелевают».

Обязанности глав государств определялись таким образом: «Правители держав имеют долг и власть для благосостояния и безопасности подданных своих законы и уставы давать, о наблюдении оных пещися, правду и правосудие хранить и содержать, преступников и злодеев наказывать, жизнь и имение подданных против несправедливых обид защищать и неприятельским нападениям других сильно противустоять.

Правители держав, имея власть от Бога, стараются ещё о том, дабы подданные их научены и наставлены были в тех должностях, кои закон Божий налагает, без которых вечного блаженства получить не можно».

Обязанности подданных сводились к тому, что «все подданные или члены общества обязаны правителей своих за благодеяния и покровительство, от них получаемое, почитать, Богу о них молиться, законам и уставам их повиноваться; подати и службы, без которых правители держав общего благосостояния и безопасности сохранить не могут, должны подданные, так как оные на них возложены, доброхотно и усердно давать, не от страха наказаний; но для того, что в совести пред Богом к тому обязаны. Каждый подданный должен оказывать почтение, любовь, послушание и верность не токмо державствующему, но и определенным и установленным от него меньшим властям.

Все сочлены гражданского общества должны о благосостоянии оного усердно стараться, охотно к тому способствовать, что верховная власть повелевает; все учреждения ее почитать, хотя бы и некоторый убыток от того понесли, и хотя бы не усматривали, как оный и общее благосостояние споспешествуется. О верховных властях надлежи так рассуждать, что оне по большому сведению обстоятельств все то лучшее разумеют и что оне при уставах и учреждениях своих никакого другого намерения не имеют, кроме пользы общества; и так против учреждений верховных властей роптать или во зло оныя толковать весьма несправедливо и наказания достойно».

Одна из глав книги называется «О любви к Отечеству» и представляет большой интерес для нашей темы: «Отечество есть то великое общество, которого кто сочленом, то есть то государство, коему кто поддан или по месту своего рождения, или по переселению своему и жительству.

Истинный сын Отечества должен привязан быть к государству, образу правления, к начальству и к законам. Любовь к Отечеству состоит в том, дабы мы почтение и благодарность являли к правительству, чтоб покорялись законам, учреждениям и добрым нравам общества».

«Общее благополучие членов государства есть цель всякого правления. Сие благополучие теряют подданные, когда не в надлежащем порядке и почтении находится правление; из чего следует, что первая должность сына Отечества есть не говорить и не делать ничего предосудительного в рассуждении правительства, и потому всякие возмутительные поступки, как-то: роптание, худыя рассуждения, поносительные и дерзкие слова против государственного учреждения и правления, суть преступления против Отечества, и строгого наказания достойны».

Второй «должностью» истинных сынов Отечества является повиновение законам: «Законы суть учреждения, которыми определяется, что правительство почитает полезным для благосостояния государства». «Всеобщее благо должно предпочтаться частному. Частные люди не могут в государстве всего видеть и довольно ведать об обстоятельствах онаго, дабы справедливо рассуждать могли, каким образом тот или другой закон споспешествует ко всеобщему или частному благу. Начальники могут и должны все сие лучше и основательнее знать, почему упование на прозорливость и праводушие правителей есть третья должность сына Отечества».

Повиновение сынов Отечества должно быть действующее, то есть: каждый сын Отечества долженствует ко благу государства действительно употреблять все свои способности и свое имение; а особливо когда требовать того будет начальство. Исполнение того есть четвертая должность сына Отечества» [7].

Другие страницы книги для чтения «были посвящены добродетелям человека, то есть какие качества должен иметь подданный государства: «праводушию», «любочестию» («любочестие есть склонность чести достойным себя учинить и охотно следовать»), правдивости, дружелюбию, миролюбию, услужливости, искренности, честности, почтительности и т. д. С другой стороны, там говорилось о том, каких свойств человеческого характера надо избегать: безмерного самолюбия, гордости

и спеси, тщеславия, распутства и др. В ней также содержались главы о правилах гигиены человека, о его поведении в обществе, об отношениях родителей и детей, о науках, «промыслах и рукоделиях», о том, как вести домашнее хозяйство. Словом, это была своего рода энциклопедия народной жизни.

В сжатом виде обществоведческую часть книги для чтения можно представить так: все существующее устроено правильно и разумно, ничего нельзя подвергать резкой ломке; человек должен довольствоваться тем положением, в котором он находится, и не требовать лучшего; мир устроен Богом, руководить им он поставил власти, которым нужно беспрекословно подчиняться; верховная власть и поставленные ею начальники лучше знают, что необходимо для благополучия народа, поэтому последний обязан выполнять свои обязанности, не «роптать» и не своевольничать, более того, *любить власть и начальников*, независимо от того, что делают и как ведут себя эти начальники.

Либерально настроенные исследователи до революции, советские обществоведы прежде всего подчеркивали явную антидемократичность официоза екатерининских времен, узаконение крепостничества, прямо называемого рабством. Современник Екатерины II радикал А.Н. Радищев в статье «Беседа о том, что есть истинный сын Отечества», опубликованной в 1789 году, за год до выхода знаменитого «Путешествия из Петербурга в Москву», высказал свою точку зрения на то, что есть настоящий патриот. Явно полемизируя с официальным мнением, Радищев делал упор на то, что истинным сыном своей родины может быть только *свободный* человек, который только и может называться человеком тогда, когда он свободен в своих мыслях и действиях. «Человек, человек потребен для ношения имени сына отечества!» – восклицал Радищев и добавлял: «Человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею». Он полагал, что ни крепостной раб, ни его владелец не могут быть настоящими патриотами, так как оба они не свободны в своих действиях, находясь во власти всемогущего государства.

Три черты отличают истинного сына Отечества, утверждал автор, – 1) *честолюбие*, которое он понимал следующим образом: «Нет человека, который бы не чувствовал прискорбия,

видя себя уничижаема, поносима, порабощаема насилем, лишая всех средств и способов наслаждаться покоем и удовольствием и не обретая нигде утешения своего. Не доказывает ли сие, что он любит *честь*, без которой он как без души. Всякому врождено чувство истинной чести; но освещает оно дела и мысли человека по мере приближения его к оному, следуя светильнику разума, проводящему его сквозь мглу страстей, пороков и предубеждений к тихому её, чести то есть, свету. Не спорно, что гораздо знатнейшая часть рода смертных погружена во мрачность варварства, зверства и рабства. Не оправдывайте себя здесь, притеснители, злодеи человечества, что сии ужасные узы суть порядок, требующий подчиненности». Понятно, что такой подход прямо противоположен требованиям слепой подчиненности, проповедуемой рассматриваемым ранее учебником; 2) *благонравие* – «Истинный человек есть истинный исполнитель всех предустановленных для блаженства его законов; он свято повинуется оным. С благоговением подчиняется он всему тому, чего порядок, благоустройство и спасение общества требуют; для него нет низкого состояния в служении отечеству; служа оному, он знает, что он содействует здравоносному обращению, так сказать, крови государственного тела. Он скорее согласится погибнуть и исчезнуть, нежели подать собою другим пример неблагонравия и тем отнять у отечества детей, кои бы могли быть украшением и подпорою онаго. И ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу отечеству, то не страшится пожертвовать жизнью; если же она нужна для отечества, то сохраняет ее для всемерного соблюдения законов естественных и отечественных. Словом, он *благонравен*». 3) *благородство*: «Истинное *благородство* есть добродетельные поступки, оживотворяемые истинною честью, которая не инде находится, как в беспрерывном благотворении роду человеческому, а преимущественно своим соотечественникам, воздая каждому по достоинству и по предписуемым законам естества и народоправления».

Как истинный сын века Просвещения, Радищев выступает с позиций естественного права, опираясь на природу и «естество», а не на знатность и божественное право королей (и царей). Чтобы приобрести указанные свойства истинного сына Отечества, надо, чтобы человек «прежде приучил дух свой к

трудолюбию, прилежанию, повиновению, скромности, умному состраданию, к охоте благотворить всем, к любви отечества, к желанию подражать великим в том примерам, також к любви к наукам и художествам». Ни в «Беседе», ни в «Путешествии» Радищев прямо не призывает к уничтожению крепостного права, он выражает протест против него, но что с ним делать, как избавиться от него - он не говорит. Подобные взгляды в несколько смягченной форме высказывал другой просветитель екатерининского времени, Н.И. Новиков. Но и его, и Радищева ждало суровое наказание за вольнодумство: у Новикова четырехлетнее заключение в Шлиссельбургскую крепость лишило способности заниматься общественной деятельностью, а преследования правительства довели Радищева до самоубийства. Как правило, любое правительство предпочтет скорее «отнять у отечества детей», чем погибнуть или исчезнуть.

Ещё один современник Екатерины II, И. М. Болтин, один из первых отечественных мыслителей, старавшихся философски осмыслить исторический процесс [8], был выразителем умеренных взглядов на крепостное право, за его немедленную или частичную отмену он не выступал, считая, что к свободе людей надо готовить, надо учить их пользоваться свободой. По этому пути, полагал он, и идет Екатерина II, повелевшая по всей стране учредить «училища для нижних чинов, дабы приуготовить души юношества, в них воспитываемого, к восприятию сего великого и божественного дара; дабы учинить их достойными вольности и способными к снесению ее. Не могу сказать, которое из двух благодетелей есть вящее: то ли чтоб дать вольность рабу, или то чтоб открыть ему таинство учиниться счастливым; то есть, чтоб научить его употреблять вольность на пользу самого себя и вкупе на пользу ближнего и отечества» [9].

Официальную педагогику второй половины XVIII века представлял И.И. Бецкой, в 1763 г. представивший императрице «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», где нашла отражение его методика воспитания «новой породы людей» (гуманных и справедливых дворян, купцов, промышленников, ремесленников), которая предусматривала изоляцию детей с 6 до 18 лет в закрытых учебных заведениях, организованных по строго сословному принципу. Приоритет в тан-

деме обучение-воспитание Бецкой отдавал воспитанию, а весь учебно-воспитательный процесс должен находиться в ведении государства. Вместе с тем, педагогика Бецкого считала целесообразным обучать без принуждения, учитывая склонности ребенка, применение наглядности, телесные наказания запрещались. Большое значение придавалось примеру воспитателей, которые должны быть «добросовестными и примера достойными людьми». Оторванные от действительности педагогические взгляды Бецкого не могли принести большой пользы российской педагогике, имея в виду её дальнейшее развитие.

Во второй половине XVIII века в России постепенно складывается система образования. Только за время царствования Екатерины II было открыто 223 учебных заведения, а считая пансионы, домашние училища и т. п. – 316, среди учащихся в год смерти императрицы народные училища посещала 1121 девочка, в воспитательном обществе и мещанском училище обучались ещё свыше 450 воспитанниц [10]. Женское образование и средние общеобразовательные учреждения в России были упрощены навсегда.

Однако в стране, где для подготовки педагогических кадров была открыта всего одна учительская семинария в С.-Петербурге, которая по прошествии не очень долгого времени была признана ненужной и закрыта, просвещение с трудом пробивало себе дорогу. Учителей должны были готовить главные училища, часть их пополнялась за счет семинаристов духовных семинарий. Средств на содержание народных училищ государство не выделяло, их должны были изыскивать приказы общественного призрения, в ведении которых находились училища. Общество к организации народного просвещения привлечено не было, оно могло только заниматься образовательной благотворительностью: «Когда являлись люди широкой просветительной инициативы, вроде Н. И. Новикова, их не только не поощряли, а засаживали в тюрьму, как политически неблагонадёжных» [11]. В этих условия учебные заведения мало могли что сделать в плане адекватного донесения до учащихся не только передовых взглядов, но даже и официальной точки зрения на государственное и общественное устройство.

Библиографический список

1. Цит. по: Яблоков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876. С. 444.
2. Там же. С. 446.
3. Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Жажда познания. Век XVIII. (История Отечества в романах, повестях, документах). М., 1986. С. 377, 379, 380.
4. Яблоков М. Указ. соч. С. 483-484
5. Цит. по: Жажда познания. Век XVIII. С. 478.
6. Екатерина II. Наказ. Любое издание. Ст. 158.
7. Цит. по: Жажда познания. Век XVIII. С. 577, 581, 601-693, 608-618.
8. Ключевский В. О. И. Н. Болтин / Сочинения. Т. VII. М., 1989; Он же. Памяти И.Н. Болтина / Там же; Милюков П. Н. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1913; Историки России XVII-XX веков. Вып.1. М., 1995. С. 37-45.
9. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным. Том II. СПб., 1788. С. 237.
10. См.: Каллаш В. В. Очерки по истории школы и просвещения. М., 1902. С. 160.
11. Каптерев П.Ф. История русской педагогики. СПб., б. г. С. 134.

© В.П. Басков, Н.В. Досина

Участие гражданских объединений в политическом процессе в современной России

В последние годы в Европе поставлен вопрос о внедрении в политическую практику принципа субсидиарности, хотя фактически нет его отчетливой и общепринятой трактовки, несмотря на то, что отдельные смысловые стороны субсидиарности стали осваиваться европейцами довольно давно, в первой половине XIX века. Ясно только, что ее основу составляет решение политических вопросов, осуществление целедостижения на как можно более низком уровне и соответствующая передача

полномочий и ресурсов снизу вверх, от периферии к центру. Тем самым осуществляется как бы оборачивание иерархии, утверждение обратной асимметрии "периферия - центр". Круг проблем, в решении которых население принимает участие, при этом постоянно расширяется. Одновременно изменяются объекты и цели участия населения в решении проблем общества: от рассмотрения состояния отдельных вопросов (объектов) население переходит к рассмотрению проблем и закономерностей развития социальной сферы. В связи с этими обстоятельствами представляется актуальным исследование процессов сочетания политики с неполитическими явлениями, отношениями и сферами, деятельности различного рода общественных объединений граждан, то есть гражданских объединений. Сложность исследования проблемы заключается в том, что новый тип поведения гражданских объединений и их участие в политической жизни общества формируется в России чрезвычайно медленно, что их новые современные темы, связанные с процессами реформирования общества и внедрением принципа субсидиарности, не распространены повсеместно, не обнаруживают большой силы и настойчивости в исполнении.

Изучение процессов развития гражданского общества в России участилось в последние годы. Заметно и внимание ученых к разносторонней деятельности гражданских объединений. В качестве методологической основы исследования деятельности гражданских объединений, их политического самоопределения учеными предлагается использовать теорию демократизации, с которой связан процедурный подход к ее факторам. Если структурный подход к изучению и объяснению политического участия в форме деятельности гражданских объединений ориентируется на наличие объективных социальных, политических, культурных и других факторов, влияющих на развитие политического участия и политического процесса, то процедурный подход в качестве необходимого основания политического участия и политического процесса выделяет действия социальных и политических акторов (в данном случае гражданских объединений), осуществляющих этот процесс. Два обозначенных подхода взаимно дополняют друг друга, поскольку анализируют различные аспекты одного и того же явления. Однако концептуальное

объяснение этих методологических подходов многими политологами воспринимается неоднозначно и в целом является не решенной в науке проблемой. С этой позиции участие гражданских объединений в политическом процессе предстает как сложное и многогранное понятие, которое является предметом спора исследователей и требуют доработки.

Методика исследования деятельности гражданских объединений несколько усложнилась в последнее время. Ввиду изменчивости ситуации трансформации политических систем и развития гражданского общества в России становится все более очевидным сокращение периода жизни применяемых количественных замеров деятельности групп граждан и гражданских объединений. И наоборот, все более необходимым становится применение методов качественного анализа поступающей от групп граждан и гражданских объединений информации, уточнение проблемного поля их деятельности. При этом важен как анализ функций, осуществляемых современными российскими гражданскими объединениями, так и анализ внутридвиженческих процессов в гражданских объединениях, имеющих отношение и к деятельности их руководства, и к деятельности их рядовых членов, то есть общественности.

.Предпочтительной и в научном, и в практически-прикладном плане нам представляется позиция тех авторов, которые выделяют две большие группы функций гражданских объединений: общесоциальные (социально-политические) и специальные (защитные). В первом случае имеется в виду объективный критерий классификации функций, которым служит та или иная среда, подвергающаяся воздействию гражданских объединений. По этому критерию все функции гражданских объединений можно разграничить на экономические, политические, социальные, идеологические. Политическая ориентация гражданских объединений связана непосредственно с политическим участием и достижением его целей. В конечном счете она обеспечивает их конкурентоспособность. Об адекватности функционирования гражданских объединений во втором случае можно говорить, если, во-первых, гражданские объединения выступают источником актуальной информации об удовлетворенности групп населения качеством жизни и о степени социальной на-

пряженности, о предпочтениях различных социальных групп в политике. Во-вторых, деятельность объединений может быть признана адекватной, если она конструктивна, если объединение оказывает влияние на те или иные стороны общественной жизни, если его действия оказываются обязывающими, рекомендательными. В-третьих, для адекватности гражданским объединениям необходимо постоянно продумывать конкретные действия в регионах страны. Гражданские объединения могут выполнять и вспомогательные функции: организацию научных и научно-практических конференций и семинаров, симпозиумов и диспутов на актуальные темы, способствующую осуществлению политического просвещения и профессиональной подготовки; сотрудничество и обмен опытом, материалами с аналогичными отечественными и зарубежными организациями; издательскую деятельность, а также рекламно-информационную деятельность.

Конкретная политическая практика требует стратегических действий гражданских объединений, то есть их инициатив применительно к каждой конкретной ситуации. Стратегические действия гражданского объединения можно определить как особый стиль совместных действий его членов, имеющих общие интересы, намерения, контролирующих ресурсы и методы общения, работу с информацией, способы влияния на принятие решений, с помощью которых аппарат объединения и его активисты принимают решения относительно общих интересов, мобилизации, контроля за ресурсами, возможностей. Такое определение связано с практикой непосредственного политического обращения гражданского объединения к идеям самоуправления, социальной и культурной демократии. Конкретно стратегическое действие связано: 1) с запросами и потребностями участников гражданского объединения; 2) с определенной целью или будущим положением дел, на которое оно направлено. Это действие, мотивированное "для того, чтобы" вместо действия, мотивированного "потому что". Именно первое относится к будущему и представляет собой приблизительный эквивалент целей, в отношении которых действие предстает как средство; 3) с текущей ситуацией, состоящей из условий и средств действия. Это указывает на необходимость для гражданского объединения участвовать в политической конкуренции, знать о своих оппо-

нентах, функционировать на политическом рынке и в процессе подготовки, принятия и реализации политических решений; 4) с определенной совокупностью норм, направляющих действие и определяющих выбор средств. Существенную роль играет здесь мастерство гражданского объединения, его опыт в выделении разнообразных новшеств в политическом участии. Конкретно успешность участия гражданских объединений в политической жизни зависит от следующих условий: 1) от четкого обозначения ими совокупности поручений. Это помогает любому гражданскому объединению составлять конкретные и реальные планы действий и препятствует нежелательной конкуренции между различными гражданскими объединениями; 2) от степени свободы каждого объединения в осуществлении им контактов с различными группами населения; 3) от возможности осуществлять прямые связи и контакты с федеральным руководством объединения.

Особым является вопрос о мере ответственности гражданского объединения перед населением. Ответственность гражданского объединения включает в себя ответственность за его конкурентоспособность и ответственность за эффективность его деятельности. Эта эффективность формируется под воздействием ответственности за социальные программы и демократическую политику, но не включает ответственность гражданского объединения за те затраты на социальные программы, к которым руководство гражданского объединения не имеет прямого отношения. Получается, что интегральная ответственность гражданского объединения означает ответственность за проведение стратегического анализа внутренней и внешней среды и выбор стратегии, которая будет реализовываться в будущем, а также ответственность за реализацию этой стратегии.

Предлагаемая модель деятельности гражданского объединения может быть реализована в партнерстве гражданского объединения с органами государственной исполнительной власти в регионе. Она имеет определенное распространение и, в широком понимании, является балансом интересов, достигаемым взаимодействующими сторонами на основе компромисса, и одним из условий достижения стабильности в обществе. К концу 90-х гг. XX века в российских регионах устоялся ряд форм взаи-

модействия гражданских объединений и органов государственной исполнительной власти. Экономическая форма взаимодействия связана с представлением государственных и муниципальных грантов на поддержку инициатив гражданских объединений. Частичный эффект дает при этом технология социального заказа, который представляет собой механизм распределения внебюджетных средств в социальной сфере посредством открытых конкурсов с участием организаций всех форм собственности. Правовой основой является гражданско-правовой договор. Возможность развития модели социального заказа дают федеральные законы "Об общественных объединениях", "О некоммерческих организациях", "Об общих правилах местного самоуправления", Бюджетный кодекс, муниципальные положения о проведении конкурсов на выполнение работ, поставку товаров и услуг, в соответствии с которыми можно проводить и конкурсы социального заказа. При выполнении социального заказа достаточно четко оформляются приоритеты социальной политики, предложения по решению конкретных социальных проблем, ведется поиск рациональных способов исполнения данных предложений, поскольку их комплексный анализ осуществляется при участии общественности.

Неэкономические формы взаимодействия гражданских объединений с органами государственной исполнительной власти в регионе - это проведение мероприятий, например, общественных слушаний в соответствии с ч. 1, ст. 32 Конституции РФ, общественные и общественно-экспертные советы.

Соглашение о создании Гражданской коалиции Ярославской области предусматривает, что общественные объединения Ярославской области соглашаются объединить свои усилия и совместно действовать в форме Гражданской коалиции Ярославской области с целью решения социально значимых проблем населения Ярославской области, а также совместной реализации социальных проектов и программ, направленных на развитие гражданского общества в Ярославской области. Опираясь на Гражданскую коалицию Ярославской области, действует основанный 18 ноября 2000 года Центр социального партнерства. Он занимается разработкой программ межсекторного взаимодействия, инициированием и развитием общественного уча-

ствия в принятии социально значимых решений, проведением кампаний по защите общественных интересов. Целью программы "Прозрачный бюджет" является обеспечение доступа широкой общественности к бюджетной информации, а также инициирование общественного участия в бюджетном процессе. Программа "Развитие общественного участия в принятии решений" реализует задачу развития и закрепления механизмов социального партнерства на территории Ярославской области. Долгосрочная цель программы "Мониторинг избирательного процесса и мониторинг деятельности избранных должностных лиц" заключается в защите избирательных прав граждан и обеспечении открытых и честных выборов. Работа по созданию межсекторного информационного поля и распространению информации о третьем секторе ведется Центром посредством выпуска ежемесячной информационно-аналитической газеты "Окно в НКО" и работы корпункта Агентства социальной информации в г. Ярославле. Для обеспечения деятельности в едином информационном пространстве используются электронные листы рассылки, Интернет-форумы и др. Действуют проекты внедрения гражданского образования в образовательных учреждениях Ярославской области, по выстраиванию взаимодействия между профильными организациями из различных территорий Ярославской области.

Однако существует и ряд серьезных причин, затрудняющих реализацию технологий взаимодействия государственных органов и гражданских объединений: сложный и медленный процесс реформирования государственной власти в России, несоординированность ведомственных вертикалей административного городского управления, отсутствие знаний и опыта в реализации принципа subsidiarity в решении социальных проблем в регионе и другое. Поэтому результаты практики деятельности гражданских объединений скромны и не сопоставимы с ожиданиями от нее. Это определяет исследовательский интерес к проблеме, к сдерживающим ее разрешение трудностям и барьерам.

Мониторинг поведения регионального электората в избирательных кампаниях

Практика показала, что современное российское общество нуждается в систематическом получении и осмыслении разносторонней и объективной информации об особенностях восприятия своими гражданами общественно – политической, социально – экономической и других сфер жизни. Необходим мониторинг постоянно меняющихся потребностей, ценностей, намерений, установок, а также суждений, оценок и мнений граждан. Мониторинг подобной информации обеспечивается во всех цивилизованных странах, но особо важное значение приобретает в нашей стране, где вот уже в течение более пятнадцати лет проводятся радикальные экономические и политические реформы, в последнее время захватившие почти все сферы жизнедеятельности. Усложнение социальных процессов, затянувшийся в обществе системный кризис вызывают острую необходимость научно обоснованного разрешения имеющихся в стране противоречий как объективного, так и субъективного характера.

В последние годы в стране и её регионах активно разрабатываются и внедряются разноуровневые социальные проекты тактического и стратегического характера. В соответствии с модернизацией политической системы общества и реализации принципов свободы и демократии идет регулярное обновление управленческих структур.

Происходит это главным образом путём федеральных и региональных выборов с вовлечением в этот процесс большого числа населения, имеющего, согласно законодательству, права избирать и быть избранными. Сегодня каждый из нас перманентно вовлекается в какую – либо выборочную кампанию либо в качестве кандидата, либо рядового избирателя разноуровневого государственного органа, структуры местного самоуправления, тех или иных должностных лиц. От кампании к кампании растёт численность лиц, обслуживающих эти выборы. Вместе с тем общеизвестно, что от профессиональных и личностных качеств избранных политиков и руководителей зависят во многом

темпы, ход и результативность демократических преобразований в стране, в каждом регионе и то, как они будут восприниматься в обществе.

Одним словом, выборы – важнейший компонент современной политики. Они представляют собой способ формирования органов власти и управления с помощью выражения по определённым правилам в соответствии с Конституцией РФ и принятой законодательно – избирательной системой политической воли граждан. Главное назначение выборов и избирательной системы – обеспечить представительство воли народа, а также сформировать жизнеспособные и эффективные органы власти.

Являясь важнейшей формой проявления демократии, сама избирательная кампания представляет собой комплекс организационно – правовых, общественно – политических, а также технико - экономических, социально – психологических мероприятий по непосредственному обеспечению избирательного процесса. Поэтому практика и исследования показывают, что процесс выборов не может происходить спонтанно и должен стать управляемым. Это может быть обеспечено только посредством учёта и анализа регулярного волеизъявления граждан, повышения их политической и правовой культуры, высокой гражданской ответственности каждого избирателя, а также всех участников и организаторов избирательной кампании, наконец, демократизации самой избирательной системы.

В последние годы внимание социологов привлекают проблемы региональных социумов, пространственных форм жизнедеятельности населения.

Важный объект социологического анализа в регионах – электоральное поведение граждан. Следует отметить, что мониторинг динамики электорального поведения, явных и скрытых тенденций его проявления, устойчивости электоральных предпочтений и формирующих их факторов – одна из самых методологически сложных областей электоральной социологии, поэтому она предполагает при изучении междисциплинарный подход, системную аналитику, глубокое знание всех составляющих элементов политического маркетинга. Это позволяет делать наиболее обоснованное заключение, выводы о тенденциях и закономерностях изменения электорального поведения избирателей.

Появляется возможность строить соответствующие краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные прогнозы, формировать электоральные политические технологии.

Изучение электоратного поведения российских граждан стало актуальным, начиная с первых выборов народных депутатов СССР, прошедших весной 1989 года. Выборы впервые за многие десятилетия советского периода были альтернативными, предполагали возможность выбора депутатов из нескольких кандидатур. Изменение характера выборов по сравнению с советской моделью стимулировало спрос на прогнозирование результатов выборов.

Для решения этой задачи в ходе первой избирательной кампании периода перестройки стали проводиться опросы общественного мнения, направленные на выявление предпочтений избирателей.

В 1988 году при Ярославском облисполкоме был создан Центр изучения общественного мнения практически всей сферы жизнедеятельности граждан. Несколько ранее, в 1987 году, начала работу социологическая служба в ЯГПУ им. К. Д. Ушинского. Таким образом, результаты опросов и прогнозы итогов выборов, как и других социальных проблем, стали широко публиковаться в средствах массовой информации и вызывали большой общественный интерес. Повсеместно стали появляться разработки стратегии и тактики избирательных кампаний, электоральные политические технологии, часто именуемые как политический маркетинг. Сегодня широкое распространение получило политическое консультирование, праймериз, всякого рода рейтинги, интерактивные опросы и т. д., проводимые как на микро, - так и на макроуровне. Исходя из того, что электорат - это граждане Российской Федерации, достигшие восемнадцатилетнего возраста и имеющие права избирать и быть избранными, под электоральным поведением обычно понимают действия или бездействие электората, связанные с делегированием властных полномочий политическому субъекту в процессе их взаимодействия [3].

Вместе с тем, по мнению многих учёных – исследователей, электоральное поведение - весьма сложный не только социологический, но и социально – психологический феномен. Он

обладает весьма определённой сущностью и имеет различные виды и формы как внешнего проявления, так и внутреннего содержания – идентификация, поддержка, фетишизм, харизматический авторитет, нейтралитет, протест и т. д. [2]. Междисциплинарный подход, системный анализ предполагают изучение электорального поведения не только с помощью опросов общественного мнения, но и использованием психологических методов и приёмов, которые могут дать более достоверную и углублённую информацию для обоснованного прогноза как результатов выборов, так и всесторонней оценки и отношения к ним электората.

С учётом вышесказанного нами был произведён мониторинг поведения регионального электората в избирательных кампаниях, состоявшихся в Ярославской области в декабре 2003 года, – выборы депутатов Государственной Думы РФ, выборы губернатора Ярославской области, выборы мэра города Ярославля. 14 марта 2004 года прошли выборы президента РФ, депутатов Государственной Думы Ярославской области, глав местного самоуправления и депутатов представительных органов муниципальных образований. С декабря 2003 года по декабрь 2005 выборы по смешанной избирательной системе состоялись в 38 субъектах РФ, в 2006 году они пройдут ещё в 18 регионах страны. При изучении феноменов электорального поведения нами использовались следующие исследовательские методы: тематическое, направленное, в том числе включенное наблюдение, беседа, опрос (анкетирование и интервьюирование), контент - анализ различных текстов и материалов СМИ, метод экспертных оценок, статистический анализ. Использовалась как объективная, так и субъективная, первичная и вторичная информация.

В результате нам удалось получить достаточно достоверную информацию не только о вербальном, но и реальном электоральном поведении избирателей, как в ходе избирательных кампаний, так и между ними - оценку ими как самой избирательной кампании, избирательной системы в целом, так и других сфер жизнедеятельности общества. Были получены оценки и отношения электората к различным политическим, государственным и прочим институтам общества, должностным лицам.

Остановимся на некоторых аспектах электорального поведения.

День голосования (и в декабре 2003, и в марте 2004) так же, как и весь период избирательной кампании, был отмечен большим количеством нарушений, жалоб и протестами его участников и организаторов. Выборы показали не только желание избирателей обновить власть, но и высокий уровень политической апатии и протестного голосования. Мало кто из избирателей проявлял интерес к предвыборной программе и агитационным материалам кандидатов, да и к самим выборам. Так, несмотря на активную кампанию «Приди и проголосуй», проведённую органами власти, явка избирателей на избирательные участки оказалась ниже, чем на выборах 7 декабря 2003 года (выборы депутатов Государственной Думы РФ и мэра города Ярославля).

Не приняли участие в голосовании 40,1% избирателей Ярославской области. Так, на выборах депутатов Госдумы Ярославской области в трёх выборах не состоялись. Из 25 одномандатных округов большинство избирателей проголосовали против всех. Избиратели Краснопереконского, Фрунзенского и Дзержинского районов города Ярославля показали самую низкую явку по области. Не пришла к урнам почти половина избирателей (48%).

На выборах представительного органа власти города Ярославля из 36 депутатов было избрано лишь 25, то есть на одиннадцати избирательных участках победил кандидат «против всех». В городе Рыбинске в 11 округах из 24 выборы также не состоялись, победил также кандидат «против всех». Наконец, на выборах местных и региональных депутатов в целом по области главным соперником лидеров (победителей) был кандидат «против всех» (второе место), которому была отдана в среднем почти пятая часть голосов избирателей.

В марте же 2004 года состоялись выборы и глав 16 муниципальных образований Ярославской области. В семи из них пришлось проводить второй тур.

Об уровне интереса избирателей к деятельности политических партий и доверии к ним красноречиво говорят результаты голосования по выборам депутатов Государственной Думы

РФ по федеральному округу (партийные списки) – декабрь 2003 года. Так, из 23 принявших участие в выборах политических партий 19 не смогли пройти 5% барьер. 12 же из них набрали менее 1% голосов избирателей.

В выборах депутатов Государственной думы РФ по Рыбинскому одномандатному избирательному округу №190 второе место после победителя А.А. Грешневикова занял кандидат «против всех», а по Кировскому одномандатному избирательному округу №184 – третье место, уступив только Е.Н. Заяшникову и А.И. Цветкову. Победитель – Е.Н. Заяшников - набрал менее трети голосов избирателей (28,19%), принявших участие в голосовании.

Причины столь низкой активности электорального поведения, а также мнения, оценки и суждения граждан об избирательных кампаниях, самой избирательной системе РФ в целом - предмет отдельного рассмотрения.

С учетом того, что молодёжь менее активна, чем люди старшего возраста, проводимый нами мониторинг поведения регионального электората тесно увязывался с учебно-воспитательным процессом, повышением политической и правовой культуры студенческой молодёжи. Практически нами были успешно, на наш взгляд, апробированы некоторые элементы некогда эффективно применявшейся в вузах общественно – политической практики.

Так, в курсах политологии и социологии во всех формах занятий глубоко изучались основы конституционного (государственного) права, власть и её носители, политические системы, демократия, политические институты и идеология, политическая культура и деятельность СМИ.

Студенты активно включались в работу избирательных кампаний в качестве как её участников и организаторов, так и исследователей. В этом плане большой интерес у них вызывали занятия по основным принципам и функциям демократических выборов, принципам избирательного права и организации выборов.

Активно шли обсуждение и проработка основных стадий избирательного процесса, особенностей мажоритарной и пропорциональной системы, последних как федеральных, так и ре-

гиональных законов о выборах. Студенты проанализировали также послание Президента РФ Федеральному собранию РФ 2005 года и последующие президентские инициативы, касающиеся модернизации политической системы и нормативных основ проводимых в стране выборов [1].

Начатая в этом направлении работа не могла не сказаться на росте у студентов интереса к курсу политологии и социологии, повышению успеваемости, общественно – политической активности и более ответственного, сознательного участия в выборах.

Библиографический список

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации. ФГУП Изд-во «Известия», М.: 2005.
2. Гришин Е.В. Социально–психологические детерминанты предвыборных кампаний в России: Автореф. дис.... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.
3. Маренков А. В. Социально–психологические факторы электорального поведения (на примере современной России и стран СНГ): Автореф. дис.... канд. психол. наук. Ярославль, 2004.
4. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения / Под ред. В.А. Ядова. Л., 1979.
5. Соколов А. В. Выборы в Ярославской области 2003 года. Издание ЯРОО «Центр социального партнёрства». Ярославль, 2004.
6. Факты и комментарии по результатам мониторинга выборов Президента Российской Федерации 2004 года. М.: Ассоциация в защиту прав избирателей «Голос». М., 2004.

© Е.В. Чернова

Политические партии и выборы

Многопартийность – неотъемлемая черта развитого гражданского общества. Главный ее элемент – политическая партия. В настоящее время партии находятся в тесной взаимосвязи с периодическим проведением выборов в органы государственной власти всех уровней и, соответственно, представляют собой

один из важнейших институтов современной политической системы.

В политической науке существует множество определений политической партии, но можно констатировать факт, что любое определение дается исходя из ее свойств и целей. Если обратиться к ФЗ РФ «О политических партиях» от 11.07.2001, то «политическая партия – это общественное объединение, созданное в целях участия граждан РФ в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления» [1]. Таким образом, политическая партия – это, прежде всего, наиболее политически активная часть общества, объединяющая ее членов на основе общих политических взглядов и целей, а также совокупности интересов различных социальных групп или конкретного лидера. Эти факторы имеют место в деятельности практически любой партии, составляя в совокупности ее идеологический комплекс [2].

Принципиальное отличие политической партии от других структур политической системы современного общества состоит в том, что ее главной и основной целью является борьба за завоевание и использование государственной власти. Политическую партию следует отличать от политических движений и блоков. Они не имеют характерной для партии организационно упорядоченной иерархической структуры: руководители и рядовые члены партии, центральные и региональные руководящие органы, территориальные и местные структурные подразделения. У них нет детально разработанной политической программы, то есть отсутствует прямое воздействие тем или иным способом на принятие государственных решений, несмотря на то, что это предполагается в качестве одного из направлений деятельности любого движения или объединения.

Но исключительно завоевание государственной власти не является абсолютной и конечной целью политической партии. Основная задача – это использование механизмов влияния государственной власти для придания интересам партии статуса общегосударственных и их практической реализации через за-

конодательную и исполнительную власть. Любая партия в этой борьбе проходит несколько этапов:

I этап: анализ социально – экономического положения общества, выделение основных проблем, выбор пути дальнейшего развития общества в целом, то есть фактически предложение нового проекта общественного обустройства, путей и способов его достижения.

II этап: создание актива – носителей идейных основ, которыми являются конкретные персоналии, составляющие внутрипартийную идеологическую элиту, привлечение новых сторонников проекта, которые впоследствии составят актив партии на местах, а также создание базы рядовых членов партии, разделяющих взгляды на решение социальных проблем. Сам теоретический проект становится партийной программой с определенной стратегией и тактикой.

III этап: выборы. Поскольку в политической системе гражданского общества борьба за завоевание государственной власти – это конкурентная политическая борьба за голоса избирателей в рамках избирательного процесса, то они должны решить свою первоочередную задачу – обеспечить представительство в органах государственной власти [3]. Партийный проект становится предвыборным и предоставляется на выбор избирателям. Только политическая партия имеет право выдвигать своих кандидатов на все уровни законодательной власти и занимается их предвыборными кампаниями [4].

IV этап: в случае победы на выборах политические партии могут создавать фракции в законодательных органах власти с целью лоббирования своих интересов. Поскольку в гражданском обществе основополагающий инструмент государственного управления – издание законов или нормативных правовых актов, то успех любой партии на выборах определяется численностью мест в парламенте для возможности доминирующего влияния на законодательную деятельность. Таким образом, законодательная деятельность, направленная на практическую реализацию нового проекта общественного обустройства, является основным видом значимой работы политической партии, а также инструментом выражения истинных идейных установок партии и придания им статуса общероссийских.

Именно на этом этапе можно говорить о подготовке партии к следующим парламентским выборам с целью удержания власти. Такая подготовка уже будет базироваться на текущей законодательной и парламентской деятельности партии и ее депутатов, налаживании социальных отношений, открытой политической конкуренции, поиске конструктивных решений с оппонентами, направленных на благо населения, публичности. И если в процессе избирательной кампании можно было говорить об участии всех членов политической партии в борьбе за власть, то ее использование от имени партии принадлежит малой группе людей, так называемому партийному депутатскому корпусу, имеющему государственные полномочия. Эта группа выполняет функцию реализации партийных программ через законодательную деятельность и «представляют интересы избирателей – группы более обширной, чем партия, в которую они сами между тем включены» [5]. При этом условии оптимальна согласованность действий между руководством партии и депутатским корпусом, которая приводит к принятию важных политических решений с учетом мнения всех сторон. В этом случае законодательный процесс становится эффективным каналом регулирования социальных отношений политической партией.

В современной России становление многопартийной системы началось в 90-х годах 20 века. Именно в 1990 году состоялись реальные конкурентные партийные выборы, которые определили расстановку политических сил в стране. В данном случае понятие «партия» имело самый широкий смысл и трактовалось как «политическое объединение» вообще, то есть включало в себя блоки, коалиции, движения. Требованиям полноценной «партии» отвечала только КПРФ, которая имела большую численность, аппарат, устав и представительства на региональном и местном уровнях. С того времени многие партии и движения прошли определенный путь развития. Еще в 1993 году 167 общественных объединений разной политической ориентации, уставы которых содержали положение об участии в федеральных выборах, были зарегистрированы Минюстом РФ и получили гарантии реального участия в избирательной кампании [6]. В 1995 году количество зарегистрированных общероссийских общественных объединений выросло до 273, среди которых было и

83 политические партии. В 1999 году Минюст зарегистрировал 139 общероссийских организаций, обладающих правом участия в избирательной кампании.

Если обратиться к парламентским выборам 2003 года, то для участия в них было зарегистрировано 23 партии и движения [7]. Таким образом, анализируя развитие многопартийной системы РФ, особенно после выборов 1999 года, можно выделить новый этап – укрепление позиций партий. По итогам выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва можно отметить, что только 4 партии и движения смогли преодолеть 5% барьер.

Политическая партия «Единая Россия» - 35, 65%

«Родина» (народно – патриотический союз) – 13, 08%

ЛДПР – 11, 43%

КПРФ – 9, 19%

Выборы происходили по смешанной системе: из 450 депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ половина (225) избиралась по так называемым партийным спискам, половина – 225 – по одномандатным округам [8]. Интересы Ярославской области в Государственной Думе Федерального Собрания РФ четвертого созыва представляют А.А. Сизов (партийный список партии «Единая Россия»); Е.Н. Заяшников (одномандатный округ № 189, выдвинут ЯРО ПП «Единая Россия»); А.Н. Грешневиков (одномандатный округ № 190). На сегодняшний день самая крупная фракция в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва – фракция «Единая Россия», которая насчитывает 309 депутатов федерального списка и депутатов – одномандатников [9]. Эффективность создания фракций и лоббирование интересов населения через деятельность партий заставило депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ внести поправки в ФЗ РФ № 121 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ». Поправки касаются усиления роли партий и ужесточения требований к ним. Следующие выборы Государственной Думы Федерального Собрания РФ пятого созыва в 2007 году пройдут исключительно по партийным спискам, причем выдвигать федеральные списки смогут только партии, отвечающие определенным требованиям: наличие регио-

нальных отделений более чем в половине субъектов РФ; численность рядовых членов партии не менее 50 000, при этом более чем в половине субъектов Российской Федерации политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее пятисот членов политической партии в соответствии с пунктом 6 статьи 23 настоящего Федерального закона. В остальных региональных отделениях численность каждого из них не может составлять менее двухсот пятидесяти членов политической партии в соответствии с пунктом 6 статьи 23 настоящего Федерального закона. При этом установлен 7% барьер прохождения партии в Государственную Думу Федерального Собрания РФ [10].

Что касается выборов Государственной Думы Ярославской области, то на выборах 14 марта 2004 года в законодательный орган власти прошли следующие партии и движения, выдвигавшие партийные списки:

«Единая Россия» - 25, 98%

«Родина» - 20,02%

КПРФ – 7,04%

ЛДПР – 6,27%

Правда, порядок, справедливость – 9,09%

Аграрная партия – 6, 36%

Выборы также шли по смешанной системе: из 50 депутатов Государственной Думы Ярославской области 25 избирались по партийным спискам, 25 – по одномандатным округам. В настоящее время в Государственной Думе Ярославской области создано 5 фракций. Самая крупная из них в законодательном собрании Ярославской области – «Единая Россия», она насчитывает 17 человек. Следующая по численности – фракция «За регионы» - 8 человек, аграрная фракция – 6, «Родина» и депутатская группа «Политическая партия Родина» по 5 человек. Лидер партийного списка ЯРО ПП «Единая Россия» Н.И.Тонков представляет интересы законодательной власти Ярославской области в Совете Федерации Федерального Собрания РФ [11]. Несмотря на то, что депутаты Государственной Думы Ярославской области в 2008 году будет избираться также по смешанной системе, тенденция усиления роли и укрепления позиции партии «Единая Россия» на уровне как законодательной, так и исполнительной

власти четко прослеживается.

Успех межвыборной деятельности партий определяется созданием местных и первичных отделений в районах, тесной работой с населением, умением решить его проблемы на законодательном уровне. Для политической партии должны быть интересны все уровни законодательной и исполнительной власти: федеральной, региональной и местной. Выборы местного самоуправления, согласно ФЗ РФ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления», показали, что не все партии, действующие на территории Ярославской области, были готовы к конкурентной борьбе за депутатские мандаты в муниципальных советах городских и сельских поселений. Упрочнение позиций среди населения и привлечение новых сторонников свидетельствуют об укреплении политической партии и реальной подготовке к выборам 2007 – 2008 года в условиях модернизации политической системы РФ.

Библиографический список

1. ФЗ РФ «О политических партиях» 11.07.2001г. №95 – ФЗ.
2. Малкин Е.Б., Сучков Е.Б. Основы избирательных технологий. М.: Русская панорама, 2000. С. 353.
3. Нисневич Ю.А. Закон и политика. М.: Одно из лучших, 2005. С. 75.
4. ФЗ РФ «О политических партиях» 11.07.2001г. №95 – ФЗ.
5. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический проект, 2000. С. 237.
6. Общероссийские избирательные объединения: Справочник. М., 1999.
7. www.yaroslavl.izbirkom.ru
8. ФЗ РФ «О выборах депутатов депутатов ГД ФС РФ», 24.06.1999 № 121 – ФЗ.
9. www.duma.gov.ru
10. ФЗ РФ «О политических партиях», 11.07.2001, №95 – ФЗ.
11. www.yaroslavl.izbirkom.ru

Приемы и методы пропаганды первого советского десятилетия на примере формирования образа «буржуазной» интеллигенции

Техническая база большевистской пропаганды включала в себя различные приемы и методы, которые обеспечивали определенное воздействие на аудиторию. Надо заметить, что количество приведенных ниже приемов и методов различно в зависимости от уровня газеты или журнала, степени образованности редактора или авторов статей, от года выпуска периодического издания. Авторы статей использовали их скорее интуитивно, стараясь облегчить читателю восприятие информации. Надо отметить, что многие рассматриваемые пропагандистские приемы используются и в современных средствах массовой информации.

Опираясь на современные представления и труды [1], появившиеся в западной науке (истории, технике ведения информационно-рекламных войн, создании рекламного дела), мы выделили несколько пропагандистских приемов, которые имели место при формировании образа интеллигента.

Одним из самых распространенных был прием, который в некоторых работах упоминается как bandwagon (прицепной вагон). Это ни что иное, как принцип “или с нами, или против нас”, призывающий аудиторию присоединиться к общей массе. Прием основан на чувстве коллективизма, национализма, на желании каждого быть на стороне победителей [2]. Этот принцип сформулировал также нидерландский исследователь Т.А. ван Дайком [3]. Не случайно большевики делали упор на волевой потенциал своей организации, активно используя для формулировки партийных задач фразы, в которых непосредственно присутствовал субъект, обозначаваемый подлежащим «мы». Та же фраза, но сформулированная бессубъектным образом, лишь декларировала бы наличие задачи и готовность партии ее решать, ничего не говоря об ее отличиях от “других”. Весь спор с интеллигенцией ведется от лица субъекта «мы».

Например: “Мы пронеслись смерчем разрушений, а теперь – мы зовем к урагану культуры” [4].

«...Мы находим значительные группы ученых, дающих расцвет поповщины, антидарвинизма, попытки сочетания изучения внутренних секретий с признанием бога» [5].

«Мы не злопамятны. Мы реальные политики... В общем же, интеллигенция, голос которой для некоторых слоев обывательства авторитетен, впервые высказалась в этом городе за полнейшую поддержку нашей политики» [6].

«И теперь, когда мы выходим еще более твердыми из испытаний, мы снова приглашаем нашу интеллигенцию!» [7].

В литературе встречается также термин limiting the choices (ограниченный выбор) – или Lesser of Two Evils (меньшее из двух зол). Читателю необходимо выбрать одну сторону из двух, хотя на самом деле выбор шире. Именно поэтому большевики не признавали нейтральных взглядов: аполитичность «старой» интеллигенции постоянно критиковалась.

Уже в первые годы после революции принадлежность к пролетариату приобрела решающее значение. Далеко не все большевики имели «пролетарские корни». Однако все они старались упомянуть о своем рабоче-крестьянском происхождении. Цель пропагандистов – подчеркнуть классовую связь с широкими массами, внушить им, что революция была рабоче-крестьянской. Этот прием в трудах некоторых исследователей получил название plain folks [8] (“мы из народа”). Он обуславливал презрение к тем, кто выделяется образованием или происхождением, то есть к интеллигенции.

Некоторые исследователи отмечают, что среди пропагандистских методов имел место страх, точнее, его специфическая форма [9]. Постоянные обвинения интеллигенции, постоянное напоминание о саботаже, который интеллигенция устроила в первые месяцы советской власти, содействовали возрастанию чувства недоверия, боязни внезапного удара или вредительства интеллигенции. Для того, чтобы насаждать страх, сомнение и неуверенность, пропагандисты использовали неведение, изолированность общества от реальных фактов.

Исследователь И.Н. Донина [10] отмечает, что для советской пропаганды было характерно использование особых связей между идеей, нуждающейся в поддержке, с тем, что обладало авторитетом, популярностью, пользовалось уважением, напри-

мер, привлечение понятий православия для того, чтобы подтвердить марксистские термины. Этот прием в западной литературе получил название transfer (перенос) [11]. Частью этого приема, вероятно, можно считать и весьма распространенный обратный прием: интеллигенцию связывали с тем, что должно было вызвать отторжение: мы видим, каким популярным становится парадоксальное сочетание «интеллигентская обывательщина» [12], «контрреволюционная интеллигенция» [13]. Даже понятие «буржуазная интеллигенция» во многом было призвано соединить буржуазию и интеллигенцию.

Очень часто в статьях использовались слова и выражения, которые маскировали истинную суть вещей. После выхода романа Джорджа Оруэлла “1984 год” появилось понятие doublespeak. Это выражения, подобранные таким образом, что создают определенное отношение к событиям. Так, интеллигентов называли «маститыми», «академиками», [14] профессоров – «кастой жрецов» [15].

Одна из самых популярных пропагандистских тактик – это опровержение какой-то идеи, основанное на единичных и нерешающих фактах, которые дискредитируют автора этого предложения. Это отторжение человека, а не его идеи. Вторая сторона этого приема – перенос единичного факта на весь объект. Например, в газетах часто говорилось о вредительстве отдельных специалистов.

«При избрании одного профессора на должность выяснилось, что он “в патриотических целях искоренения крамолы в российском государстве...писал на своих коллег доносы, изобличал их в вольнодумстве и вредном образе мыслей” [16]. Автор этим свидетельствует, что все профессора ненадежны и склонны к предательству. “Профессора собирают деньги на благолепие церкви, и “с удовлетворением вздыхала казанская интеллигенция, отнюдь не “смено-веховского толка, что наука наша идет рука об руку с верою: как же, ведь никто другой... профессора...” [17]. Факт имел место в Казани, однако через это в религиозности обвиняются все профессора.

Многие ученые отмечали, что марксизм приобретает статус науки. С позиций марксизма осуществлялась критика литературных произведений. Заявление большевистского теоретика

о том, что тот или иной ученый далек от марксизма, чаще всего означало, что он далек от подлинной науки. В некоторых исследованиях этот прием получил название bad science [18] (плохая, сомнительная наука) или pseudo-science [19] (псевдонаука) – т.е. информация, которая на самом деле не является научной, т.к. получена не на основе общепризнанных научных методов. Например, критикуя книгу П.Н.Сакулина «Русская литература и социализм» [20], М. Рейснер говорит о том, что «дух учения Маркса, как в области социологических гипотез и обобщений, так и в области социально-революционной практики, столь далекой от мещанской трезвости и осторожности премудрых пескарей, этот дух остался абсолютно чужд нашему автору, так же как и тем, кто о марксизме знает лишь понаслышке» [21]. Это объявляется главным недостатком книги Сакулина.

Существуют еще понятия junk science [22] – гнилая наука, которое используется для того, чтобы унижить соперника, и scholarly appearance [23] (видимость науки) – прием, заключающийся в том, чтобы подать какую-нибудь идею как научную, придав таким образом достоверность некой информации.

Во многих статьях – диалогах с интеллигенцией большевики заявляют о своей готовности пойти на сотрудничество с интеллигенцией. Реальная политика власти по отношению к интеллигенции доказывает, что власть не шла на уступки. В ряде статей большевики критиковали своих товарищей по партии за излишнюю мягкость по отношению к «вредителям» [24]. Возникает линия «добродушные ребята» [25] большевики – «вредители – интеллигенты». В некоторых исследованиях конструирование таких линий называется термином greenwashing [26]. Власть хочет казаться гораздо миролюбивее, дружелюбнее, чем она есть на самом деле.

Многие пропагандисты подчеркивают опасность, которую может принести интеллигенция. Они постоянно упоминают о связи интеллигенции с контрреволюцией, о том, что буржуазия постоянно делает «вылазки» [27]. Некоторые исследователи называют этот прием demonizing the opposition [28] (преувеличение опасности) – постоянно говорится об атаках, которые предпринимают противники, о том, как они ловки и успешны в этих атаках, о том, что их победа может быть близка. Разновидностью

этого пропагандистского приема является distort risk [29] (искаженный риск) – пропаганда внушает опасность от чего-то, например от того, что интеллигенция очень скоро снова может оказаться на стороне буржуазии, и потому пролетариат, то есть народ, постоянно рискует, приглашая ее к сотрудничеству.

Высшая степень приема Demonising the Opposition - это так называемый Mud slinging [30] (обливание грязью). Прием включает использование фальшивых обвинений, обилие оскорблений. Например, Я.Окунев заявляет, что в университетах преподает «контрреволюционный навоз» [31]. Л.Каменев, выделяя недостатки «старой» интеллигенции, заключает: «Приятно видеть врага уродом!» [32].

В пропаганде против интеллигенции можно увидеть использование таких приемов, как Historical engineering with novels [33] (дополнение истории легендами). Данный прием означал переписывание большевиками истории таким образом, чтобы в ней отражался классовый подход. Сходство с ним имеет другой прием, background information, [34] – упоминание об исторических фактах, которые могут подтвердить или опровергнуть что-либо. Так, пропагандисты неоднократно «доказывали», что интеллигенция служила царскому режиму верой и правдой [35].

Примечательно, что в 1922 году, осенью, когда проходила череда репрессий против интеллигенции, в газетах было крайне мало статей, освещающих этот вопрос. Кроме пространной статьи в «Правде» 31 августа 1922 года, можем назвать всего лишь несколько статей, весьма туманно повествующих о мерах, предпринятых против «контрреволюционной» интеллигенции [36]. И даже в этих малочисленных статьях акцент делается не на репрессиях, а на вредительстве, который принесла интеллигенция. Например, в статье “Злодеяние или благодеяние” [37] С. Виленский рисует красочную картину вредительства интеллигенции: профессора всеми силами препятствовали проникновению в университеты прогрессивных идей. Тем самым внимание переадресовывается с одного предмета на другой. В некоторых исследованиях этот прием переадресации внимания называют red herring [38]

Существует один любопытный пропагандистский прием, при котором точка зрения оппонента изобретается практически

полностью, причем иногда даже и сам оппонент появляется только для того, чтобы его дискредитировать, разоблачить его идеи. Спор с оппонентом таким образом приводит к заведомо известному результату – афишированию «верной» точки зрения и опровержению «ложной». Этот прием получил название чучела - straw man [39]. Практическое использование этого приема можно видеть, например, в той части советской пропаганды, которая касается сменовеховства. В начале 20-х годов идеи сменовеховцев активно обсуждаются на страницах газет и журналов. Лидеры сменовеховства (Ю.В.Ключников, Ю.Н.Потехин, Н.В.Устрялов) часто интервьюируются. В действительности черед дискуссий с ними ни к чему не ведет. Они играют роль «чучела», которое помогает большевикам выработать очередную доктрину в отношении художественной интеллигенции и продемонстрировать ее в печати.

Отдельно можно выделить пропагандистские приемы, которые заключаются в использовании различных словесных ходов. Во-первых, это использование эвфемизмов для того, чтобы что-то звучало не так страшно, как это есть на самом деле. Во-вторых, для того, чтобы точнее выразить идею, чтобы описать событие определенными красками, используют колоритные эпитеты и метафоры. Для того, чтобы ускорить запоминание какой-то идеи, пропагандисты используют прием повторения.

Неопределенность, двусмысленность некоторых статей была также пропагандистским приемом. Например, в статье Макара “Беззубый скрежет” [40] интеллигенция обвиняется во всех событиях, в противостоянии власти, причем непонятно, обвиняется ли действительно интеллигенция или буржуазия, обвинения емкие и обтекаемые. Макара, автор статьи, начинает со сдержанных размышлений о классовой структуре общества и о месте в нем интеллигенции, а заканчивает фактически угрозами расправы. В некоторых статьях большевики вообще избегают конкретизации. Этот прием иногда называется strategic ambiguity [41] – (туманность, двусмысленность) или vagueness [42] – (неопределенность). В качестве пропагандистского приема используется преувеличение или вообще искажение информации. Обычно оно используется в контексте с иными, базовыми фактами, которые и остаются в голове, но захватывают еще и побочные факты, из-

за которых складывается определенное отношение к чему-либо [43].

Сатира служила пропагандистам на протяжении всей истории. Например, критикуя одно из эмигрантских изданий, автор иронизирует: «Желтенькая так себе книжонка, в папочке, вроде детских изданий... И ведь как важно: "Мы убежали от большевиков", только о том во Вчике и потели, как бы это добро не упустить. Ну и упустили, - а еще говорят, у нас Ч. К. есть, - не чека это, а сонное царство, таких людей выпустить! а еще ругаемся - Европа сгнила, - да как же ей голубушке не сгнить, коли мы туда такой товарец внешторгировать будем!» [44].

В целях усиления воздействия идеологических стереотипов на коллективное сознание редакции газет публиковали большое количество статей и выступлений руководителей политических режимов и лидеров общественных сил. В газетах печатались заметки, интервью, доклады Ленина, Троцкого, Калинина и т.д. По подсчетам А.А. Гончарова, из 196 статей, речей, проектов постановлений и декретов, написанных и произнесенных Лениным с 25 октября 1917 по июль 1918 гг., 102 были опубликованы в центральной и местной прессе [45]. Свидетельства авторитетных большевиков производили огромное впечатление на читателей.

Таким образом, советская пропаганда уже в первые годы советской власти отличалась разнообразием приемов и методов. Многие из них были ориентированы на читателя, неспособного к критическому восприятию информации. Широкий диапазон использования приемов позволял большевикам в короткий срок создать стереотипы и воздействовать на массовое сознание.

Библиографический список

1. <http://www.propaganda101.com/>,
<http://carmen.artsci.washington.edu/>,
www.esrnational.org/whatispropaganda.htm,
www.drugpolicycentral.com/bot/pg/propaganda и др.
2. <http://www.propagandacritic.com/articles/ct.sa.bandwagon.html>
3. Van Dijk T.A. Ideology. A Multidisciplinary Approach. London, 1998.
4. Правда. 1923. 3 января.

5. Правда.1922. 25 октября.
6. Сосновский Л. Интеллигенция и трудовые задачи России // Правда. 1920. 28 мая.
7. Бухарин Н. На повороте // Правда. 1920. 18 февраля.
8. http://www.propagandacritic.com/articles/ct.sa.plain_folks.html
9. <http://www.propagandacritic.com/articles/ct.sa.fear.html>
10. Дони́на И.Н. Власть и народ: модернизация духовных отношений (1920-1930) // Личность и власть в истории России XIX – XX вв.: материалы научн. конф. СПб, 1997.
11. http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Transfer_%28propaganda_technique%29.
12. Мещеряков Н. Агония буржуазии // Правда. 1919. 7 сентября.
13. Там же.
14. Леф. За что борется Леф? // Леф. 1923. №1.
15. Правда. 1920. 3 июня. Правда. 1920. 8 июля.
16. Зорич А. Четыре царя, святая женщина и ученый профессор Головин // Правда.1924. 10 апреля.
17. Кареев С. Портреты казанской профессуры // Правда.1922. 10 августа.
18. http://www.propagandacritic.com/articles/ct.sa.bad_science.html
19. "<http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Pseudo-science>
20. Сакулин П.Н. Часть первая. Ранний русский социализм. М., 1922. С. 504.
21. Рейснер М. Старое и новое // Красная новь. 1922. №3. С. 294.
22. http://www.propagandacritic.com/articles/ct.sa.junk_science.html
23. [http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Scholarly_appearance"](http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Scholarly_appearance)
24. Волин Б. Клеветники: Эренбург Никитин Брик // На посту. 1923. №1. С. 9.
25. Лелевич Г. Нам нужна партийная линия // На посту. 1923. №1. С. 106.
26. <http://www.propagandacritic.com/articles/ct.sa.Greenwashing.html>
27. Яковлев Я. Меньшевизм в пролеткультовской одежде//Правда.1923. 4 января.
28. http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Demonizing_the_opposition
29. http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Distort_risk
30. http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Mud_slinging
31. Окунев Я. Тихой сапой // Правда. 1922. 27 октября.

32. Каменев Л. Об эволюции ругани // Под знаменем марксизма. 1922. №4. С. 108-109
33. http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Historical_engineering_with_novels
34. http://www.sourcewatch.org/index.php?title=background_information
35. Правда. 1921. 1 сентября.
36. Виленский С. Злодеяние или благодеяние // Северный рабочий. 1922. 24 сентября; Правда. 1922. 31 августа.
37. Виленский С. Злодеяние или благодеяние// Северный рабочий. 1922. 24 сентября
38. http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Red_herring"
39. (http://www.montgomerycollege.edu/faculty/~steuben/public_html/strawman.htm)
40. Макап. Беззубый скрежет. М., 1918
41. http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Strategic_ambiguity"
42. <http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Vagueness>"
43. <http://www.sourcewatch.org/index.php?title=Augmentation>"
44. Орфик. Д. Мережковский. Царство антихриста //Красная новь. 1921. №4 . С. 256.

© О.В. Епархина

Характеристики групп как фактор коммуникации социальных и политических институтов в современной России

В современной России баланс между институционализированными и персонифицированными формами коллективного действия смещается в сторону последних. Поэтому изучение политической практики нецелесообразно без учета обрамляющих ее особых социальных отношений и включения их в область политического исследования. Сходную точку зрения на роль политических институтов в проведении политических и социальных реформ предлагает М.Урбан, который считает, что «..государственную машину приводят в действие разнообразные патронажные группы, использующие ее в собственных интересах» [1]. В рамках такого подхода особый интерес представляет соотнесение отдельных социальных общностей с системой политического и социального представительства.

Система политического и социального представительства в РФ с 90-х гг. была выстроена таким образом, что интересы подавляющего большинства населения страны не только не были должным образом представлены на политическом поле, но и не учитывались при формировании новой элиты. Причинами этого выступало не только давление со стороны государства, но и пассивность самих социальных групп, их неготовность войти в политическую элиту. Внутренняя стратификация политической элиты отличается от стратификации общества в целом, поскольку политическая элита формируется только из представителей политически активных социальных классов. К их числу, по мнению Ю.Коргунюка, [2] относятся: люмпены и люмпеноиды, чиновничество, буржуазия, интеллигенция. Задействованность в политическом представительстве того или иного класса зависит от типа отношений, господствующего в обществе в целом. «Если внутри социума разрываются связи и он распадается на мелкие, конфликтующие друг с другом группы, на первый план выходят люмпены. Если там превалируют патрон-клиентельные отношения, то политическую элиту будет формировать бюрократия. Если в обществе доминируют гражданские отношения, то ведущим классом политической элиты станет буржуазия». На наш взгляд, целесообразно рассмотреть участие в политических процессах, политическую ангажированность и специфику представительства основных социальных слоев для выявления степени институционализации их действий.

Интеллигенция, вначале находившаяся в авангарде политических перемен, принимала активное участие в выборах всех уровней, в разработке и инициировании экономических реформ, и ее действия носили явно выраженный институциональный характер. Если различные слои бюрократии выступали основными акторами на политической сцене, то интеллигенция сыграла роль катализатора начавшихся в стране процессов. Именно она была инициатором создания новых политических институтов (независимых СМИ, партий и т.п.) и форм политического участия. Сегодня политическое влияние этого класса снизилось, а сам он утратил целостность: у интеллигенции не хватило сил на самостоятельную роль в политическом процессе.

Люмпены занимали активную позицию в сфере политико-социального представительства, когда старые государственные институты разрушались, а новые еще не были созданы. Но затем в политическую элиту проникает лишь небольшое их количество – в основном через органы представительной власти. В России выход люмпенов на политическую сцену стал возможен лишь в конце 1993 г. На наш взгляд, присутствие в ГД РФ партий, представляющих их интересы, свидетельствует о достаточной институционализированности их действий. При этом этот слой влияет не столько на содержание, сколько на стиль принятия политических решений.

Буржуазия – самый молодой класс современного российского общества, до сих пор, по мнению Ю.Коргунюка, «не дозревший до сознательного отстаивания своих интересов на политическом уровне. На протяжении 1990-х годов данную функцию выполняло отчасти обуржуазившееся чиновничество в лице «партии власти», но в основном – интеллигенция, обосновавшая неизбежность и необходимость для страны либеральных реформ и первой начавшая борьбу за их осуществление. Представители самой буржуазии приходили в этот период в политику самостоятельно, а их усилия укрепляли позиции какого угодно, только не собственного класса». Здесь налицо политическая и социальная инфантильность: те бизнесмены, которые шли в политику, интересов буржуазии в целом представлять не могли.

Однако к 1999 г. значительная часть класса начала осознавать недопустимость игнорирования политики. Часть предпринимателей сочла наилучшей формой политических инвестиций поддержку партий федерального и регионального начальства, но другая ее часть отдала предпочтение партийным формам политического представительства. К 2005 году, по оценкам большинства исследователей, позиции обуржуазившейся бюрократии сильны как никогда. Она вновь сплочена в рамках «партии власти», степень институализации сравнительно высокая.

Таким образом, в настоящее время в нашем обществе налицо смешение патрон-клиентельных и гражданских связей. По мнению Ю.Коргунюка, «если в частной жизни россияне ведут себя как граждане, то в общественной сфере отдают предпочтение патрон-клиентельным отношениям». Это обуславливает

специфику социального и политического представительства, что, в свою очередь, способствует увеличению числа социально не защищенных слоев и разрыву в уровне обеспечения за счет постоянного падения уровня жизни последних - эти слои, не участвуя в политическом процессе, не могут выражать свои интересы и отстаивать их через группы давления или другие механизмы.

По данным исследователя Е. Башкировой, резко негативно характеризуя существующую политическую систему и отказывая в доверии почти всем государственным институтам, россияне, судя по результатам опросов, весьма слабо представляют себе, какое же политическое устройство позволит обществу выбраться из нынешней ситуации. Называя в качестве приоритетной задачу наведения порядка и выделяя вооруженные силы среди всех институтов власти, население, тем не менее, отнюдь не стремится к тому, чтобы к власти пришли военные: такую идею поддерживают лишь около 16% респондентов (более 25% по Ярославской области на 2005 г.) [3], тогда как у 67% она не вызывает симпатии. Сильного лидера, которого не ограничивает ни парламент, ни выборы, хотели бы во главе государства видеть около 40% опрошенных (такие же результаты по области), но 42% отвергают и эту модель [4]. Уровень доверия населения к институтам законодательной власти крайне низок: оно было высказано в единичных случаях; исполнительная власть пользуется незначительной поддержкой, что обусловлено не столько эффективностью ее действий, сколько оценкой респондентами ее потенциальных возможностей и ресурсов. Результаты исследования в Ярославской области демонстрируют политический скептицизм и то, что никакая ветвь или институт власти не вызывают у граждан доверия. Весьма низкое доверие вызывают у граждан России и у населения области в частности почти все государственные и общественные институты (менее 15%). Наименьшую же степень доверия вызывают именно те институты, на которых традиционно держится демократическое общество, - парламент, пресса, судебная система; респонденты проявляют большую склонность обращаться к неформальным институтам, нежели к официальным (около 12% действовавших в институционализированной форме); подавляющее же большин-

ство уверено, что эффективно решить свои проблемы они смогут лишь самостоятельно (свыше 60% опрошенных).

Теперь рассмотрим указанные выше институты. Российская политическая система изначально отличалась усилением социальной роли партий и одновременно их маргинализацией в политическом процессе. Партиям не удалось стать ни массовыми объединениями, апеллирующими к конкретному социальному классу или определенной группе избирателей, ни классически универсальными организациями, подобными американским или западноевропейским партиям послевоенного образца. Важно отметить, что начала складываться кадровая партийная система, ориентированная не столько на выполнение политических функций, возникающих между государством и гражданским обществом, сколько на поддержание межэлитных связей. Эта псевдопартийная система явилась и причиной, и следствием режима политической системы, при которой партиям отводится маргинальная роль.

На наш взгляд, в этом анализе значительный интерес представляет точка зрения К.Холодковского[5], который утверждает, что сегодня «...политические партии способствуют развитию контактов внутри элиты и направляют идеологические и политические ресурсы на межэлитную борьбу, опровергая функционалистский тезис о том, что некоторые определенные функции должны выполняться в любом обществе и что дело партий – обеспечивать политическую коммуникацию между руководящими группами и народом. В нашем обществе такого рода коммуникативная функция, по-видимому, выполняется рядом альтернативных структур, прежде всего социальными движениями и СМИ. В связи с этим под вопрос ставятся функции, да и само определение политической партии». Данные опроса по Ярославской области в 2005 году подтверждают тезис об альтернативной роли СМИ в коммуникациях групп и институтов – 34% экспертов и свыше половины респондентов в массовом опросе считают, что СМИ эффективно выполняют эту роль.

По мнению Г.Дилигенского, «в России реальными партиями являются широкие, расплывающиеся идейно-политические течения, на которые фактически делится значительная часть российского общества. То, что формально имену-

ется партией или блоком, оказывается лишь частичной ее формой, однако из этих течений, образующих... своего рода политическую семью (коммунистов-традиционалистов, националистов-державников, либералов, социал-реформаторов, «партии власти», и т.п.), официальные партии, возглавляемые той или иной символической фигурой, выполняют функции электоральной ориентации, моделируют электоральное поле, но их задачей... не является укрупнение, агрегирование массовых интересов» [6].

Если исходить из общепринятого понимания партий как организаций, защищающих интересы крупных социальных групп, 99% российских политических образований являются не партиями, а либо «клубами по интересам», либо группами поддержки конкретных политиков, либо лоббистскими структурами мощных финансово-промышленных объединений. Именно по этой причине большинство партий России не имеют ни четкой идеологии, ни ясных целей и программных документов.

Вышеуказанную точку зрения во многом подтверждают исследования, проведенные в Ярославской области. Более 2/3 опрошенных высказали безразличие либо антипатию по отношению к партиям, их идеологическим и программным установкам. При этом явно негативные характеристики составляли более половины. Подобное отношение было мотивировано тем, что, по мнению опрошенных, партии не отражают интересов групп и не имеют четких целей развития.

Если вспомнить результаты выборов в Госдуму, то выяснится, что в парламентах всех созывов неизменно были представлены четыре партии: КПРФ, отстаивающая социалистические ценности и являющаяся центром притяжения левого электората; «Яблоко», пользующееся (наряду с правыми либеральными партиями) поддержкой так называемого демократического электората; ЛДПР (партия Жириновского), привлекающая протестный электорат нелевой ориентации, и «партия власти» (последняя каждый раз выступала под новым названием). Именно в данной системе «партийных координат» расположены политические предпочтения россиян. Определяя свои взгляды в категориях «правые - левые», более половины опрошенных левой ориентации позиционируют себя максимально близко к центру. «Пра-

вую” половину шкалы предпочли 54% респондентов, в т.ч. 37% чисто “правые”, почти такое же соотношение отмечается на 2004-2005 гг. в Ярославской области.

В целом это означает, что в обществе при примерном равенстве сторонников “левой” и “правой” ориентации появилась тенденция к доминированию “правых”. Справедливость такого заключения подтверждается результатами опроса четырехлетней давности. Тогда “центристскую позицию” выбрали более 60% респондентов, а “фланговые” ориентации распределились примерно поровну. В ходе же последнего исследования “центристов” оказалось лишь 33%, а сумма “центристов” и “левых” составила всего 52%. Почти полностью эти данные общероссийских опросов подтверждаются данными мониторинга партийных предпочтений в Ярославской области. Результаты анализа основных электоральных групп в российском обществе свидетельствуют о довольно сильной его поляризации.

Таким образом, на выборах люди отдают голоса за того или иного кандидата исключительно **по идейным соображениям, из личных симпатий, а не исходя из собственных групповых интересов**. Никакими конкретными обязательствами избранные со своими избирателями не связаны, первые вполне независимы от последних, ибо помимо того, что нет четких сформированных механизмов контроля за деятельностью народных избранников со стороны электората, российские граждане не проявляют по поводу этого никакой активности. Это привело к отрыву партий от электората, что позволило первым принимать активное участие в элитных сделках, преследуя свои корыстные цели. В итоге, не собственно политические организации (партии) являются в нынешней России привилегированными партнерами государства, а группировки элит, представляющие собой довольно узкие корпоративные интересы (нефтяные и газовые экспортеры, АПК, банковские структуры, промышленные корпорации). По сути, только элитные группировки четко осознали свои интересы и выразили их, только внутри них существует высокая групповая идентичность и чувство общности. Подавляющая часть действий в политическом поле остается неинституализированной.

Библиографический список

1. Урбан М. Социальные отношения и политические практики в посткоммунистической России // Полис. 2002. №3. С. 66.
2. Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства (2) // Полис. 2001. №2. С. 24.
3. Здесь и далее: Мониторинг социальных конфликтов. 2001-2005 гг. ЯрГУ, кафедра социально-политических теорий.
4. Башкирова Е.И. Трансформация ценностей российского общества//Полис. 2000. №6. С. 31.
5. Холодковский К.Г. Социально-психологическая дифференциация российского населения и процесс формирования партий // Полис. 2001. №5.
6. Дилигенский Г. Политическая институализация в России: социально-культурные и психологические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 7. С. 7.

© Т.А. Климюк

Духовные потребности в иерархии потребностей личности

Я желал бы, чтобы все люди были религиозны
К.Д. Ушинский

Потребности являются движущей силой развития человеческого общества. Существует множество вариантов их классификации

В.Д.Камаев в своем учебнике по экономической теории в соавторстве с Е.Н. Лобачевой отмечает, что экономическая наука обычно выделяет 3 группы потребностей: материальные, духовные, социальные. На первое место она ставит удовлетворение людьми материальных потребностей: в пище, жилье, одежде [9.С.20]. Авторы современных отечественных учебников по экономической теории (В.Д.Камаев, Е.Г. Ефимова, А.С.Булатов, Т.П.Журавлева) едины во мнении, что духовные потребности связаны с развитием человека как личности и удовлетворяются

получением образования, приобщением к искусству, чтением книг, владением информацией [3,4,8,9].

Социальные потребности реализуются, через участие людей в коллективной и общественной деятельности – в партиях, профсоюзах, “Кружках качества”, в общественных фондах, благотворительных организациях [9. С.20].

На самом деле такое понимание духовных потребностей, на наш взгляд, с собственно духовными потребностями ничего общего не имеют. Духовные потребности не состоят в получении образования и овладения культурой. Это потребности в общении с Богом.

В соответствии с православным богословием человек трехсоставен: состоит из духа, души и тела. Поэтому и вся жизнь его рассматривается по трем направлениям: духовному, душевному и плотскому [2. С.239].

Дух – это Божественная природа человека, созданная для общения с Богом. Страх Божий, совесть – голос Божий в человеке, молитва.

Душа – ум (интеллект, способности), воля, эмоции, чувства, характер, часть человека, делающая его способным жить в обществе.

Тело – “Дом”, в котором живут и проявляют «себя» душа и дух. Проявления тела – питание, движение, органы чувств [5.С.12].

В книге знаменитого профессора, нейрохирурга, лауреата Сталинской премии Первой степени Архиепископа Луки Войно-Ясенецкого, которая так и называется «Дух, Душа и Тело», подробно описаны составные части человеческой сущности. При этом подчеркивается, что дух должен занимать главенствующее положение. Плоды Духа – любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание [1. С 1278].

К.Д.Ушинский, ставя в центр воспитания душу человека и исходя из крестьянского представления о божественной природе и сущности души, писал: “Зерно существа человека составляет бессмертный дух, (и он) требует иной, не материальной, а духовной пищи” [7].

Если человек не понимает собственной антропологии, взаимозависимости духа, души и тела, возникают трудности во всех сферах его жизнедеятельности.

Удовлетворение телесных и духовных потребностей должно быть подчинено духу и направлено на приближение человека к Богу.

Если непосредственная связь человеческого духа с Духом Божиим разрушена, человек оказывается как бы ослепленным и не знает, куда ему идти: "...ты будешь слеп и не увидишь солнца до времени. И вдруг напал на него мрак и тьма и он, обращаясь туда и сюда, искал вожатого" [1.С. 1180].

Ослепленный дух, обращаясь туда и сюда, ищет, чем бы наполнить образовавшуюся через отпадение от Бога пустоту? Так человек всю жизнь проводит в суете, куда-то стремится, пытается постоянно быть занятым чем-то или кем-то, отсутствие занятий ведет к тяжело переживаемой скуке, депрессии.

От духовной опустошенности ума появляется безудержный интерес, неукротимая жажда познания и многознания. Духовная опустошенность воли порождает многожелание, всеобладание, стремление к обладанию всем, чем только возможно. Духовная опустошенность сердца, эмоций и чувств ведет к расцвету жажды удовольствий, неукротимому поиску того, что удовлетворяет наши внешние и внутренние чувства (Свт. Феофан Затворник).

Таким образом, потребности души и тела овладевают главенствующими позициями. Вместо стремления к бесконечному божественному совершенству человек попадает под власть инстинктов самосохранения, размножения и т.д. При этом он думает, что свободен, так как удовлетворяет свои эгоистические, чувственные желания и не понимает, что в действительности находится в плену своих пристрастий.

Человек, отвергающий свое изначальное предназначение, отказывающийся видеть смысл своего существования в Богообщении, стремлении к Богоподобию, пытается наполнить свою жизнь заботой о плоти (тело и душа). Опасность такого состояния заключается в том, что дух человека, по природе своей жаждущий общения с Бесконечным, Вечным, Всесильным Богом, начинает абсолютизировать и обожествлять удовлетворение ес-

тественных потребностей своей плоти. Еда постепенно превращается в обжорство и гортанобесие; сексуальность – в сладострастие, похоть, прелюбодеяние; бережливость – в жадность и сребролюбие.

Человек оказывается рабом материального мира, рабом собственной плоти, рабом греха. Грех возбуждает к страсти, дезорганизует волю, выводит из-под контроля сознание, эмоции, чувства, воображение [5. С.12-15].

К.Д.Ушинский по этому поводу писал: «Окружите человека всеми материальными благами, и он не только не сделается лучше, но не будет и счастливее, и что-нибудь из двух: или будет тяготиться самой жизнью, или быстро начнет понижаться до степени животного. Это нравственная аксиома, из которой не вывернуться человеку» [6. С. 481].

Что же такое грех? Как можно быть рабом греха, если грех – это то, что мы сами хотим делать и делаем? Апостол Павел дает такое определение греха: «все, что не по вере, грех» [1. С.1241], или другими словами: «Все, что не приближает нас к Богу, является грехом».

Что с нами происходит, когда мы грешим? Мы пытаемся добиться счастья, радости, блага без Бога. «Мы пойдем другим путем» - это девиз темных сил, принцип соблазна и искушения. Проблема в том, что другого пути достижения счастья не существует. Мы либо приближаемся к Богу, единственному источнику блага, обращаемся к его преобразующей и обновляющей силе и становимся цельными личностями; либо отдаляемся от Него, пытаемся игнорировать глубинную внутреннюю связь с нашим Отцом, Творцом, отказываемся от столь долгожданного и вожделенного счастья и погружаемся в стихию страстей, беспечности, безответственности, становимся рабами ограниченного, временного мира, рабами греха.

Таким образом, причина всех человеческих несчастий, страданий и проблем – это рабство, подчиненность греху, которое искажает естественную иерархию в строении человека и угнетает свободный человеческий дух [5. С.17-18].

В современной западной литературе большую популярность получила теория американского социолога Абрахама Маслоу, согласно которой все потребности располагаются в восхо-

дящем порядке от «низших» материальных до «высших» духовных:

- 1) физиологические;
- 2) в безопасности (защите от боли, гнева, страха);
- 3) в социальных связях (семейных, дружеских, религиозных);
- 4) в приобретении определенного социального статуса (признании, одобрении);
- 5) в самовыражении личности (в реализации способностей);

Две первые группы потребностей, согласно А. Маслоу – низшего порядка, две последние – высшего. До тех пор, пока не удовлетворены потребности низшего порядка, не возникает потребностей высшего порядка [9. С.21].

Учитывая роль духа в человеческой личности, мы согласны с мнением К.Л. Литвиненко и С.В. Литвиненко о том, что самой важной составляющей самоактуализации является Богообщение. Потребность в Богообщении разумно поместить на вершине иерархической лестницы, т.е. именно общение с Богом должно приносить наибольшее удовлетворение, удовольствие и счастье, которое только может воспринять человек. «Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим его» [1. С.1245].

Нужно отметить важную особенность удовлетворения потребности в общении с Богом, которая качественно отличает ее от основных потребностей системы Маслоу. При удовлетворении потребностей в Богообщении низшие потребности удовлетворяются сами собой. «Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам» [1.С.1018]. Можно привести цитаты из библии и жизни святых, подтверждающие это [5.С.343-346].

К.Д.Ушинским в одном из «Вариантов к I тому «Педагогической антропологии» было сделано пророческое предвидение: «Страшно подумать о том состоянии человека и общества, в которое они пришли бы, если бы материалистическое воззрение на мир сделалось таким же источником нравственных стремлений и общественных отношений, каким доселе являлась христианская религия, создавшая в обществе европейских народов то

глубокое христианское свободное общественное мнение, которым так увлекаются сами последователи материализма» [6. С.481].

Наша современная действительность полностью подтвердила слова и опасения гениального русского педагога. Мы в полной мере пожинаем плоды и испытываем на себе все последствия и результаты материалистического мировоззрения и основанных на нем системы общественной морали и системы педагогики. Каждому очевидно, что жить на этих нравственных принципах и мировоззренческих основаниях невозможно. От них нужно избавляться, если мы хотим выжить и спасти Россию. Но куда и как тогда двигаться? К.Д.Ушинский – и в этом вся его гениальность – со всей определенностью указывает, что есть только один выход – возвращение к «корням векового древа» русской народности, каковым является наша народная православная религия, которая содержит в себе «живой идеал нравственности и совершенства - Христа».

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Издание Московской патриархии. 1993.
2. Епископ Варнава (Беляев) Основы искусства святости. Издание Братства во имя св. князя Александра Невского, 1995.
3. Журавлева Г.Н. Экономика. М.: Экономист, 2005.
4. Ефимова Е.Г. Экономика. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2004.
5. Литвиненко К.Л., Литвиненко С.В. Откуда возникают внутренние проблемы и как их преодолеть? Взгляд православного психолога. Иваново.: Свет Православия, 2005.
6. Ушинский К.Д. Варианты к I тому «Педагогической антропологии». Пед. соч. М.: Педагогика, 1988. Т. 5. С. 464-514.
7. Ушинский К.Д. О православном элементе в русском воспитании. Пед. соч. М.: Педагогика, 1988. Т. 2. С. 425-488.
8. Экономика: Учебник / Под ред. А.С.Булатова. М.: Экономист, 2005.
9. Экономическая теория. Учебник / Под. ред. В.Д.Камаева, Е.Н.Лобачевой. М.: Юрайд – Издат., 2005.

Ценности семьи и брака в представлениях молодёжи

С учётом возрастных особенностей большое значение в поведении молодёжи имеет знание о всех сторонах семейной жизни и формирование установок в интимной сфере. Это одна из составляющих воспитания.

Ранее молодёжь не получала достоверной информации об этой сложной и деликатной стороне межличностных отношений, что отрицательно сказывалось на дееспособности семьи. Но и открытость информации по отношениям полов в условиях ложно понятой свободы имела тот же эффект, что и неинформированность.

В представлениях молодёжи больше уделяется внимания интимным взаимоотношениям, эмоциональной открытости и значительно меньше социальным аспектам семьи, супружеским обязанностям, эмоциональной и психологической готовности к ним, культуре межличностных отношений. Молодёжь предпочитает тип семейной организации, для которой характерен учёт индивидуальных потребностей и возможностей каждого члена семьи. Возрастает значение семьи как «психологического убежища». Оптимизировать процесс самоопределения молодёжи в сфере семейно-брачных, интимных отношений одна семья не может. В этом большую роль играют СМИ, социальная среда, искусство, общественное мнение.

Родительская семья сегодня не является ключевым каналом сексуального просвещения, но была и будет фактором нравственного, эмоционального воспитания, (анти) социальным примером.

Из крупных проблем можно выделить следующие.

Повсеместно снижается возраст начала половой жизни (половой дебют). Сейчас это 15–17 лет (что и на Западе). Но у нас чаще превалируют либеральные установки по вопросам аборт, добрачных сексуальных отношений, случайного секса, гомосексуальных связей. По уровню знаний о СПИДе и венерических заболеваниях наша молодёжь отстаёт. У нас опасность инфицирования усматривают там, где её нет, и только 28% считает, что случайные половые связи сопряжены с риском. Это

свидетельствует о том, что часть молодёжи не наделяет риском те формы поведения, которые не осуждает. Вообще возраст начала половой жизни зависит от конфессиональной принадлежности, уровня образования, социального положения.

Раннее начало интимных отношений обуславливает распространение таких феноменов, как гражданский (концессуальный) брак и добрачное зачатие. Объяснение, как правило, сводится к желанию узнать друг друга, посмотреть на сексуальную совместимость. Гражданский брак – отражение промежуточного социального статуса молодёжи, не имеющей материальных предпосылок для заключения официального брака. По мнению демографов, свободные отношения могут стать нормой семейной жизни (распространённость «гостевых» браков на Западе).

Сегодня молодёжь чётко разделяет секс и брак. Браки ради легального секса воспринимаются как архаизм. Устаревшим понятием становятся браки «по залёту». Этому способствует сексуальное просвещение, уровень контрацепции, рост самостоятельности женщин.

Браки среди 16–19-летних и ранняя беременность имеют ряд отрицательных социальных последствий: плохое состояние здоровья матери и ребёнка, детская смертность, частые разводы, невозможность повышения образования, снижение конкурентоспособности на рынке труда, снижение благосостояния, неблагоустроенность быта, затянувшаяся маргинальность социального статуса. Кроме того, важно заметить, что раннее сексуальное развитие часто соседствует с употреблением алкоголя и пристрастием к наркотикам.

Растёт число внебрачных рождений (1/3 детей вне брака). Основными факторами чаще называют алкоголизм мужчин, их высокую смертность, войну в Чечне.

Но если зарегистрированных браков становится меньше, то и статистика разводов изменяется. Молодёжь сегодня больше ценит личную независимость, рациональный расчёт, мобильность. Что касается отношения к браку и разводу, то надо принимать во внимание следующие обстоятельства. Вступление в брак связывают с достижением экономической самостоятельности. В этом проявляются новые для молодёжной субкультуры ориентации на рационализацию жизненных планов. Большинст-

во молодых считает важным, чтобы семейная жизнь позволяла им сохранять личную свободу, свой круг общения. Дети, выросшие в неполной семье и детских домах, сами неспособны создавать крепкую семью за отсутствием позитивного опыта. Единственный ребёнок в семье чаще становится по натуре индивидуалистом, которому сложно адаптировать свои желания и интересы к супругу, идти на компромиссы. Под влиянием межнациональных конфликтов, негативного отношения к выходцам из других республик чаще распадаются межэтнические браки. Для работодателя явно предпочтительней сегодня одинокий самостоятельный человек. Женщины стали более требовательными к партнёрам, умнее, образованнее, самостоятельнее. Они могут позволить себе жить без мужчины.

Сейчас ослабляются старые стереотипы массового сознания, растёт значение сексуального просвещения. Общество начинает принимать не только взрослую, но и юношескую сексуальность в качестве закономерных явлений, которые не подлежат запрету, а нуждаются в профессиональной помощи. Всё это, по мнению социологов и психологов, будет способствовать переориентации юношеской сексуальности с модели «завоевания женщин» на модель «коммуникации», взаимного согласия. Это в перспективе может привести к уменьшению сексуального насилия (в том числе в семье), абортот. За последнее время заговорили и о проблеме инцеста. В роли насильника чаще выступают отец, отчим. Кровосмесительные отношения в юности впоследствии вызывают весьма серьёзные психологические и эмоциональные проблемы в начале взрослой жизни: трудности с налаживанием интимных отношений, чувство вины и неполноценности, недоверие ко всем мужчинам, низкая самооценка. В совокупности эти факторы могут привести к изоляции и суициду.

Опыт общения со студентами, практика проведения семинаров по проблемам семьи и брака позволяют сделать осторожный вывод о том, что, несмотря на отличие взглядов молодёжи на секс, брак от старшего поколения, их большую раскованность, сама ценность семьи как социального института остаётся высокой и пример родительской семьи много значит для неё.

Гендерность и проблемы социального равенства

Существуют устойчивые признаки, по которым население делится на группы, например пол и раса, национальности. Одни из самых устойчивых различий – это различия, связанные с характеристиками пола, - гендерные различия. В связи с этим стратегии, направленные на человеческое развитие, должны это принимать во внимание и строиться с учетом гендерного подхода, который подразумевает оценку процессов с точки зрения их воздействия на мужчин и женщин, а не на все население в среднем.

На первом этапе развития феминистской методологии считалось, что существуют только две социокультурные формы гендера (мужская и женская), но с начала 90-х годов этот анализ стал переживать кризис. В результате появилась концепция о существовании нескольких форм гендера (имеются в виду возрастные, стратификационные характеристики мужчин и женщин), учет которых методологически принципиален. На конструирование гендера оказывают влияние институты социализации, жизненные сценарии, культурно обусловленные гендерные роли и стереотипы. Это свидетельствует о том, что система социума, а не биологическая неспособность женщин поддерживает воспроизводство системы преимущественного гражданства для мужчин.

Выравнивание по гендерным группам инвестиций в человеческий капитал создает предпосылки для равного доступа к экономическим и социальным ресурсам, влияет на выравнивание гендерных структур занятости и, как следствие, обеспечивает равное политическое представительство мужчин и женщин.

Россия, пройдя долгий этап социалистического развития, имеет совершенно иную, по сравнению с другими странами мира, ситуацию с точки зрения гендерного равенства в политической и социально-экономической сферах. Начиная с 1960-х годов, в России сложился чрезвычайно высокий уровень женской занятости. Профиль трудовой активности женщин в России на протяжении жизненного цикла отличается тем, что высокая трудовая активность отмечается с молодых лет до пожилого возраста.

та. Женщина совмещает полноценную трудовую деятельность с семейными обязанностями на всем протяжении жизненного цикла. В основных трудоспособных возрастах уровень экономической активности женщин сопоставим с уровнем трудовой активности мужчин. По сравнению с другими странами можно говорить о сверхзанятости женщин в России, доставшейся в наслідие от предыдущего исторического периода. По типу женской занятости с Россией сопоставимы только Скандинавские страны, другие развитые страны в настоящее время только приближаются к такой гендерной структуре занятости.

Россия является индустриальной страной, совершающей технологический переход к постиндустриальной экономике, где основная доля мужчин и женщин занята не в сельскохозяйственном секторе, а в индустриальном и в секторе услуг. Более того, среди занятых в сельском хозяйстве мужчин больше, чем женщин. На протяжении многих десятилетий мужчинам и женщинам обеспечен равный доступ к образованию; это привело к тому, что уровень образования женщин превышает уровень образования мужчин.

За время социалистического развития России, исходя из сложившихся тогда идеологических установок и системы ценностей, реализовывался подход, ориентированный на равенство прав мужчин и женщин. Это равенство прав, начиная с 1920-х годов, было закреплено во многих основополагающих правовых документах. Таким образом, с формальной правовой точки зрения в России давно отсутствует неравенство прав мужчин и женщин практически во всех сферах экономической, социальной и политической жизни, отсутствует прямая дискриминация в правах.

В то же время забота о женщине, защита ее репродуктивных прав привели к тому, что в социалистический период в XX веке в России были приняты многие нормы позитивной дискриминации, закреплены различные социальные льготы, чрезвычайно щедрые на фоне других стран мира.

В постсоциалистический, переходный, период развития в России были предприняты законодательные и практические действия, направленные на поддержание формального равенства прав и на достижение реального равенства прав мужчин и жен-

щин. Соответствующая норма была сформулирована в Конституции 1993 года (ст. 19, часть 3) о том, что «мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». В ее развитие в 1990-е годы появляется и целый ряд других правовых документов. В их числе - Указы Президента «О первоочередных задачах государственной политики в отношении женщин» (1993), «О повышении роли женщин в системе федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (1996), два постановления правительства: «Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения женщин в Российской Федерации и повышению их роли в обществе до 2000 года», «Об утверждении Национального плана действий по улучшению положения женщин в Российской Федерации и повышению их роли в обществе на 2001-2005 годы», в котором содержатся положения, направленные на улучшение ситуации женщин на рынке труда, на развитие системы социального обслуживания, на укрепление семейных отношений.

Важными актами стало принятие Семейного Кодекса, нового Трудового Кодекса, для преодоления последствий позитивной дискриминации - ратификация Конвенции №156 МОТ «О равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями».

При оценке человеческого развития используют три группы показателей - показатели образования, здоровья и уровня экономического развития. Основные причины сохраняющегося гендерного неравенства в России, с точки зрения измерения человеческого развития, - различия в экономических возможностях мужчин и женщин. Показатели образования не вносят существенного вклада в гендерное неравенство, а по показателю продолжительности жизни - даже наоборот: мы наблюдаем существенное гендерное неравенство в пользу женщин. Основной вклад в гендерное неравенство при измерении человеческого развития с учетом гендерного фактора вносят различия в заработной плате мужчин и женщин.

Таким образом, учитывая особенности России, можно сделать выводы, что для России в большей степени актуальны проблемы скрытой, а не прямой гендерной дискриминации. За-

дача выравнивания гендерных уровней инвестиций в человеческий капитал не является актуальной, наблюдается скрытая дискриминация женщин даже при том, что они имеют больший уровень человеческого капитала. Проблемы гендерного равенства должны рассматриваться не только с точки зрения обеспечения реального равенства прав женщин, но и с точки зрения преодоления гендерных диспропорций, ухудшающих положение мужчин (например, здоровье).

Гендерный подход по отношению к политической теории основывается на пристальном внимании к гендерной окраске политики, изучении форм воздействия женщин на политику и их политического поведения.

В руководящем составе Государственной Думы четвертого созыва представительство женщин выглядит следующим образом: среди руководителей парламентских фракций нет ни одной женщины. Среди заместителей председателя Думы - одна женщина. Среди председателей 29 комитетов - 4 женщины, что в два раза больше, чем в Думе предыдущего созыва. Сравнивая выборы 2003 года с выборами 1999 года, можно отметить, что, во-первых, незначительно увеличилось представительство женщин в Думе (от 7% до 10%). Во-вторых, произошло резкое повышение значимости административного ресурса для победы женщин-кандидатов и сокращение значимости партийного фактора. В-третьих, сократились возможности «социального лифта» для женщин, которые не входят в государственную «номенклатуру» - представителей бизнес-сообщества и активисток женских организаций.

Таким образом, очевидно, что гендерная структура нынешней Государственной Думы свидетельствует о четком «мужском» профиле российской законодательной власти.

Но такие гендерные различия в составе политической и государственной власти являются во многом не причиной, а следствием всех других гендерных диспропорций, в первую очередь экономических. Политическое представительство - это только верхушка айсберга, в основании которого находятся неравенства на рынке труда, в доступе к экономическим ресурсам, во владении собственностью. Современный политический процесс в России устроен таким образом, что никакими декретами

невозможно добиться гендерного выравнивания политического представительства до тех пор, пока политические и экономические силы, определяющие результаты электоральных процессов, не увидят, что женщины могут выражать и защищать их интересы, или пока экономическая независимость женщин не создаст условий и не потребует политического представительства.

В то же время проблема гендерного выравнивания политического представительства должна и может находиться в числе государственных приоритетов. Методы позитивной дискриминации, квотирования, направленные на увеличение доли женщин в политических институтах, могут применяться для обозначения ориентиров государственной политики, направленной на достижение гендерного равенства. Таким образом, изменение обеспечения равенства возможностей женщин в политической жизни должно быть не только декларировано, но и подкреплено изменениями в экономическом положении женщин и активной государственной политикой исправления накопленной дискриминации.

И уж тем более предметом государственной политики должно быть препятствование вертикальной сегрегации на государственной службе. Программы поддержки продвижения женщин на более высокие государственные должности должны отражать реальные, а не только декларируемые ориентиры и приоритеты гендерной государственной стратегии.

Анализ положения гендерных групп в России показывает, что основой гендерного неравенства являются неравное положение мужчин и женщин в экономической сфере (различная отдача от человеческого капитала, неравный доступ к экономическим ресурсам) и сохраняющееся (и даже усиливающееся) в обществе традиционное распределение гендерных ролей (большая занятость женщин в домашнем хозяйстве). Очевидно, изменение такого положения возможно только путем реализации комплекса мер, предусматривающих долгосрочное воздействие на общество и его институты. Изменение культурных традиций или экономической практики невозможно мгновенно, именно поэтому действия, направленные на достижение гендерного равенства и расширение прав и возможностей женщин, должны быть рассчитаны на долгосрочную перспективу. Культурные

традиции и экономическая практика не меняются под воздействием политических документов и программ, но политические документы и программы позволяют обозначить приоритеты и ориентиры властных структур, политических сил и таким образом влиять на поведение экономических субъектов и населения.

© Н.С. Василевская

**Аскетизм как явление культуры и его
православно-христианская традиция
(По работе профессора доктора богословия С.М. Зарина
«Аскетизм по православно-христианскому учению»)**

С термином «аскет» в принятом словоупотреблении обычно сопряжено представление о монахе, притом строгом отшельнике, пустыннике, а с термином «аскетизм» – упражнения в делах, ведущих преимущественно к угнетению плоти. Аскет, как правило, - синоним человека, удалившегося от общественной жизни, чуждающегося людей и т.п. Обычно аскетизм связывают с христианством, и традиционно это понятие мыслится как христианское, выражающее важнейшие признаки его вероисповедания, организации и образа жизни.

Между тем наблюдения исследователей свидетельствуют, что аскетизм есть признак любой религии, каждая из них требует определенных специальных усилий и форм поведения человека. Религиоведы отмечают наличие аскетических тенденций в религиозных системах древних египтян, персов, китайцев, индусов. Однако духовная и практическая жизнь аскетизма, выросшая на многочисленных запретах и регламентациях, осмысливается и приобретает собственный смысл в культуре античного общества.

Слово «аскезис», от которого произведено общеупотребительное теперь слово «аскетизм», значило - «искусно и старательно перерабатывать, обрабатывать грубые материалы». Итогом аскетических усилий считался, начиная с Гомера, кожаный мех или мешок, особенно для хранения вина, к изготовлению которого приложены старания, забота, искусная обработка, ук-

рашающая изделие, требующая напряжения физических и духовных возможностей человека.

Ряд ученых полагает, что еще в античном мире атлеты постоянно укрепляли, развивали различными упражнениями, преимущественно гимнастикой, свои силы и тело, придерживались строгого воздержания, необходимого для успешного состязания и борьбы на арене, и потому стали называться «аскетами». Таким образом, аскетизмом греки называли закаливание, физические упражнения, в целом технику достижения совершенства в чем-либо.

Задолго до христианства аскетизмом стала интересоваться философская мысль. Это нашло отражение в греческих школах киников, стоиков, неоплатоников. Учение киников просуществовало целое тысячелетие – с 5-4 вв. до н. э. до 6-5 вв. н. э. Само название школы киников, при всей неоднозначности его толкования, связывается с именами Антисфена и Диогена. Антисфен учил жить в согласии с природой, как живут животные. Отсюда выражение – «кинический образ жизни», т. е. «собачий». Центральная часть учения киников – этика, которая всецело была навеяна социальными мотивами. Киники взяли на себя миссию выразителей интересов рабов. Все в их идеях пронизывал протест против устройства и культуры общества рабовладельцев, аскетизм стал яркой и непримиримой формой выражения протеста. Они отрицали социальные привилегии, требовали свободы, равенства, всеобщего труда. Аскетизм стал вынужденной формой добродетели, в которой беднота и рабы видели средство стать независимыми и свободными.

Захваченные пафосом разрушения, киники отрицали «мудрости века сего» – математику, астрономию, музыку, утверждали бесполезность метафизических построений, что же касается модели поведения, аскетизм киников – это отрицание этики существующей античной культуры, их позитивная программа выступала как фрондерство, близкое к цинизму и нигилизму. Этика киников сводила человека, в конечном итоге, к животному началу, упрощая его потребности до простейшего существования и видя в этом своеобразный духовный подвиг, реализацию потенций человеческого разума. Метод и путь, ве-

дущий к внутренней свободе от себя и общества, Диоген называл «аскезой», тяжелым усилием человека.

Вместе с тем, при всем внешнем примитивизме киники поставили немало теоретических и практических вопросов, решение которых многие столетия занимало и мучило человечество: свобода мнимая и истинная, внешняя и внутренняя, моральная автономия и ответственность перед обществом, личность в отчужденном мире, автономия культуры и природы, пределы самоограничения, разумные и безудержные потребности, долг и ценности бедняка и др. Стремление киников перевернуть всю систему ценностей существующего общества было воспринято и реализовано христианством.

Гораздо более продуктивными в осмыслении аскетизма оказались стоики. Основателем школы стоиков в Афинах в 4 в. д.н.э. был Зенон, а ее теоретиками – Сенека, Марк Аврелий, Эпиктет. Для стоиков цель жизни – достижение счастья. Счастье, по учению стоиков, состояло в следовании природе. Человек не просто живое существо, но он разумен, рационален. Значит, жить по природе означает не изменение ее, а изменение человека в соответствии с природой, ее гармонией и порядком.

Истинное благо для человека – только добродетель, истинное зло – порок. Эти качества не относятся к телесному, они – достояние разума. Философы стоической школы решительно перенесли понятие «аскезы» – упражнения с тела на душу, с гимнастики – на нравственную деятельность. Таким образом, они существенно изменили историческую судьбу и смысл того, что древние греки называли аскетизмом. Стоики возвели в долг, в закон духовную работу, разработав ее основные принципы и распространив на все стороны жизни человека: внутреннюю, общественную, государственную и др. Идеалом стоиков станет мудрец, бесстрашно и бесстрастно проживающий свою жизнь.

В аскетизме стоиков появляются мистические настроения. Сенека придет к мысли о том, что только Бог – совершеннейшая данность. Правда, первую помощь человеку оказывает философия, именно она учит укрощать страсти, формировать добродетели. Но главная помощь приходит от Бога, и аскеза должна посвящаться Ему. Конечно, поскольку человек изначально греховен, то страдание неизбежно. Страдание, в учении

стоиков, начинает восприниматься как неизбежность и путь к спасению. Аскеза – это духовные упражнения, позволяющие достойно переносить удары судьбы, приобретение апатии, т.е. бесстрашия и бесстрастности.

Еще ближе к христианскому аскетизму оказались неоплатоники. Неоплатонизм возник в 3 веке н. э. в качестве языческой философской школы. Одним из ее духовных лидеров был Плотин (205-270 гг.). Это последняя крупная дохристианская этическая система античности. Плотин существенно перестроил платоновскую этику, поставив в ее основу моральную жизнь каждого индивида, превращение его в идеальную личность.

Онтология Плотина – учение о потусторонности и сверхъестественности первоначал мироздания. По его мнению, началом и основой мира является некое Единое – бесконечное и нематериальное, которое постигается исключительно разумом и верой. Цель жизни по Плотину – «воссоединение с Единым». Путь воссоединения – это путь «опрощения». «Сбрось с себя все», - говорил Плотин. Сбрось с себя все – означает не уничтожить самого себя как физический организм, а наполнить себя Богом до такой степени, что божественное начинает преобладать над физической природой человека. И тогда, как считал мистик-философ, наступает «экстаз» – Бог открывается человеку, находится в нем, и человек зрит Его красоту, величие, мудрость. Не случайно, что Плотин вел себя как странник в этом мире. По свидетельствам Диогена Лаэртского, Плотин всегда испытывал стыд от того, что жил в телесном облике, редко носил одежду, стеснялся упоминать своих родителей, голодал, не спал. Его аскетический идеал достигался систематическим сосредоточением, напряженным духовным усилием, подавляющим телесное и достигающим нравственное совершенство – слияние с Единым.

Христианство формируется в то же историческое время, когда философские школы напряженно работали над новым этическим идеалом, вырастающим на аскетических началах. Однако в процессе своего становления оно не только не отказывается от них, а, напротив, придает основополагающее значение. Отцы церкви много потрудились над выяснением сущности и необходимости аскетизма. Они утверждали, что сама религия христианства построена на самоотвержении, что уже есть аскетизм.

Аскетизм, по их мнению, является почти неизбежной принадлежностью и дисциплиной религии. Бог сам положил запрет на древо познания и указал на необходимость аскетизма – упражнения воли и помыслов. В Библии пример аскетизма – назорейство у иудеев, т.е. обет девственного служения при скинии; отшельничество пророка Ильи, Иоанна Предтечи – это образцы аскетизма Ветхого Завета. Новый Завет дает такую модель аскетизма, которую воплощает Иисус Христос. Он проповедовал воздержание, строгость жизни, нищету, духовную работу. В первые века христианства аскетизм выражался в форме поста, отшельничества, презрения к пыткам и мучениям. Вместе с тем, христианство не рассматривало аскетизм обязательным признаком религии, полагая, что аскетизм – это дело добровольное, рамки которого определяются религиозным сознанием верующего.

Существует громадный пласт христианской литературы, посвященной аскетизму, главными источниками становятся Священное Писание, патристика, духовные толкования христианских подвижников, старцев. В Священном Писании под аскетизмом понимается деятельное осуществление религиозно-нравственного совершенства, путем напряжения всех телесных и душевных сил христианина, посредством неустанной борьбы с различными препятствиями. В богословских трудах термином «аскетизм» обозначается совокупность подвигов (постов, безбрачия, молитв и др.), осуществляемых монахами, отшельниками. В первые три века формирующегося христианства имя аскета прилагалось преимущественно к тем, которые добровольно упражнялись в строгом воздержании, оставаясь в семье и обществе. Те из них, которые уединялись, удалялись от людей, носили название «анакхоретов». (Энциклопедический словарь / Под ред. И.С. Андреевского. Т. 2. СПб, 1880. С. 294).

В религиозной литературе «аскетизм» обозначает «жизнь суровую, многотрудную и строгую», характеризующуюся всевозможными ограничениями, лишениями, измождением плоти, строгим воздержанием в пище, сне, общении, разговорах. Иначе говоря, аскетизм – великий труд по переделыванию самого себя, отказа от себя. Аскетизм имеет, по мнению богословов, своей прямой и ближайшей целью приспособить силы и способности

человека к восприятию божественной благодати, сделать их органом послушным и удобным для осуществления «вечной жизни». По учению Отцов Церкви, аскетизм не должен сводиться к своей «технической» и «практической» стороне. Более того, аскетизм сам по себе «еще далеко не обнимает и не выражает собой христианского совершенства». По мысли преп. И. Кассиана, «посты, бдения, нищета, отшельничество, упражнение в Св. Писании, расточение всего имущества не составляют совершенства, но суть только средства к совершенству; не в них состоит цель христианского учения, но посредством них достигается цель. Напрасно будет упражняться в них тот, кто довольствуется ими как высшим благом; это значит иметь орудие для искусства и не знать его цели».

Современное христианство, разделившись на три ветви, внесло конфессиональные особенности и в прочтение аскетизма. По католическому вероучению аскетизмом является выполнение так называемых «евангельских заветов» – нищеты, безбрачия, послушания. Западное христианство отождествляет аскетизм с монашеством, которое дает право на достижение высшего евангельского совершенства. Христиане не монахи, следующие только заповедям, к аскетизму не обязываются, да они по своему положению и не могут следовать строгим аскетическим правилам. Аскетизм – выполнение не должного, а сверхдолжного, говорит католическая церковь.

В протестантизме, как известно, складывается своя система христианского учения. Большинство из протестантских направлений полагает аскетизм явлением, противоположным самому духу Евангелия, поэтому отрицает монашество, религиозную замкнутость, отдаление от мира. В то же время протестантизм превращает всю мирскую жизнь в аскезу, закрывая для нее монашеские ворота, но сам мир при этом утрачивает мирские черты, уступая место аскетизму. Особенности аскетизма в протестантизме глубоко и оригинально исследованы Максом Вебером в его известной работе «Протестантская этика и дух капитализма».

Приходится признать, что более всего аскетизм обосновался в православии. Православные богословы выдают это обстоятельство за «совершенство» и «чистоту» Восточного хри-

стианства, обвиняя Западную церковь «в измене» христианству и «в отпаде» от него. Находясь в состоянии исторического, духовного соперничества с католической церковью, православие усиливало свою «отдаленность» от нее многими позициями, в том числе и в вопросах аскетического учения и его роли в жизни православного верующего. Русская духовная традиция всегда последовательно и трепетно сохраняла и приумножала аскетическое наследие древней церкви. Есть все основания утверждать, что русское религиозное сознание явилось для аскетической христианской мысли не только благодатной почвой, но и дало свои удивительной духовной глубины всходы. Эти духовные плоды обогатили и укрепили саму Русскую церковь и придали особый смысл всей русской культуре, на долгие века сделав ее символом «умного делания», духовного подвижничества, молитвенности, старчества, юродства, утвердив аскетизм как духовную ценность.

Среди разнообразных форм аскетизма, по мнению православных мыслителей, высшей является старчество. Старец – это богопросвещенный, отличающийся совершенной духовной опытностью советник и наставник, способный мудро руководить жизнью других. Он не обязательно должен быть священником, но «всегда является изъяснителем воли Божией. Он должен быть водимым Святым Духом. Поэтому-то старец и является духовным кормчим, нравственным вождем». (Маслов Н.В. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Его пастырская деятельность и богословское наследие.: Изд-во Московской Патриархии, 1999.)

Оригинальность русской аскетической мысли проявилась далеко не сразу. Сначала Древняя Русь осваивала византийскую традицию. Уже в 11 веке в Киево-Печерском монастыре, благодаря греческим монахам, стала формироваться мистико-аскетическая традиция, опиравшаяся на аскетическое учение христианских подвижников 4-7 вв. – Макария Египетского, Евагрия, Иоанна Лествичника и др. В последующие века влияние аскетизма оставалось значительным и никогда не прерывалось в русском сознании. 14 век станет для Руси временем чтения мистико-аскетических книг, временем отшельнического и монастырского возрождения, это век преподобного Сергия Радонежского. Это, в свою очередь, пробудило новый взлет рус-

ской аскетической мысли 15-17 веков, с особой силой проявившейся в диалоге заволжских старцев-нестяжателей с иосифлянами (Нил Сорский и Иосиф Волоцкий). В 19 веке идеи аскетизма обретают новые силы в русском старчестве и, прежде всего, в духовном подвиге Серафима Саровского и подвижников Глинской и Оптиной Пустыни. Среди русских подвижников большое значение аскетическому содержанию православной духовной жизни придавали Тихон Задонский, Паисий Величковский, Игнатий Брянчанинов, Феофан Затворник и многие другие.

В 20 веке появляются самостоятельные работы по аскетизму. Среди них – книга профессора Духовной Академии С.М. Зарина «Аскетизм по православно-христианскому учению». Основываясь на Священном Писании и творениях святых отцов церкви, автор представил систематическое изложение православной аскетики, собрал православную аскетическую мысль, разбросанную в трудах подвижников в единую систему, тесно увязав ее с нравственным богословием.

Церковные рецензенты книги С.М. Зарина пишут: «Обладая высокой филологической культурой и богатой эрудицией, С.М. Зарин не создает искусственно «суммы аскетической теологии», но бережно и осторожно извлекает из текстов Священного Писания и творений святых отцов наиболее существенные и важные элементы, раскрывая перед читателем глубинную суть православного аскетического богословия, внутреннее созвучие отдельных элементов его и показывая единую гармонию целого. По своим выдающимся достоинствам труд С.М. Зарина до сих пор остается уникальным явлением, ибо равного ему не породила ни русская, ни западная богословская наука». (Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. Вступительная статья Сидорова А.И. М., 1996. С. 15).

Становится вполне обоснованным наше желание представить русскую аскетическую мысль, опираясь, прежде всего, на такое добротное исследование, которое представлено С.М. Зариным. В нем аскетизм получает не только последовательное богословское осмысление, но и предстает «умной душой и любящим сердцем духовно преобразованной христианской натуры», новой индивидуальности, собранной духовным трудом.

«Такой аскет, - пишет В.В. Розанов в статье «Смысл аскетизма» не только не станет жечь людей: он излучится величайшею нежностью – и не только к людям, но к целой природе, к звездам, цветочкам, животным, ... ко всяческому и во всем». В противоположность аскетам «с зажатыми зубами», эти, совлекши с себя плоть, любят однако плоть и плотское; не убегают в пустыню, а бегут к людям; а если и удаляются в пустыню – ласкают львов, вынимают занозы из медведя, не могут оторвать взгляда от звезд...». (Розанов В.В. Религия и культура. Т. 1. М., 1990. С. 223).

В.В. Розанов обращает внимание на оригинальность русской аскетической мысли, которую развивали духовные подвижники. Так, еще Тихон Задонский (1724-1783) утверждал, что аскетизм не означает равнодушия к жизни, а лишь знаменует свободу духа от гипноза жизни. В своем труде «Сокровище духовное, от мира собираемое» он впервые закладывает основы для идеи преображения мира через ее мистическое осмысление. Не освящение жизни есть главное в аскетическом учении, а ее преображение, только учение Христа делает разум человека зрячим. Тихон Задонский осуществил переход теократической идеи христианства от «освящения истории» к проповеди преображения мира. Еще дальше, чем св. Тихон, развивает эту идею старец Паисий Величковский (1722-1794). Именно в 18-19 веках складывается та особенность русского аскетизма, которая утверждает не отвержение мира, не презрение к плоти, а совсем другое – яркое видение небесной правды и красоты, которое делает неотразимо ясной неправду, царящую в мире и тем самым зовущую к освобождению от его плена. «В основе аскетизма, - пишет о. В.В. Зеньковский, - лежит не негативный, а положительный момент: он есть средство и путь к преображению и освящению мира». (Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991. С. 37).

Работа С.М. Зарина продолжает традицию рассмотрения аскетизма как созидания новой личности. Он подробно анализирует весь механизм формирования новой модели личности, особое внимание уделяя православному учению, вопросу веры. Христианский аскетизм, как учили и отцы церкви, начинается с «обращения» к Христу. Это обязательное и фундаментальное

условие нравственного перерождения человека. «Обращение» к Христу – это сложный духовно-психологический процесс, начинающийся с ПОКАЯНИЯ. Именно с покаяния, как утверждает и автор исследования, начинается христианская религиозно-нравственная жизнь человека. «Чтобы начать новую, благодатную жизнь, нужно покинуть прежнюю, греховную; нельзя полюбить добро, устремиться к нему, не возненавидев зла, не отказавшись, не отвернувшись от него», - так богословы устанавливают первую ступень духовного перерождения. По учению Исаака Сирина, пока человек не возненавидит на самом деле и от всего сердца причины греха, он не может освободиться от наслаждения, производимого на него воздействием греха. «Покаяние, - утверждает С.М. Зарин, - есть фундаментальный акт нравственного воссоздания человека, необходимая переходная ступень из состояния невозрожденности и греховности к жизни нравственной и богоугодной, и в этом отношении является первым основным христианским средством».

В работе Зарина проанализированы психологические состояния покаяния, они следующим образом систематизированы:

- самоосуждение, решительное и мучительное неодобрение своей деятельности;

- положительное сознание и чувство уверенности в существовании высшего идеала как другой совершенной реальности;

- стремление к действительному изменению, коренной переработке содержания своей жизни, в смысле возможно полного согласования ее с содержанием познаваемого идеала.

Сущность нравственного переворота в покаянии состоит, по мнению автора работы, в перестановке жизненных ценностей с себя на Бога и ближних и в отречении от своей воли. Церковь утверждает, что в основе каждого из недостатков и пороков человека лежит эгоистическая, извращенная грехом воля, стремящаяся к самоугождению. Человек и должен по логике христианского учения в процессе «обращения» к Христу отвергнуть эгоистическую, самостную волю, стремящуюся к самоугождению, ставящую себя центром своих хотений, а на все остальное смотреть лишь как на средство самоудовлетворения.

Отвергая свою волю, отрекаясь от служения ей, аскетическое христианское учение требует от человека отказаться от такой жизнедеятельности, в основе которой лежит «поврежденная» воля. Задача аскетической практики – «отсечь» собственные пожелания для того, чтобы достигнуть возможно полного ослабления и решительного уничтожения «пожелания» плоти, т.е. таких проявлений, которые определены физическим состоянием человека и искажают его духовный мир самоугодием, эгоизмом, плотскими намерениями.

Православная аскетика особое внимание обращает на то обстоятельство, что аскетизм основывается не на подавлении воли вообще, а, напротив, требует ее максимальной концентрации, максимального владения ее проявлением. Первым и обязательным шагом к этому является «сообщение ей должного, богоугодного направления о согласовании с волей Божией». Именно благодаря силе Божественного Духа и при «соратничестве» человека формируется новая идеальная личность, которая способна регулировать все свои действия «с полным самообладанием, не переходя естественные пределы, относится к плотским потребностям».

Вообще, проблема плоти и разрешение ее в православном аскетизме окажется одним из самых острых вопросов религиозного мышления, особенно на рубеже 19-20 веков. К его обсуждению активно подключится русская религиозно-философская мысль. В. Соловьев, Н. Бердяев, В. Розанов, С. Булгаков и другие выдающиеся умы России искали религиозный путь его оптимального решения. Практически все философы, опираясь на христианскую систему, придут к рассуждениям о том, что «монашество, аскетизм именно и возникли на положительном, а не отрицательном значении и содержании пола». (Розанов В. В. Религия и культура. Т. 1. М., 1990. С. 216). В.В.Розанов так поясняет свой вывод: «Богатство темперамента есть условие внутренней теплоты и живости. И вот почему во всех случаях, где положением или задачами жизни требуется особенная теплота и живость, «лучистость человека», - он запирается как бы в плотинах воздержания, т.е. доводит до высшего достижимого уровня темперамент в себе: и тогда начинает «лучиться». Вот объяснение монашества и аскетизма».

Итак, человек в покаянии отрекается от своей личности как индивидуальной формы бытия с основными формами ее проявления – самосознанием и самоопределением, т.е. человек отрекается от воли по внутреннему искреннему сознанию того, что лучшая часть его природы требует подавления худшего, случайно превзошедшего в его личность, что и отделяет его от Божественного начала.

Развивая далее содержательную сторону аскетизма, профессор Зарин пишет, что при помощи аскетизма человеческая личность приобретает способность к богообщению. Он углубляется в детальный анализ внутреннего мира человека с тем, чтобы наиболее точно определить, «истинным или поверхностным, внешним аскетизмом» живет человек. Он вводит систему категорий, через которые и пытается представить ступени аскетического возрастания, - это «чистота», «совершенство», «святость».

«Чистота» – самое начало аскетического восхождения, «человек искренне, всем сердцем, отвернулся от греха, возненавидел его, возлюбил добро и охотно устремился к нему». Бог предстает для человека ориентиром идеала, совершая поступки, верующий соответственно оценивает себя, искренне чего-то хочет, сожалеет, раскаивается и снова все повторяется. Положительной стороной аскетизма, по мнению Зарина, и является процесс постоянного самоанализа, созидающего «нового себя». Каждому, вступившему на путь аскетизма, недостаточно полагаться на чистоту своего идеала, но необходимо постоянно преодолевать свою инертность, косность, слабость, медлительность душевных и телесных сил. Отсюда вытекают два начала подвижничества – самопротивление и самопринуждение.

На наш взгляд, достойно внимательного научного анализа та последовательная углубленность автора, с которой он продолжает развивать свою систему, вводя все более тонкие нравственно-психологические категории, строго подчиняя их общей логике своего исследования. Так, указанные начала подвижничества – самопротивление и самопринуждение, в свою очередь, не могут состояться без «верности», постоянства, или есть еще более точный христианский термин – «без ревности», что на церковном языке означает «охотное, одушевленное стремление, неослабное усердие, постоянную готовность к совершению хри-

стианского подвига, побеждая все препятствия, встречающиеся на пути духовного аскетического произрастания".

В исследуемой нами работе немало страниц посвящено значению и смыслу понятия «ревность». Становится очевидным его фундаментальная, структурообразующая роль в религиозном сознании, придающая всей системе аскетической жизни устойчивость, устремленность и осознанность. Зарин называет «ревность» «стражем» добродетели, хранителем богобоязненности и высшей силой подвижничества.

Благодаря «ревности» достигается постоянство в добре, богоугодности, она рождает другое необходимое душевное качество – «терпение». «По своему филологическому смыслу «терпение», - пишет Зарин, - означает собственно стойкость при давлении извне. В религиозном смысле «терпение» означает устойчивость, неизменность внутреннего «Я» в отношении к Богу, отсутствие внутренней растерянности. Терпение, по учению православной церкви, имеет две стороны: будучи обращено внутрь, оно есть постоянство в добре, будучи обращено во вне, оно есть сносливость, перенесение всех трудностей, встречаемых на жизненном пути. Терпение рассматривается как добродетель и подвиг, свидетельствующий о близости к христианской любви».

Обозначив основные добродетели аскетизма, автор сочинения переходит, как он утверждает, к главной части своей работы: пытается раскрыть место и механизм аскетического делания, найти его центр тяжести. Таким центром аскетического делания является, по утверждению профессора, сердце человека. «Оно почитается корнем существа человеческого, фокусом его сил духовных, душевных, животных-телесных, - пишет Зарин. – К сердцу сводится вся духовная деятельность человека, т.к. оно является исходящим всей его деятельности».

Церковь утверждает, что сердцем человек соприкасается с миром, непосредственно общается с Богом, в сердце носит истинную веру. Но сердце является и центром движения страстей? Аскетическое учение настаивает на том, что настоящий духовный подвиг, ведущий к святости, как раз в том и состоит, чтобы не дать сердцу быть источником страстей и чувств. Деятельность сердца должна быть мотивирована и насквозь пропитана

аскетическими добродетелями. Зарин пишет об этом так: «...преимущественное влияние аскетизма на сердце состоит в том, чтобы «хранить» сердце, т.е. не давать доходить возникающим в нем движениям до чувства». Главным движением сердца может быть только «теплота».

Сердце, по мнению Зарина, не может справиться с этой задачей, ему нужен руководитель-контролер. Подобную задачу может выполнить только «ум». Его цель – «постоянно пребывать в сердце», поддерживать в нем внимание, бодрствование и трезвение, настойчиво вести к подвигу и святости.

Большое место в системе аскетического учения, утверждает автор богословского сочинения, занимает «самоиспытание» и «самопознание». В процессе самоиспытания верующий освобождается от недостатков, закаляет себя в вере, достигая устойчивости и крепости аскетических качеств. Самоиспытание опирается на «совесть», которой Зарин, ссылаясь на духовных подвижников, уделяет пристальное внимание. Совесть человека – это мера обращенности к Христу: чем больше веры, тем обнаженнее совесть. Таким образом, совесть, в контексте аскетизма, выступает не столько категорией нравственности, сколько категорией веры, мерой богообщения и богопознания.

Итак, аскетизм выступает в православии как его составная часть, как системное духовное движение к вере, как инструмент ее практической реализации в сознании верующего, в котором задействованы важнейшие механизмы интеллектуально-психологического состояния личности. Духовная работа, осуществляющаяся в «сотрудничестве» с Богом и под водительством Церкви и священника, обязывает, как утверждает православие, к аскетизму «телесному», т.е. требует определенного образа жизни. Первое и постоянное действие, которое должен исполнять верующий, – это чтение религиозной литературы, Священного Писания. Вторым аскетическим упражнением автор называет молитву – «главнейшее и универсальное средство для достижения реального богоуподобления и богообщения». Терпеливо пребывать в молитве означает для человека отречение от самого себя и достижение «обожения». Технику такой специальной молитвы разработал исихазм.

Важной формой аскетической практики является, как утверждает Зарин, физический труд, основанный на послушании, собранности, смирении, терпении, самоотречении. С точки зрения аскетического учения ценен не сам труд, не труд вообще, а тяжелый, «неприятный» физический труд как средство духовного перелома человека. Автор исследования называет такой труд «аскетическим приемом» для удаления от греха, гордыни, самоости и др. Более того, аскетизм запрещает человеку трудиться для удовлетворения каких-либо личных желаний. Его лозунг – воздержание. Рассуждая об аскетическом смысле физического труда, Зарин пишет: «...труд имеет и должен иметь исключительно аскетическое значение. В труде человек находит побуждение, прямой повод и целесообразное средство к преодолению и искоренению эгоизма, особенно – духовной гордости и к приобретению настроения, ему диаметрально противоположного – смирения, - к упражнению в самоотречении, терпении, послушании». И далее: «Труд, при должном отношении к нему человека, является одним из наилучших и целесообразных средств к подавлению чувственности и гордости». Неудивительно, что практически все видные аскеты сами усердно трудились, рекомендуя это средство как, безусловно, важное для достижения целей аскетизма.

Понятие «воздержание» автор работы считает важнейшим в аскетической практике. Воздержание касается как духовного состояния верующего, так и оно постоянно должно присутствовать в телесной жизни. Одежда, обувь, питание, постель, посуда, личные вещи, жилище, времяпрепровождение, разговоры, интересы – все должно быть подчинено аскетическому воздержанию. Воздержание рассматривается как добродетель и высшая нравственная ценность. Тема воздержания развивается автором через понятия «умеренности» и «категорических запретов», а средством их реализации является, как учат аскеты, пост, которому в работе уделяется значительное внимание.

**Категории «возможного» и «действительного»
в произведении В.В. Розанова «О понимании»**

Серебряный век русской культуры представлен творчеством многих выдающихся писателей, музыкантов, художников, поэтов, философов. Имя Василия Васильевича Розанова – прекрасного русского писателя, яркого публициста и оригинального философа - по праву может занимать место в первых строках этого почетного списка. Проникновенная проза автора знаменитых «Уединенного», «Опавших листьев», «Мимолетного», сочетающая в себе душевность костромской провинциальности с «муаровым» интеллектуализмом столичного Петербурга начала XX века, не оставляла равнодушными ни читателей «Нового времени», ни «Мира искусства». Художественная форма его философии пребывала в нераздельном единстве с её глубоким содержанием, она позволяла без пошлости и трюизмов говорить о глубоко обыденном и всеобщепотаенном. Семья, Родина, Вера, Пол – вот основные темы размышлений В.В. Розанова – «гениального обывателя» и «русского Фрейда».

Впрочем, художественность, стильность вряд ли можно считать имманентными писательству Розанова, чего нельзя сказать о его философичности. Первым, грандиозным по своему плану и трактатно-научообразным по стилю, был труд «О понимании», в котором лишь с невероятным трудом угадываемый будущий великолепный стилист попытался с гносеологической точки зрения «объять необъятное»: рассказать, как и что нужно человеку знать обо всём на свете. Все, что продумывалось годами, – в детско-дождливой Костроме, гимназических Симбирске и Нижнем и, наконец, в университетской Москве – всё это было сведено в жизненно неустроенном Брянске воедино в труд «О понимании (опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания)». Вполне очевидные надежды на успех, известность, увы (сам Розанов немного жалел, что не состоялся как чистый академический философ), а скорее – к счастью (т.е. к счастью почитателей его художественно-философского таланта), не оправдались – книга осталась неза-

меченной и нераспроданной. Неудача первого творческого опыта, существенные изменения в личной жизни отвратили писателя от «сухой теории». В.В. Розанов при удачном стечении обстоятельств планировал продолжить работу «О понимании» трудом «О потенциальности и роли её в мире физическом и человеческом», и жаль, что возможность (особо привлекательная для исследователей творчества выдающегося русского философа) узнать из первых рук оценку этого смыслообразующего понятия его творчества, получить всестороннюю и целостную характеристику данной основополагающей категории не реализовалась.

Приоритетное внимание к категории «возможного», на наш взгляд, связано с тем, что во внутреннем мире Розанова априорно и неустранимо присутствует доминирующее само- и мироощущение – «чувство потенциальности». Это экзистенциальное переживание по выводимым из него смыслам, по возможным следствиям чрезвычайно многозначно. «Чувство потенциальности» у Розанова, являясь способом бытия свободы, во многом самостоятельно определяет цели, побудительные мотивы и действия. При переходе в эмпирический внешний мир переживание потенциальности может являть себя боязнью ставшего и стремлением к незавершенности, к вечному становлению, оно может проявляться тоном пророка (Розанов всегда ощущал в своих словах и поступках не свою волю, а волю Провидения). Переживание потенциальности может иметь своим следствием нерешительность, страх поступка, при этом психическая энергия может сублимировать в мечту, в молитву, в миф. Вот что, например, отмечает один из исследователей розановского творческого наследия В.Г. Сукач: «Человек, «не желающий своего бытия», переживающий, так сказать, кризис бытия, естественно, должен и убить время. Такому человеку время не нашло материи, через которую могло бы предъявить свои права». Если человек «свободен от временных форм, у него может родиться только миф»[5. С. 17].

Итак, возможно выделить основополагающее мироощущение и, соответственно, вектор миропонимания, присутствующие в философской прозе Розанова. В данной статье мы постараемся показать, что думал сам начинающий философ о столь

его заинтересовавшей и столь его определяющей категории «возможного», какие философские влияния лежат в основании его мыслей о потенциальном и актуальном.

Прежде всего подчеркнем, что не следует ожидать от ранней и максимально пространной по своему содержанию работы «О понимании» предельной непротиворечивости всех суждений, полной взаимосогласованности всех высказанных идей. Зачастую условно-вопросительная, альтернативная форма изложения помогает автору сглаживать противоречия и гармонизировать порой имеющую место идейную эклектику. Приведем пример такого вопрошающего стиля: «... всё ли, что есть в природе реального, возникает из потенциального, или же есть такие вещи и явления, которые всегда бывают реальны и никогда потенциальны?». Он спрашивает себя и гипотетического читателя: «... исчезая, реальное бытие переходит ли в потенциальное, или, оставаясь реальным, оно только превращается из формы одного предмета и явления в форму другого; так что перемена происходит не в форме существования, но только в форме других сторон измененной вещи: в сущности, в свойствах, в прочем?» [4. С.154]. Использование философом вопросительной и сослагательной форм, конечно, затрудняет его идейную идентификацию, но не мешает внимательному подготовленному читателю констатировать, что в работе присутствуют идеи с различными философскими корнями. Начнем с того, что обратим внимание на возможность всепонимания и, как следствие, успокоения разума, предполагаемую Розановым. Он, в частности, пишет: «... понимание человеческое может стать, рано или поздно, всепониманием» [4. С.65]. Пафос всепонимания и саморазвертывания понимающей деятельности разума имеет, вероятно, гегельянское происхождение. Розанов достаточно часто преуменьшает или вовсе игнорирует объективное (т.е. независимо существующее) основание детерминации научной и, шире, – познавательной деятельности. Так, он утверждает (подчеркнем утвердительность формы): «... зарождение, развитие и упадок науки всецело и исключительно обуславливается причинами, лежащими в природе человека, – состояниями и свойствами его разума. Поэтому ничто внешнее для человека никогда не создавало и не создает науки, никогда не останавливало и не остановит её. Чис-

тый интерес ума узнать еще неузнанное – вот единственное, что двигало её». «Костры не остановили её, а университеты и академии не помогут ей» [4. С.699]. При этом «...не человек обладает им (разумом), но он живет в человеке, покоряя себе его волю и желания. В самом себе носит он (разум) свою цель»[4. С.20]. Вышеприведенные и многие иные аналогичные мысли философа дают нам право с большой долей уверенности предполагать присутствие если не строгого гегелизма, то, во всяком случае (в лице всеобщего самопознающего и саморазвивающегося разума), духа гегелизма в розановском понимании понимания. Присутствует и определенная однонаправленность в выстраивании необходимого пути осуществления действительного из возможного, тесно связанная с анализом категорий необходимого и случайного. Общеизвестно, что Гегель отождествлял действительное и разумное. Последнее (т.е. разумное) для него есть результат закономерного развития понятий в направлении ко все более совершенным своим формам. Гипергностицизм, присущий ранней философии Розанова, предполагает необходимость полного проявления истины как результата естественного, само собой разумеющегося хода вещей. Случайное, искусственное, сталкиваясь с необходимым, естественным, по Розанову, должно уничтожаться, т.к. «...уничтожиться должно то из них, которое может уничтожиться». «Не может уничтожиться первоначальная деятельность, следовательно, должна исчезнуть непервоначальная»[4. С.704]. Если у Гегеля действительным может стать только разумное, соответствующее необходимому, закономерному развитию (самопознанию) всеобщего разума (абсолютной идеи), то у Розанова действительным становится только естественное, созвучное всеобщей космической разумности.

Отметим также, что гегелевский взгляд на проблему потенциального и актуального заключает в себе мысль о нетождественности существования и действительности. Иными словами, не все, что существует, является действительным, то есть разумное, внешнее не является действительным, напротив, разумное, сущностное является таковым. Мы можем предположить, что и В.В. Розанов различает существующее и действительное по аналогичным критериям разумности (у него – естественно-

сти, являющейся в контексте розановской философии синонимом разумности), сущностности и содержательности. Объем содержания действительного и существующего различен в том смысле, что первое не содержит потенциального, в то время как существующее включает как действительное, так и возможное. Как бы в подтверждение нашего предположения читаем у Розанова: «...существование первичнее, чем сущность, и обширнее, чем она»[4. С.273].

Представляется вполне логичным, что развивающееся всепонимание в философии немецкого и русского мыслителей должно опираться на приоритет необходимости, и случайность должна быть понимаема как момент необходимости, не определяющий в конечном счёте результатов развития. При этом необходимость развития в концепции Розанова не прописана столь отчетливо, как у его великого предшественника. Гегель, по существу, не признает плюрализма потенций. «Возможно, - замечает Гегель, - что сегодня вечером Луна упадет на Землю, ибо Луна есть тело, отделенное от Земли, и может поэтому так же упасть вниз, как камень, брошенный в воздух; возможно, что турецкий султан сделается папой, ибо он - человек, может как таковой, обратиться в христианскую веру, сделаться католическим священником и т.д.» [2. С.316]. Для Гегеля лишь единственная возможность является реальной, а остальные сводятся до уровня абстрактных, формальных т.е. практически нереальных возможностей.

Ещё одним моментом, сближающим подходы философов, является их отношение к самодвижению предмета как основному фактору превращения возможности в действительность. Развитие, по Гегелю, имеет внутренний источник – многие, вероятно, помнят, что противоречие определяется немецким философом как взаимосвязь и взаимообусловленность диалектических противоположностей и именно противоречие рассматривается им как главный движитель развития. Новые формы (отрицания) вызревают внутри (а не приходят извне) развивающегося понятия. Некоторые мысли Розанова прямо или косвенно свидетельствуют о том, что он не отрицает саморазвития (у русского философа это более относится к идеальным образованиям: идеям, разуму и т.д.) как источника появления всего нового,

впрочем, настойчивого акцентирования, подчеркивания значимости внутреннего саморазвития понятий и явлений в работе «О понимании» не содержится. Обратимся непосредственно к тексту произведения. «Всякая потенциальность,- пишет Розанов,- представляет собой или одну способность, т.е. совокупность всех условий, - с присоединением некоторых других, - перейти к реальному существованию; или способность и вместе стремление перейти к этому существованию»[4. С.35]. Данную мысль философа возможно понимать так: одна лишь способность – это абстрактная, формальная возможность – реальная возможность, точнее, её реализация, предполагает наличие не только способности (т.е. некоего пассивного начала), но и стремления (т.е. активного внутреннего начала). Предложим еще одну цитату из рассматриваемого произведения: «В этом мире идей, вечно неподвижных в своем основании и вечно развивающихся путем внутреннего самораскрытия, живет и господствует великий зиждитель их – человеческий разум»[4. С.8]. Здесь, как нам представляется, Розанов пишет о том, что вечные (в потенциальном своем состоянии) идеи, постепенно проявляясь, самораскрываются (актуализируются) в человеческом разуме. Таким образом, опять налицо самодвижение того, что переходит из потенциального состояния в актуальное.

Суммируя все вышесказанное о наличии общего во взглядах молодого русского философа с его именитым германским предшественником на проблему «возможного» и «действительного», решимся заключить, что гегелевское влияние прослеживается в воззрениях Розанова на взаимодействие данных категорий. Однако, как нам представляется, доминирующим, в данном случае, все же было иное влияние. Если прибегнуть к современной терминологии, то можно сказать, что Розанов в своих размышлениях о потенциальном и актуальном более использует аристотелевскую операционную систему.

В работе «О понимании» присутствует аристотелизм, то есть рационально-формальный метод рассмотрения натурфилософских, социально-политических и этических вопросов (что позволило некоторым исследователям упрекнуть Розанова в схоластичности) [6. С.602; 3. С.850]. В подтверждение приведем следующую мысль Розанова – «Соединение вещества и формы

образует собою оформленное вещество или мир реальных вещей» [4. С.176]. Отметим, что понимание мира реальных вещей как единства формы и материи начало свое имеет в философии Аристотеля. О влиянии аристотелизма на раннюю философию Розанова свидетельствуют также следующие рассуждения последнего о Космосе и Мире человеческом: «...но, совершая это, мы приведем материю в состояние, предшествующее присоединению первой формы. Следовательно, ранее этого присоединения материя имела определенную форму» [4. С.173]. А, в частности, такое утверждение Розанова – «Добро, противоположное избытку и недостатку и потому соответствующее им, есть довольство...» [4. С.593], по всей видимости, происходит от учения Аристотеля об этических добродетелях как середине между двумя пороками. О влиянии философии Аристотеля на взгляды В.В. Розанова косвенно свидетельствует и такой факт, что вскоре после опубликования работы «О понимании» появляется совместный труд Розанова и его коллеги по преподавательской работе П.Д. Первова – это перевод «Метафизики» Аристотеля.

Аристотель был одним из первых философов, разрабатывавших проблему возможного и действительного. Благодаря данным категориям Аристотель представил мир в его динамике, показал, что он развивается от возможного к действительному. Понятия потенциального и актуального у великого мыслителя были тесно связаны с возможно самыми значимыми в его философской системе понятиями материи и формы. Относительно индивидуальных вещей материя есть возможность их существования (возможность их материальности, воплощенности в материале), а форма – их актуальность (принцип организации). Если в тигле гегелевской диалектики категории пребывают как бы в расплавленном, максимально подвижном состоянии (разделяются, взаимопроникают друг в друга, отождествляются), то у опирающегося на свою формальную логику Аристотеля категории более статичны. Так, иногда Аристотель тесно сближает материю и форму, но все же даже между «последней материей» и формой всегда остается дистанция – логически неустраняемая преграда – закон запрещения противоречия: «не может что-либо [в одно и то же время] обстоять так и иначе» [1. Кн.IV. Гл.IV]. Гегель в свое время высказал негативное отношение к закону

запрещения противоречия Стагирита, так как полагал, что данный закон есть своего рода запрет на становление действительного. Розанов, пребывая в рамках аристотелевской логики, избегает отождествления формы и материи, действительности и возможности – в индивидууме (в вещи) они лишь соединены, оставаясь в готовности к естественному распаду, к метафизической определенности. Философ делится с читателями таким наблюдением: «...умирание действительно не есть разрушение, но возвращение реальности к своим потенциям, в данном случае выражающееся вторичным отделением формы от вещества»[4. С.191]. Он утверждает, что сущность потенциальности «...в раздельном существовании в природе начал формируемого и формирующего»[4. С.155], и эти противоположные начала «...стремятся освободиться друг от друга» [4, с.161]. Ориентируясь на Аристотеля, начинающий русский философ склонен считать, что материя не обладает источником самодвижения. Как отмечалось выше, Розанов в своем труде эпизодически (и трудно сказать, вполне ли осознанно) отражает саморазвитие явлений, но подчеркнем, что в работе «О понимании» преобладает взгляд, разводящий пассивное и активное начала. Так что вовсе не случайны, например, такие замечания Розанова: «...изменяемость не есть свойство существующего, но есть произведение двух отдельных начал – пассивного, принимающего воздействие, и активного – воздействующего» [4. С.226]; «...начало деятельное никогда не бывает вещественным, материальным»[4. С.230]. Для Аристотеля безоговорочно форма, являясь целью, в то же время представляет собой единственное активное действующее начало. Бог, согласно представлениям древнего мыслителя, есть совершенство, форма форм и перво-двигатель – неподвижный источник и первопричина движения. Характерно, что у Розанова, пребывающего в устойчивой (не релятивной) парадигме классической науки, истина и, конечно же, высшая истина есть нечто окончательное, неизменное в своём совершенстве. Так, Розанов уверен: «...правильным и полным определением науки будет следующее: она есть неизменное понимание неизменно существующего»[4. С.2]. Соответственно, он полагает, что совершенный дух - «Это – истина, которой ищет человек, добро, которого жаждет он». «Это – жизнь, толь-

ко уже не как стремление возможного к действительному, но действительная, которой ничего не недостает, не жаждущая, не неудовлетворенная»[4. С.546]. Отметим, что влияние Аристотеля на начинающего русского философа сказывается и в определенном, несколько эфемерном понимании изменений – собственно изменение понимается как проявление, материализация уже (т.е. вечно) имеющихся форм. «Неизменяемость форм обусловлена тем, что всякая форма есть в каждом данном пространстве; так что когда предмет, по-видимому, изменяет свой вид, - по мнению Розанова, - он выходит из одной формы (после чего она становится невидимой) и вступает в другую форму»[4. С.176]. Розанов далее пишет: «...изменение не есть нечто необходимое в бытии», он полагает, что «...в изменении только обнаруживается прежде скрытое и скрывается ранее обнаруженное, проявляется потенциальное и исчезает реальное» [4. С.204].

Одним из самых веских аргументов в пользу определяющего влияния аристотелизма на розановское видение рассматриваемых категорий является выделение русским философом трех форм бытия: потенциального, образующегося и актуального. О второй форме мы узнаем, что она «...отлична и от действительного существования – уже законченного и неподвижного, и от потенциального – которое также неподвижно...»[4. С.158]. Данная классификация, включающая образующуюся форму бытия, вероятно, потребовалась философу для того, чтобы расставить акценты, которые присутствуют у его знаменитого античного учителя. Напомним, что Аристотель в действительности выделяет «энергию» и «энтелехию» - первая обозначает движение, деятельность со стороны его законченности, а термином «энтелехия» передается состояние полной осуществленности целенаправленного действия. Вероятно, действительное у Розанова несет на себе некоторую смысловую энтелехическую нагрузку, что вполне сочетается с его апофеозом естественного. Однако, воздерживаясь от утверждения о несомненном телеологизме работы «О понимании», используем это как повод, чтобы подчеркнуть, что в данной статье мы не устанавливали тождества взглядов философов (такового нет, да и быть не может, так как мы имеем дело не с плагиатом), но пытались показать, что в целом оригинальная философия В.В. Розанова в во-

просе о категориях действительного и возможного испытывала на себе определенное парадигмальное воздействие. Оригинальность розановского подхода в данном вопросе не должна вызывать сомнений; на наш взгляд, она проявляется уже в том, что у его великих предшественников философские предпочтения относились к категории действительного. Так, Аристотель в «Метафизике» пишет: «Но конечно же, и по сущности действительность первее возможности, прежде всего потому, что последующее по становлению первее по форме и сущности (например, взрослый мужчина первее ребенка, и человек - первее семени, ибо одно уже имеет свою форму, а другое - нет), а также потому, что все становящееся движется к какому-то началу, т. е. к какой-то цели (ибо начало вещи - это то, ради чего она есть, а становление - ради цели); между тем цель - это действительность, и ради цели приобретается способность» [1. Кн.IX. Гл.VIII]. Гегель в «Науке логики» замечает: «Возможность кажется, на первый взгляд, представлению более богатым и обширным определением, а действительность, напротив, более бедным и ограниченным. Говорят поэтому: все возможно, но не все, что возможно, также и действительно. На самом же деле, т.е. согласно мысли, действительность есть более широкое определение, ибо она, как конкретная мысль, содержит в себе возможность как некий абстрактный момент» [2. С.316]. Розанов, как нам представляется, всегда неосознанно и осознанно (это определяется из психологии Розанова, из всей суммы и эволюции его философии) симпатизировал родственной его человеческой сущности категории потенциального. Возможно, именно переживание потенциальности само стало тем эмбрионом, из которого развилась впоследствии его широко известная философия пола. В зрелой философии «живой жизни» жизнь человечества видится философу бесконечным совершенствованием, не имеющим конца процессом понимания бытия и чувствования в бытие, процессом, в котором потенциальность приобретает тонкую телесность, духовную материальность, а материальность пола возвышается до духовности. «Слово плоть бысть» перестает быть формальным «словаглаголанием». Слово все более и более становится осязательным, зримым. Шаг за шагом восстанавливается изначальное единство идеального и материального

миров, и близятся новое небо и новая земля.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 1. (Метафизика; О душе). М.: Мысль, 1975.
2. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1975.
3. Л.С. /Слонимский Л.З./ Рец. на кн.: Розанов В.В. «О понимании» // Вестник Европы. 1886. № 10. С. 850 857.
4. Розанов В.В. О понимании: Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. М., 1886.
5. Розанов В.В. О себе и о жизни своей / Сост. В.Г. Сукач. М.: Московский рабочий, 1990.
6. Розанов В.В. Сумерки просвещения / Сост. В.Н. Щербаков. М.: Педагогика, 1990.

© С.В. Фефилин

**Экзистенциальное определение категории страха
в творчестве С. Кьеркегора и П. Тиллиха**

Страх всегда был в центре философского внимания, начиная с античности. Но подлинный анализ атрибутивных свойств данного состояния человеческого существования был предпринят в экзистенциализме. Именно в рамках данного философского направления страх стал восприниматься в качестве экзистенциала (модуса экзистенции).

Сами экзистенциалы (феномены человеческого бытия) рассматривались как особые предметы для сознания, как содержание человеческого переживания, как бытийные характеристики в соотношении с понятиями интенции, трансцендентности, феноменологическими категориями. Обилие работ, посвященных данному экзистенциалу, можно условно разбить на ряд проблемных направлений:

– философско-психологические аспекты страха;

– философские интерпретации понимания экзистенциала страха как фундаментального основания человеческого бытия, как онтологической «призмы», сквозь которую преломляются смысложизненные вопросы;

– взаимосвязь между экзистенциалами человеческого бытия и специфическими проявлениями культурных, социальных, ментальных структур исторических эпох.

Страх - сущностный экзистенциал человеческого бытия, осуществляющийся, предстающий и являющийся реально как обязательное бытийное условие внутреннего напряжения, возникающего, во-первых, при активистском отношении к миру (противостоянии, преодолении, сопротивлении, борении и т.д.), как противоположность, антипод безусловного мужества, мужественного аскетизма; во-вторых, при пассивном отношении к миру, при покорном приятии; в-третьих, как «начало мудрости» (в христианстве — «Страх Божий»), т.е. начало открывающегося знания, но знания «абсолютной» истины как процесса постижения истины Абсолюта.

Страх в качестве условия становления человеческого существования впервые в полной мере был изучен С. Кьеркегором[1]. Страх принципиально отличается от «боязни», связанной с чем-то определенным, конкретным и, в перспективе, локализуемым. Страх содержит в своей глубинной сущности «беспочвенность и предметную неопределенность» и представляет собой «выходящее наружу чувство тревожности как таковой»[2]. Предметом страха в экзистенциалистской парадигме является «ничто», страх и «ничто» постоянно соответствуют друг другу, «ничто» вызывает, «порождает страх», как это выявляет С. Кьеркегор [3]. В этом «отбрасывании» к предмету страха проявляется его преимущество, экзистенциальный смысл и предназначение.

«Страх - это скованная свобода, когда свобода не свободна в самой себе, но скована - и не в необходимости, но в самой себе». Но при этом «страх есть выражение совершенства человеческой природы, - утверждает С. Кьеркегор, - страх - это головокружение свободы» [4]. Именно при помощи страха С. Кьеркегор пытается справиться с «Системой». «Система»

нисколько не удовлетворяет индивида. Человек благодаря опыту свободы отрицает «Систему», отказывается быть к ней сведенным. Но раскрытие человека себе самому в бесконечной возможности (итог свободы) означает принятие соблазна греха, потому как это есть возмущение против Бога. В этом главный парадоксальный смысл утверждения С. Кьеркегора: человек действительно является самим собой, только выбирая самого себя, и он может быть самим собой, выбирая себя против Бога, то есть человеком овладевает страх, так как он должен будет повергнут в грех. Поэтому страх, свобода и грех образуют неразрывное триединство[5].

Но С. Кьеркегор преодолевает данное противоречие. Воспринимая страх, человек осознает, что бытие человека – это небытие, то есть он не есть то, что уже превзошел. Он не теряет, но приобретает новую подлинную истинность, данную ему через «искупление». Бог сделался человеком и испытал муки человеческой смерти для того, чтобы «искуплением» вызволить человека из греха. Таким образом, человек не оказывается против Бога. Следовательно, каждому человеку предстоит путем «искупления» преодолеть «ничто» своего бытия.

Страх делает то, что не может достичь человеческое воление. Он похож на головокружение от созерцания пустоты, бездны между человеком и миром. Человек теряет ложную уверенность в незыблемости повседневных связей и отношений, ощущает отторжение от них, выявляет собственную покинутость и обретает экзистенциальную свободу. В этом высшее откровение страха – вывод С. Кьеркегора.

П. Тиллих логически завершает экзистенциалистскую традицию рассмотрения страха, заложенную С. Кьеркегором. В отличие от основоположника направления, экзистенциальное осознание небытия П. Тиллих определяет термином «тревога». Тревога - это конечность, переживаемая человеком как его собственная конечность[6].

Вместе с тем, он постулирует общую онтологическую основу тревоги и страха. Они неразделимы, имманентно присущи друг другу через проявление. Вместе с тем, различие принципиальное. Страх имеет определенный объект, который можно встретить, проанализировать, побороть, вытерпеть.

Человек может воздействовать на этот объект и, воздействуя на него, соучаствовать в нем (даже в форме борьбы). Он может принять этот объект внутрь своего самоутверждения. Мужество может принять в себя страх, вызванный любым определенным объектом, потому, что этот объект, каким бы страшным он ни был, одной своей гранью соучаствует в нас, а мы – через эту грань - соучаствуем в нем. «До тех пор, пока существует «объект» страха, любовь (соучастие) способна победить страх», - утверждает П. Тиллих[7].

С тревогой иначе. У нее нет объекта, т.е. ее объект – это отрицание любого объекта. Человек, охваченный тревогой, до тех пор, пока это чистая тревога, полностью ей предоставлен и лишен всякой опоры. У человека возникает чувство дезориентации, неадекватности и т.д. Подобное состояние вызвано отсутствием объекта, на котором сосредоточился бы субъект.

Именно тревога неспособности сохранить собственное бытие предопределяет основу всякого страха и создает «страшное» в страхе. П. Тиллих объясняет данную зависимость неспособностью конечного существа терпеть голую тревогу более одного момента. Поэтому человеческая душа - «фабрика страха». В этом заключается главный позитивный «терапевтический» смысл страха.

Таким образом, традиция позитивного рассмотрения категории страха была заложена С. Кьеркегором и продолжена в философии существования. Но если С. Кьеркегор определял страх как *потенциальную скованную свободу*, возможность *достижения истинного себя*, то П. Тиллих рассматривал страх всего лишь в качестве одного из элементов *самоутверждения*.

Примечания

1. Кьеркегор С. Понятие страха // Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993.
2. Больнов О. фон. Философия экзистенциализма. СПб., 1999. С. 91-92.
3. Данную традицию продолжил М. Хайдеггер. Страх лишает личное бытие возможности самопонимания «в формате» обыденного, неподлинного мира и соответствующих

представлений. Страх отбрасывает личное бытие к тому, что оно страшится, к его собственной способности - бытия-в-мире. «Dasein» (присутствие) как бытие-в-мире подвержено страху, и эта «подверженность страху», настаивает М. Хайдеггер, должна пониматься как «экзистенциальная возможность сущностного расположения». – Подробнее см.: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 142-144.

4. Кьеркегор С. Указ. соч. С. 143.

5. Вэлленс А. де. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека: Антология. М., 1993. С. 300-301.

6. П. Тиллих выделяет три формы тревоги: тревога судьбы и смерти, тревога пустоты и утраты смысла, тревога вины и осуждения. Подробнее см.: Тиллих П. Мужество быть // Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М., 1995.

7. Тиллих П. Указ. соч. С. 30.

© А.Д. Коврайский

К вопросу о вере

І. ЕДИНСТВО. Принцип *Подобия* – воистину во всем, но, как ни парадоксально звучало бы следующее, нужно очень четко чувствовать и осознавать *грань между схожестью и индивидуальностью форм*. Люди похожи, но в то же время различны. Мы часто замечаем наше единство с кем-то или с чем-то, но, похоже, не отдаем себе отчета в этих словах, а они есть, как-никак, кристаллизация наших мыслей. В данном случае я имею в виду наше единство с Богом, Абсолютной Личностью, Высшим Разумом.

Для более удобного разбора данного вопроса мы предлагаем простую, даже в некотором роде примитивную задачу:

Условие: Дана плоскость – назовем ее M , в которой проведены координатные прямые x , y ; на ней отмечены две точки – назовем их A и B ; A с координатами (x, y) находится в первой координатной четверти, B с координатами $(-x, -y)$ – в третьей. Далее следует представить данную плоскость M – Вселенной, а

точки A и B – любыми стремящимися друг к другу объектами, что находятся на расстоянии друг от друга.

Вопрос: Что можно сказать об этом своеобразном чертеже, учитывая Единство [1]?

Решение: Учитывая Единство, можно сказать, что точки A с координатами (x, y) и B с координатами $(-x, -y)$ (представляющие определенные объекты во Вселенной) *находятся во взаимном притяжении*. Таким образом, место, а точнее, пространственно-временные координаты точек A и B (x, y) есть относительное пребывание объектов. Если рассматривать чертеж собственно по законам диалектики, а именно по закону *единства и борьбы противоположностей*, можно представить, что точки A и B – объекты-противоположности, взаимоисключающие друг друга (принцип *комплементарности* – дополнения) через точку O (центр координатных прямых), взятую центром взаимопроникновения точек A и B для удобства. (Так же получилось бы, если бы мы задали точки в других координатных четвертях – второй и четвертой).

Если принять во внимание *всеобщее самодвижение* (на чертеже – точек A и B) предметов-противоположностей, то тогда, собственно, осуществление взаимопроникновения точек происходит на основании *внутренней жизни* этого *стремления*, которое в этих точках проявляется как закон *всеобщего притяжения*.

Из всего сказанного следует, что точка O (центр координатных прямых x, y – центр взаимопроникновения точек-предметов-противоположностей A и B) является Богом, Абсолютной Личностью, Высшим Разумом, а само взаимопроникновение с ним – *единое целое*. Но из-за того, что Вселенная бесконечна (в данном случае плоскость M), за центр ее можно взять любую точку (опять же в данном случае мы брали точку O для удобства). А значит, и *существование Бога, Абсолютной Личности, Высшего Разума, Его присутствия – повсюду во Вселенной*.

II. ВЕРА. «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» [2]. Нет границ между верами – *вера одна*. Различны лишь ее объекты, а именно то, во что верят. Она имеет психологический аспект, так как отношение как к Богу, так и к идеям, представлениям имеет эмоциональную основу.

Вера является одним из главных аргументов в пользу бытия Бога. Не нужно путать рождение Бога в душе, что ставит последнюю, грубо говоря, выше Бога, а следует понимать предыдущее высказывание следующим образом. Душа человека пребывает в безверном сне. Пробуждением является появление веры в Бога (который, в свою очередь, существует как внутри души, так и отдельно от нее), то есть когда человек осознал потребность в Боге – поверил в Него. *Посредством веры душа начинает целиком и полностью осознавать бытие Бога.* Момент «зарождения» веры можно назвать *процессом внутреннего решения.*

Многие науки пытались и пытаются доказать бытие Бога, но безрезультатно. Лишь человек, прочувствовав, продумав, может внутри себя прийти к мысли, что Бог существует. Но стоит ему вынести его так называемое доказательство наружу, на всеобщее обозрение, как сразу оно превращается в абсурдный набор слов и повод для отрицания. Скажем: «Откройте глаза – пробудитесь! А радость в душе от происшедшего – это и есть сама вера».

Вначале был провозглашен *принцип единоверия.* Он расходится с бытующей точкой зрения о вере в современной философии, где находит место разделение на религиозную «фэйт-веру» и светскую «билиф-веру» [3]. На самом же деле веру невозможно вписать в такую, да и в любую другую систему координат. Возражая, можно вспомнить слова писания: «Начало познания Святого – разум». Верно, но заметим, что любому мыслительному процессу изначально присуща фаза восприятия той или иной информации на чувственно-эмоциональном уровне. Прочитаем стих полностью: «Начало мудрости – страх Господа, а познание Святого – разум» [4]. Как видно из представленного изначально – страх – яркая эмоция.

Религиозные ортодоксы говорят о возможности существования веры только в рамках какой-либо религии. Сейчас все более и более явственно становится очевидно обратное. В мире высоких технологий не находится места религиям с их правилами, нормами и обрядами, зачастую противоречащим реальности (религиозные люди не те, что были даже, например, в начале прошлого века), хотя речь не идет о их исчезновении. *Но, не*

смотря ни на что, человек не перестает верить (во что? – поставим многоточие). Он верит свободно и непоколебимо всем своим сердцем, всей своей душой.

Библиографический список

1. Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. С. 279.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Репринтное издание. Л., 1990. Т. 2. С. 591.
3. Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998. С. 127.
4. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета / Репринтное издание. Л., 1990. Т. 2. С. 64.

© С.А. Кашина

Постнеклассическая наука и формирование новых принципов научного познания

В истории известны три крупные стадии развития науки, определяющие в течение значительного времени теоретические основы научного миропредставления. Они связаны с глобальными научными революциями. Их можно охарактеризовать как три исторических типа рациональности, сменяющие друг друга в истории техногенной цивилизации.

Классической науке соответствуют две глобальные научные революции: первая связана со становлением самой классической науки (возникновение механики Ньютона и последующее развитие науки XVII в.), вторая – с формированием дисциплинарной организации науки (конец XVII – первая половина XIX в.) [1.С.640]. Классический тип рациональности, соответствующий этой науке, концентрировал внимание на объекте познания, исключая всё, что может быть связано с субъектом.

Неклассическая наука (конец XIX и середина XX в.) развивалась под влиянием научной революции, вызванной теорией относительности А. Эйнштейна и квантовой механики В. Гей-

зенберга и Э. Шредингера. Тип неклассической рациональности определялся связью между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности.

Третья стадия – *постнеклассическая наука* (последняя треть XX в. и до настоящего времени) – результат нескольких научных революций. Для нее характерны новые принципы организации познавательного процесса, выражающиеся в расширении рефлексии над деятельностью. Соответствующая ей форма рациональности – это не только знание об объекте и особенностях средств и операций над деятельностью, но эта деятельность обязательно сочетается с определенными ценностно-целевыми установками, а также со связью внутринаучных целей с внеучными, социальными ценностями и целями [1. С. 634].

Таким образом, можно сказать, что типы научной рациональности характеризуются различной глубиной научного знания. Это в наибольшей степени свойственно постнеклассической рациональности, когда в исторические развивающиеся системы в качестве особого компонента включен сам человек.

Для постнеклассической науки характерна тенденция к построению единой наукой картины мира. К концу XX в. произошёл ряд научных революций, среди которых ведущее место принадлежит революции в космологии. Была создана концепция Универсального эволюционизма, идея которой принадлежит И. Пригожину, Э. Янчу и Н.Н. Моисееву. В создании концепции принимали участие многие научные дисциплины, но решающее влияние оказали три научных направления:

- современная космология;
- синергетика;
- теория биологической эволюции и развитие на ее основе концепции биосферы и ноосферы.

Современная космология сознательно положила в фундамент своих философских оснований распространение принципа эволюции с живой природы на все эволюционные процессы, происходящие в мире, начиная с возникновения Вселенной, в точке сингулярности, т.е. в момент Большого взрыва, - от образования вещества, звезд, галактик и до социальной жизни.

Современная космология не только исходит из принципа глобального эволюционизма, но и вводит в число своих основа-

ний так называемый антропный принцип (АП), согласно которому эволюция носит целенаправленный характер, ее целью является порождение разумных существ и в частности человека. А это означает, что вся Вселенная, по существу, является системой с рефлексией, т.е. самопознающей и самоуправляемой системой с самого начала своего возникновения.

Антропный принцип по своей значимости может сравниться с «антикоперниканским» переворотом не только в космологии, но и во всем современном познании. Поэтому он вызвал такие бурные обсуждения, дискуссии, конференции, международные форумы с участием ученых, философов и представителей церкви. Космолог Б. Картер считает, что есть два варианта антропного принципа: «слабый» и «сильный». Согласно первому, наше положение во Вселенной с необходимостью является привилегированным, в том смысле, что оно должно быть совместимо с нашим существованием как наблюдателей. Сильный АП утверждает, что Вселенная должна быть такой, чтобы в ней на некотором этапе эволюции допускалось существование наблюдателей [2. С. 372-373].

Эти определения породили различные интерпретации антропного принципа, которые можно свести к двум крайним предложениям: 1) разум в нашей Вселенной явление абсолютно случайное, которое стало возможным лишь благодаря маловероятному, но реализованному совпадению многих независимых физических параметров; 2) наличие биологической и социальной форм движения – закономерное следствие развития Вселенной, а все ее физические характеристики взаимосвязаны и взаимообусловлены таким образом, что с необходимостью вызывают появление разума.

Однако современные физические и математические расчеты показали, что без допущения антропного принципа или принципа рефлексивного характера Вселенной невозможно объяснить очень тонкий механизм согласования многих наблюдаемых физических констант и законов. С точки зрения научного мышления вероятность того, что эти согласования носят случайный характер, должна быть приравнена к нулю [3. С. 20].

Вместе с тем антропный принцип стал своеобразным камнем преткновения для современной науки, т.к. он выводит

исследователей в область мировоззренческих проблем о месте человека в мире и об отношении к миру, ставит перед сложными мировоззренческим и методологическими проблемами при рассмотрении вопросов современной научной картины мира и многих фундаментальных категорий, претерпевающих определенную трансформацию в постнеклассической науке.

Возникновение концепции глобального эволюционизма связано не только с обоснованием антропного принципа, но и с расширением границ эволюционного подхода, принятого в биологических и социальных науках. Сам факт исторического появления и эволюции этих видов движения, загадочность качественных скачков к биологическому и социальному миру можно понять только исходя из допущения необходимости подобных переходов между другими видами движения. Исходя из наличия эволюции нашей Вселенной на последних этапах ее истории, можно сделать предложение, что наш Мир в целом является эволюционной системой, что и все другие движения сформировались в процессе эволюции.

В этом и заключается самая общая формулировка парадигмы глобального эволюционизма.

Еще одна важная проблема постнеклассической науки – квантовый вакуум, которая проясняет рефлексивные свойства Вселенной.

К концу XX столетия наука обогатилась еще одним важным открытием, которое тоже может считаться научной революцией. Г.И. Шипов разработал теорию физического вакуума и определил уникальные свойства торсионных полей: 1) взаимодействие торсионных полей носит не энергетический, а чисто информационный характер; 2) по этой причине торсионные поля являются идеальным средством для связи на межзвездных расстояниях. И это уже подтверждено экспериментами Н.А. Козыревым, М.М. Лаврентьевым и А.Ф. Пугачом [4].

Квантовый вакуум благодаря своим энергетическим свойствам порождает виртуальные частицы. У науки, как считает профессор Л.В. Лесков, есть основание думать, что именно сложные структуры квантового вакуума и есть та первооснова, которая определяет фундаментальные свойства нашего мира в целом [5. С. 60].

Торсионные поля могут вызывать нелокальное возмущение вакуума, а его фантомный «след» может сохраняться очень долго, даже после прекращения действия источника. Нелокальность торсионного возмущения, как отмечает профессор Л.В. Лесков, можно интерпретировать как квантовую телепортацию [5. С. 60].

Удивительные физические свойства торсионного поля позволяют рассматривать его как универсальную информационную сеть, охватывающую всю Вселенную и обеспечивающую связь между всеми материальными объектами независимо от их природы и масштаба.

Эффект торсионного фантома придает вакууму свойство квазистационарного банка семантической информации [5. С. 60].

Согласно концепции В.В. Налимова [6], в мире параллельно и независимо от материи существует семантическое пространство, в котором изначально заложены все смыслы – они и представляют собой семантический вакуум: нечто, очень напоминающее мир «идей» Платона. По гипотезе Налимова физическим референтом семантического пространства является квантовый вакуум, переносчиком информации к процессору – торсионное поле, функцию процессора выполняет мозг. Налимов считает, что этот механизм можно использовать для объяснения феномена интуиции. Конечно же, это только гипотеза, и будущее покажет, найдет ли она подтверждение. Во всяком случае, авторитетный специалист по нелинейной науке Э. Ласло сказал, что открытие вакуумного поля – это фундаментальный сдвиг в картине мира.

Современная космология по праву считается ярким образцом и началом постнеклассической науки. Ее особенность заключается в переходе к исследованию новых объектов познания – сверхсложных и в высшей степени самоорганизованных систем и подсистем, таких как биосфера, геосфера, техносфера, экономика и др., включающих в себя человека как одного из важнейших элементов.

Изменение объектов познания потребовало новой методологии исследования. Таковой выступила парадигма современного естествознания – синергетика, наука о самоорганизации в системах, далеких от равновесия. Синергетика является идеоло-

гией обоснования нелинейного мышления в науке.

Творцы синергетики – И. Пригожин, Г. Хакен, С. Курдюмов – обнаружили, что в открытых диссипативных системах не действуют линейные зависимости, что такие системы приобретают принципиально новые свойства и начинают подчиняться особым законам [7]. Эти законы получили название нелинейных.

Основные свойства систем, подчиняющихся нелинейным принципам, являются:

- *необратимость* эволюционных процессов, «несущих в себе стрелу времени», являющуюся источником порядка и порождающую более высокие уровни организации [8. С. 54-55];

- *бифуркационный характер эволюции*, системы эволюционируют в целом скачкообразно, а на самой траектории их эволюции всегда есть выделенные точки (бифуркационные точки), где происходит «выбор» одного из возможных сценариев следующего этапа эволюции системы;

- в точках бифуркации выбор системой дальнейшей траектории движения определяется случайным образом и не связан линейной причинной зависимостью от предшествующих состояний (принцип случайности);

- *новое понимание будущего*, в зоне бифуркации реализуется спектр виртуальных сценариев эволюции, предпосылки грядущего содержатся в настоящем, будущее оказывает влияние на текущий процесс.

Нелинейная наука привела к появлению новой синергетической парадигмы, которая означает отказ от базовых принципов традиционной науки – абсолютной и достоверной истины и абсолютного достоверного знания, от принципа причинности, редукционизма и концепции линейности, выдвинула новые принципы конструирования научной картины мира.

Осуществив революцию в исследовании нелинейных систем, синергетика во многом изменила наши представления о сущности процессов, происходящих в природе. Расширив класс самоорганизующихся систем и применив явление самоорганизации как к неживой природе, так и к биологическим и социальным процессам, синергетика способствовала развитию концепции глобального эволюционизма.

Этот аспект применения идей самоорганизации нашел свое отражение в работе Э. Янча «Самоорганизующаяся Вселенная: научные и гуманистические следствия возникающей парадигмы эволюции» [1. С. 654-655]. Согласно Янчу, использовавшему результаты научных исследований Пригожина по термодинамике неравновесных процессов, самоорганизация может быть распространена на всю совокупность и природных и социальных явлений на все уровни как неживой, так и живой материи, а также и на явления социальной жизни – нравственность, религию, мораль. Все эти явления развиваются как диссипативные структуры.

Янч не просто вычленил эти уровни, но и охарактеризовал каждый из них.

Для живых систем таким свойством выступает способность системы к самовоспроизведению и сохранению автономности по отношению к окружающей среде. В космических системах в качестве источника эволюции рассматривается нарушение симметрии вещества над антивеществом.

Следующий этап – возникновение уровня жизни, который является «тонкой сверхструктурированной реальностью» [1. С. 655]. В данном определении речь идет о генетической связи между неживым и живым. Дальнейшее усложнение живых систем приводят к возникновению уровня коэволюции организмов и экосистем, а впоследствии к социокультурной эволюции. На уровне социокультурной эволюции разум выступает как принципиальное качество самоорганизующихся систем. Он способен оценить путь, пройденный эволюцией Вселенной, и предвидеть ее будущие состояния. Тем самым Янч включает человека в самоорганизующуюся Вселенную и делает его причастным ко всему, что в ней происходит. Согласно Янчу, соразмерность человеческого мира остальному миру включает в глобальную эволюцию гуманистический смысл [1. С. 655].

Развитая Янчем концепция – одна из попыток создать образ современной общенаучной картины мира на основе универсального эволюционизма. Это видение мира, в котором все уровни структурной организации генетически связаны между собой. И основой такого видения выступают не только философские идеи, но и реальные достижения конкретных наук.

Идеи термодинамики неравновесных систем и синергетики имеют фундаментальное мировоззренческое значение, поскольку они сделали возможным обосновать представление о развитии физических систем и включить их в единую картину мироздания наряду с живой и социальной материей.

Достижения биологии XX века тоже могут быть рассмотрены в качестве особого блока научных знаний, который наряду с космологией и учением о самоорганизации сыграл решающую роль в разработке новых подходов к построению целостной общенаучной картины мира.

В 20-х годах XX столетия в биологии начало формироваться новое направление эволюционного учения, связанное с именем В.И. Вернадского, которое называют учением об эволюции биосферы и ноосферы. Это учение тоже можно рассматривать как один из существенных факторов естественно-научного обоснования идеи универсального эволюционизма. Биосфера, по Вернадскому, это целостная система, обладающая высокой степенью самоорганизации и способностью к эволюции, ее развитие обеспечивается в значительной степени «существованием в ней живого вещества – совокупности живых организмов, в ней живущих» [9. С. 14].

В результате саморазвития и влияния антропогенных факторов в биосфере могут возникнуть такие состояния, которые приводят к качественному изменению составляющих ее подсистем. Рассматривая роль антропогенных факторов, Вернадский отмечал растущее могущество человека, в результате чего его деятельность приводит к изменению структуры биосферы.

Эволюционный процесс живых веществ, охвативший биосферу, сказывается на ее косных природных телах, получает особое геологическое значение благодаря тому, что он создал новую геологическую силу – научную мысль социального человечества. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера превращается в ноосферу, а человек становится мощной геологической силой.

Своим учением о биосфере и ноосфере В.И. Вернадский продемонстрировал неразрывную связь планетарных и космических процессов.

Таким образом, можно сказать, что в науке есть все необходимые естественно-научные данные, позволяющие обосновать универсальный характер эволюции.

Принципы универсального эволюционизма становятся основой синтеза знаний в современной науке. Как базисные основания современной общенаучной картины мира принципы глобального эволюционизма демонстрируют свою эвристическую ценность именно в данное время, когда наука перешла к исследованию нового типа объектов – саморазвивающихся систем. Общенаучная картина мира является важнейшей составляющей этих исследований. Изучение комплексных развивающихся объектов возможно только в системе междисциплинарных взаимодействий с привлечением не только ученых различных фундаментальных наук, но и специалистов, работающих в сфере прикладных исследований. В этом случае глобальная исследовательская программа, представляемая общенаучной картиной мира, может порекомендовать, какие методы и принципы могут быть транслированы из одной науки в другую, как осуществить стыковку знаний, полученных из разных отраслей науки, как включить это знание в современный социокультурный контекст. Влияние глобальной исследовательской программы сейчас особенно необходимо, поскольку многие научные методы переходят от одних наук к другим в результате «парадигмальной прививки».

Появление в качестве объектов исследования сложных уникальных комплексов предполагает синтез двух факторов: социальный целей и ценностей, которые определяют облик науки как специального института, и внутринаучных факторов, действующих в одном направлении. В этот процесс наряду с естественными науками включаются и социальные науки, поскольку большинство современных направлений исследования имеют комплексы, включающие человека в качестве составного компонента.

Это ускоряет обменные процессы между естественными, техническими и социальными науками и приводит к объединению наук о природе с науками о культуре, т.е. естественных и гуманитарных наук.

Концепция глобального эволюционизма способствовала

тому, что в современном естествознании появились концепции, использующие принципы историзма, исторического рассмотрения объектов (например, образцы исторических реконструкций в биологии, геологии, космологии и астрофизике) – это использование методов гуманитарных наук. В свою очередь, принципы, получившие развитие в естествознании, постепенно внедряются в гуманитарные науки.

Из концепции глобального эволюционизма, как считают современные физики, можно получить принцип коэволюции человеческого социума и среды обитания, включая космическое пространство [5.С.62], что позволило бы избежать человечеству экологического кризиса. Этот вывод и есть прямой результат нелинейного мышления.

Как считают некоторые представители современного естествознания, современный глобальный кризис обусловлен в значительной мере отставанием научной методологии, прогнозирования от практических потребностей. Во многом это обусловлено тем, что до сих пор не преодолено наследие классической методологии, а принципы нелинейного мышления не получили адекватного применения в гуманитарном научном знании.

Примечания

1. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2003.
2. Картер Б. Совпадение больших чисел и антропологический принцип в космологии // Космология: теория и наблюдения. М., 1978.
3. Лебедев С.А. Взаимосвязь естествознания и философии // Философия современного естествознания. М., 2004.
4. Шипов Г.И. Теория физического вакуума. М., 1997.
5. Лесков Л.В. Современная физическая картина мира // Философия современного естествознания. М., 2000.
6. Налимов В.В. Разбрасываю мысли. М., 2000.
7. Открытые диссипативные системы – это неравновесные системы, в которых задано общее направление эволюции.
8. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986.
9. Вернадский В.А. Размышление натуралиста. Научная мысль как планетарное явление. М., 1977.

Технополисы: мировой опыт и российские перспективы

Современное состояние российской экономики выдвигает на первый план поиск и внедрение различных способов преодоления кризисных процессов в экономической и, как следствие, социальной сфере. Как известно, в мировой практике переход к росту обеспечивается внедрением новых технологий на базе новых производственных мощностей. Научно-технический прогресс как важнейший фактор экономического развития - это инновационный процесс, который объединяет в себе науку, технику, экономику, предпринимательство и менеджмент. Сам термин “инновации” по общепринятому определению включает в себя как процесс разработки, так и освоения и эксплуатации производственно-экономического и социально-организационного потенциала страны или региона, т.е. коммерческой реализации заявленной идеи. В инновационном процессе выделяются следующие фазы или стадии, подтверждающие потенциальное наличие значительного временного лага от момента новации до ее превращения в инновацию:

- достижения фундаментальной науки в той или иной сфере
- прикладные исследования
- опытно-конструкторские разработки
- первичное освоение или внедрение
- широкое внедрение, т.е. непосредственное распространение инновации
- использование нововведений
- устаревание инноваций.

Инновационный процесс обусловлен взаимодействием многих факторов, однако определяющим условием развития научной и научно-технической деятельности является объем инвестиций. Для поддержания научно-технического потенциала любого государства в современных условиях необходим объем вложений не менее 1% ВВП. Ориентиры инновационно-инвестиционной политики современной РФ во многом опреде-

ляются не циклическим характером, как это проявляется в ведущих странах мира с рыночной системой хозяйствования, а ее структурным кризисом, сложившимся в результате администрирования советского периода, плановой специализации и размещения производительных сил в рамках союзного государства. По большинству критериев конкурентноспособности, а фактическая конкурентноспособность страны оценивается Всемирным экономическим форумом по 145 критериям, Россия находится на уровне развивающихся стран.

Поддержка научных исследований и разработок – органическая составная часть государственной инновационной политики, цели и задачи которой определены Федеральным законом об инновационной деятельности и государственной инновационной политике. В решении этой проблемы Россия имеет возможность использовать на своей территории мировой опыт стимулирования инвестиционных процессов в развитии как страны в целом, так и ее отдельных территорий, который уже сложился и был опробован в мировой хозяйственной практике. К их числу относится создание на экономической территории государства зон наибольшего экономического благоприятствования, создающих локальные, наиболее выгодные в сравнении с остальной территорией, условия предпринимательской деятельности.

Свободные экономические зоны (СЭЗ) появились в мире в конце 50-х- начале 60- х годов. Первая СЭЗ возникла на территории ирландского города Шеннон как зона свободного международного предпринимательства и до настоящего времени является одной из наиболее эффективных экспортных промышленно-производственных зон по объему привлеченных инвестиций и числа работающих предприятий.

В экономической науке отсутствует единый подход к определению СЭЗ, однако большинство исследователей едины в том, что свободная экономическая зона – часть территории национального государства, в которой не действуют многие общенациональные законы, регулирующие экономическую деятельность участников рынка. Это может касаться налогов, пошлин, арендной платы, государственных субсидий (трансфертов) и иного рода преференций. Виды свободных экономических зон

могут быть разнообразными и определяться теми целями, достижение которых необходимо для стимулирования региона: зоны свободной торговли, экспортно-производственные зоны, производственные зоны, свободные порты, свободные банковские зоны. Создание СЭЗ в нашей стране началось в начале 90-х годов, когда решением правительства статус зон наибольшего экономического благоприятствования получили первоначально двенадцать, а затем еще десять городов, краев, автономных округов и областей страны. Абсолютное большинство СЭЗ в России фактически не функционирует. Дело в том, что для успешного функционирования СЭЗ в любом ее виде необходимо соответствие территории следующим критериям: локальность (ограниченное пространство зоны), наличие узкой специализации в экономической сфере, удобство географического положения, - создание на территории зоны особого юридического и финансово-экономического режима. Государство было вынуждено признать, что создание особого приоритетного режима, в частности налогового, привело к многочисленным злоупотреблениям в субъектах РФ и на данном этапе развития России может создать угрозу и опасность экономической безопасности страны.

Концептуальные признаки СЭЗ позволяют отнести к их числу многообразные особые зоны научно-технического развития, исследователи которых рассматривают их в качестве элементов рыночной инновационной инфраструктуры, способствующих успешному и ускоренному прогрессу и росту конкурентоспособности отраслей, регионов и государства в целом.

В качестве своеобразных "точек" экономического роста могут выступать инновационные центры. По своей сути они имеют наибольшее право именоваться частью рыночной *инфраструктуры*, поскольку их деятельность направлена на *создание условий* роста и развития фирм. Фирмы подобного рода оказывают услуги информационного обеспечения наукоемких производств, подготовку и обучение персонала в области менеджмента, создание региональных и международных сетей обмена информацией и межфирменного сотрудничества, обеспечение кооперации исследовательской работы и реального сектора экономики.

Инновационный бизнес-инкубатор, так же как и инновационный центр, не занимается производственной деятельностью и входит в перечень структур, обеспечивающих успешное функционирование рынка. Его назначение – поддержка предпринимательства в сфере малого бизнеса и начинающих бизнесменов, желающих, но по разным причинам не имеющих собственных возможностей или опыта для реализации тех или иных предпринимательских идей. Предполагается, что в сферу деятельности бизнес-инкубаторов попадают малые инновационные производства, “выращивание” новых фирм на начальном этапе и помощь в достижении коммерческого успеха.

Бизнес-инкубатор, по опыту многих стран, может выступать одной из функций инновационного центра, научного или технологического парка либо являться автономно функционирующей структурой, имеющей статус хозяйственной организации с правами юридического лица. В любом случае их назначение – поддержка малых и средних производств в освоении новых для данного региона высоких технологий или инновационного предпринимательства. При этом для организации его деятельности достаточно здания или комплекса зданий, в которых могут быть размещены необходимые консультационные или информационные службы. Он предоставляет свои клиентам различные виды сервиса, такие как офисные услуги, связь, бухгалтерский учет, планирование, финансовый менеджмент.

Представленные характеристики в целом не дают оснований считать подобные структуры зонами наибольшего благоприятствования, в рамках которых обеспечивается реальный инновационный процесс. Движение к подобного рода деятельности может быть выявлено в характеристике научного парка, деятельность которого ограничена конкретной географической территорией, формируемой вблизи университета или иного учебного заведения, научно-исследовательского центра или научно-исследовательского института. Научный парк – структура, которая владеет собственностью и управляется в соответствии с официальным соглашением о сотрудничестве, заключенным между университетом или исследовательским центром и фирмами, размещаемыми на конкретной территории. Учредителями научных парков являются университеты или иные вузы, науч-

ные и конструкторские учреждения. Однако в реальной практике значительно чаще встречается вариант, при котором парк имеет от 2 до 20 учредителей. Этот механизм управления считается более эффективным, так как открывает доступ к различным источникам финансирования. Вклад каждого из учредителей зависит от его ресурсов и состоит в следующем:

- вуз – передача технологий, земля, оборотный капитал;
- местная администрация – земля, инфраструктура, гранты;
- риэлтерские фирмы – капиталовложения, управление недвижимостью;
- банк – капиталовложения, финансовая экспертиза, венчурный капитал;
- промышленные предприятия – капиталовложения, экспертиза проектов.

В соответствии с заключенными соглашениями учредители научных парков предоставляют возможность промышленным предприятиям использовать библиотеки, оборудование, помещения и иное имущество, расположенное на территории учебного центра. Научный парк – это взаимовыгодная интеграция науки и производства, в рамках которого решается проблема финансового обеспечения научных исследований, а предприятия получают высокопродуктивный результат.

Первый научный парк подобного рода появился в США в штате Калифорния на базе Стэнфордского университета в 1949 году. Университет предоставил земли частным компаниям на условиях аренды для размещения научно-исследовательских подразделений, а научные кадры и службы учебного заведения стали поставщиком научных разработок в определенной области. Таким образом был создан пример непосредственного сближения интересов пользователя фундаментальных исследований и коммерсализации результатов научной деятельности образовательного центра. Парк был объявлен заполненным в 1981 году. К этому времени на его территории размещалось 80 компаний и 26 тысяч занятых. В 60-е годы американский опыт получил распространение на европейском континенте.

Технологический парк представляет собой более сложное образование, предполагающее активное участие в его функционировании региональных или местных властей, заинтересованных и непосредственно участвующих в формировании особой экономической среды обитания предпринимательских структур региона. Технологический парк имеет статус юридического лица и осуществляет свою деятельность в рамках территории, находящейся под его юрисдикцией. Организуя разные формы сотрудничества с университетами и научными центрами, промышленными предприятиями и местными органами власти, технологический парк создает или участвует в создании материально-технической, социально-культурной, сервисной или иной базы для становления, развития, поддержки инновационной деятельности предприятий малого и среднего бизнеса, коммерческого освоения ими научных изобретений и открытий, наукоемких технологий. Конечной целью, определяющей эффективность функционирования технологического парка, является создание всех необходимых условий, способствующих насыщению рынка региона или страны той или иной наукоемкой продукцией.

Наиболее крупную по масштабам и результатам экономической деятельности зону экономической активности представляет технополис. В его состав входят все известные и вышеперечисленные формы и способы активизации инновационной активности. Технополис включает в свой состав университеты, научные исследовательские центры, технопарки, бизнес-инкубаторы, промышленные и иные организации, заинтересованные в результатах научных и технологических исследований. При этом технополис организует широкую сеть различного рода связей как в рамках национальной экономики, так и на международном уровне. Он имеет строго организованную территориальную структуру, распространяясь либо на весь город, либо на ограниченные территории за его пределами. На данной территории создается целесообразно сформированная среда обитания научных сотрудников, разработчиков, менеджеров и т.п. Технополис – научно-производственный комплекс с развитой инфраструктурой сферы обслуживания, гарантирующий самодостаточность территории в обеспечении основных социально-экономических потребностей его сотрудников.

Следует отметить, что представленная классификация обладает определенной долей условности и не является абсолютно универсальной.

В мировой экономике сложилось огромное страновое разнообразие форм интеграции науки и производства, что позволяет выделять их американскую, японскую и смешанную модели, при этом постоянно возникают новые разновидности интеграционных связей науки и бизнеса. Так, понятие “исследовательский парк” предполагает разработку новшеств только до стадии технического прототипа, т.е. проведение научно-исследовательских работ, но запрещает массовое производство (Хериот-Уоттский научный парк Шотландии). В Западной Европе в начале 80-х годов появились инновационные центры, в функции которых входит обеспечение перехода от экспериментального производства к коммерческому освоению продукции в рамках мелких высокотехнологичных предприятий. Решение подобного рода задач получает государственную поддержку на уровне ЕС.

Таким образом, среди рассмотренных форм поддержки инновационных проектов признаками свободной экономической зоны в наибольшей степени обладают технополисы. Это - локальные комплексы, в определенной степени замкнутые или самодостаточные, имеющие выраженную специализацию, ориентированные на освоение или развитие наиболее перспективных, обеспечивающих конкурентноспособность страны на мировом рынке технологий и видов продукции, получающие различные формы государственной поддержки, льгот и экономических свобод, направленных на создание особого рода стимулов для интеллектуальной деятельности.

Япония выбрала технополисы в качестве национальной модели научных парков. Их создание было принято к реализации в 1982 году. В рамках специально разработанной программы выделено 19 зон, равномерно расположенных на территории четырех островов. Все 19 технополисов соответствуют одним и тем же критериям: отдаленность от городов-родителей – 30 мин. езды или 1 час езды от крупнейших городов Японии, занимаемая площадь – не менее 500 кв.миль, сочетание современных научно-промышленных комплексов, университетов, исследователь-

ских институтов и районов проживания, оснащенных культурной и рекреационной инфраструктурой, расположение в живописных районах страны в гармонии с местными традициями и природными условиями.

Технополис Цукуба стал одним из крупнейших научных центров мира. Это город фундаментальной науки, в рамках которого не проводятся прикладные исследования, поэтому в его развитии доля частного капитала невелика. Остальные технополисы финансируются за счет местных налогов и взносов корпораций. Технополисы в значительной степени обеспечивают и поддерживают статус Японии как наиболее передовой в научно-техническом отношении страны мира.

В настоящее время более половины всех технопарков мира расположены на территории Великобритании и США.

В экономической науке аналогичные структуры, создаваемые на идее сотrudничества научных учреждений, промышленности и бизнеса, могут называться научными парками, технопарками, технополисами, исследовательскими парками и научно-технологическими парками.

В России формирование технопарков началось в конце 1980-х – начале 1990-х годов в основном на базе высших учебных заведений. По сути, они определились как структурные подразделения вуза, а не реально действующие организации, способные инициировать, создавать и поддерживать малые инновационные предприятия. Российские технопарки не выполняют для малого бизнеса функций инкубатора. В отличие от международного стандарта в 2-3 года, сроки пребывания малых фирм в технопарке не ограничены и в среднем составляют в России около 10 лет. Первый технопарк в РФ был создан в 1990 году – Томский научно – технологический парк, в 1992 году – 2, 1992 г. – 24, 1993 г. – 43. В настоящее время в России создано около 80 технопарков, преимущественно при вузах, однако реально действующих значительно меньше. При проведении аккредитации в 2000 году ее сумели пройти около 30 технопарков. Для сравнения: в США насчитывается около 160 технопарков. Чуть более 10 из российских технопарков соответствуют международным стандартам. Их оценка проводилась по следующим критериям: степень связи технопарка и университета, уровень

вовлеченности студентов, число созданных и реализованных на предприятиях технологий, степень заинтересованности региона и др. Самый высокий агрегатный показатель у Международного научно-технологического парка Московского инженерно-физического института, за ним следует научный парк Московского государственного энергетического института и Научно-технологический парк Саратовского государственного технического университета. Крупнейший научный парк МГУ оказался на 11 месте. Характерно, что проведенная в стране аккредитация практически ничего не изменила. По-прежнему бюджетные средства равномерно распределяются по всем действующим технопаркам, входящим в Ассоциацию технопарков России, т.е. государство не проводит в отношении этих структур селективной политики.

В настоящее время в России вновь усилилось внимание к технопаркам.

Это связано с разработкой и принятием законопроекта “Об особых экономических зонах (ОЭЗ) в Российской Федерации”. Технопарки заявлены в этом проекте в качестве центрального звена 5-7 зон. Эта инициатива получила поддержку российских регионов, часть из которых уже заявила о готовности создать на своей территории особые внедренческие зоны. Для резидентов технико-внедренческих зон предусмотрена упрощенная система регистрации экспортно-импортных операций, освобождение от уплаты таможенных пошлин на ввозимые и вывозимые товары, отмена лицензирования. Итогом успешной работы зоны будет считаться создание в течение 2-3 лет 500 новых малых и средних фирм с объемом производства 3-4 млрд.долл. в год. Можно считать этот проект второй попыткой создания на территории РФ свободных экономических зон.

В 1997 году совместными усилиями Миннауки, Минобразования России и Фонда содействия развитию малых предприятий в научно-технической сфере началась реализация “Межведомственной программы активизации инновационной деятельности в научно-технической сфере России”. Проект предусматривал создание инновационно-технологических центров для обеспечения связи малого бизнеса и промышленности. ИТЦ – конгломераты из множества малых предприятий, размещен-

ных под одной крышей. Для их организации выделялись существенные финансовые ресурсы. В отличие от технопарков, создаваемых при вузах, ИТЦ создавались при предприятиях или научно-производственных комплексах. Однако на практике 45% ИТЦ возникли при вузах или на базе уже действующих технопарков. В настоящее время в России действует свыше 50 ИТЦ, в которых сосредоточено свыше 1000 малых фирм. Для России такого количества явно недостаточно. На территории Германии действует свыше 300 структур, аналогичных российским ИТЦ. Инновационно-технологические центры в России оказывают предприятиям малого бизнеса целый комплекс услуг по информационному и консультационному обеспечению, предоставляют гарантии в получении кредитов, создают центры коллективного пользования оборудованием, занимаются подготовкой и переподготовкой кадров для научно-технологического предпринимательства и т.п. По характеру своей деятельности российские ИТЦ представляют собой бизнес-инкубаторы. По источникам финансирования они могут существенно различаться по стране, находясь либо на 100% государственной поддержке, либо основываясь на арендной плате как единственном источнике финансирования. Сами участники малого бизнеса рассматривают ИТЦ преимущественно как источник выгодной аренды и налаженной инфраструктуры. Практически не меняется число фирм, находящихся в технопарках, что свидетельствует о низком внутреннем спросе на высокотехнологические продукты. В начале 2000 г. в России были подведены определенные итоги развития инновационно-технологических центров. В частности, из их состава были выведены неэффективно действующие предприятия. Успешные фирмы сферы малого бизнеса имели более высокие экономические показатели, чем малый инновационный бизнес в целом, а выплаченные ими налоги полностью компенсировали вложения государства в создание данной инфраструктуры.

На базе наиболее мощных ИТЦ в России образовались инновационно-промышленные комплексы. ИТЦ – следующий шаг в развитии инновационной инфраструктуры в РФ. Комплекс включает в себя организации, расположенные на различных стадиях промышленного освоения и продвижения на рынок конкурентноспособной продукции. В 1999 г. в стране были созданы 4

ИТЦ - в Москве, Зеленограде и Санкт-Петербурге. Первоначально в их финансировании участвовали Минпромнауки РФ, РФТР и Фонд содействия. Предполагалось также создать в РФ Федеральные центры науки и высоких технологий, ответственные за развитие высокотехнологичных отраслей реального сектора экономики, однако их нишу заняли в настоящее время важнейшие инновационные проекты государственного значения.

В целом предложенный анализ показывает, что наша страна находится в постоянном поиске наиболее эффективных форм поддержки и стимулирования предпринимательской деятельности, способной стать реальным и активным потребителем наукоемких технологий и иной научно-технической информации.

© М.А. Терентьев

Непосредственно общественная форма продукта в логической структуре политической экономии

Разработка логической структуры политической экономии коммунистического способа производства как целостной научной системы категорий и законов требует глубокого исследования экономической природы труда и общественной формы продукта.

Коммунистическое строительство осуществляется целенаправленной деятельностью членов ассоциации производителей. Следовательно, работники должны овладеть экономической теорией, экономическими законами созидательного непосредственно общественного труда.

Перед экономической наукой стоит задача решения прежде всего узловых, глобальных проблем развития общественно производственных отношений. Последние представляют собой сложную, многоступенчатую иерархическую систему. В ее основе лежит исходное общественно-производственное отношение коммунистического способа производства.

Вопрос об исходной экономической категории (исходном общественно-производственном отношении) относится к

числу наиболее сложных, а потому и дискуссионных научных проблем.

Исходное общественно-производственное отношение неопределимо до конца, хотя и бесконечно определяемо, дает содержание всем другим общественно-производственным отношениям, но само никогда ими не исчерпывается. Вся социально-экономическая жизнь человеческого общества, все его грани, в том числе и мышление, наполнены, нацелены и предопределены им. Исходное общественно-производственное отношение, таким образом, - все, но вместе с тем и ничто, ибо оно не акцентируется, не закрепляется за каким-либо конкретным что и им исчерпывается. Хотя исходное общественно производственное отношение выражается во временных и пространственных явлениях, оно не имеет своего предела в них, а определяет их собою. Суть пространства и времени, следовательно, обусловлены социальной природой исходного производственного отношения. Оно не может быть сведено к какому-либо конкретному экономическому отношению, хотя само оно есть порождение именно данных общественно-производственных отношений. Оно есть первоначало, дающее социальную форму движения общественно-производственных отношений, развивающимся по ее законам. По отношению к исходному общественно-производственному отношению все конкретные экономические отношения выступают лишь частными определениями: собственность, труд, средства производства, рабочая сила и т.п., связь между которыми осуществляется через посредство исходного общественно-производственного отношения. Следовательно, исходное общественно-производственное отношение как абстрактное, отражающее жизнь человеческого общества в целом, реализуется всякий раз лишь как конкретное общественно-производственное отношение, характеризующее ту или иную сторону жизни людей.

В этом безбрежном океане экономической жизни людей и забрасывает свой якорь (исходное общественно-производственное отношение) политическая экономия, в поисках точки опоры для создания логически стройной научно обоснованной экономической системы.

Исходное общественно-производственное отношение есть то отношение, в котором рождаются все конкретные формы его проявления: собственность, труд, разделение труда и т.п., включая формы экономического мышления. Важно иметь в виду, что каждое общественно-производственное отношение так или иначе обусловлено исходным общественно-производственным отношением. В этом смысле проявление того или иного экономического отношения есть самопроявление исходного общественно-производственного отношения. Другими словами, в каждом индивидуальном самопроявляется общее, целое, то есть исходное общественно-производственное отношение существует во множестве форм человеческой деятельности. Это значит, что, во-первых, его существование устойчиво, несмотря на отмирание или перерождение отдельных форм и прекращение той или иной сферы деятельности, а, во-вторых, через посредство этих форм и центров деятельности идет процесс обобществления экономической жизни и постепенное отмирание устаревающего исходного общественно-производственного отношения и замены его качественно новым исходным общественно-производственным отношением. Свидетельство тому замена натурального хозяйства товарным производством, а товарное производство, в свою очередь, перерождается в непосредственно общественное производство.

Новое исходное общественно-производственное отношение появляется (нарождается, возникает) в борьбе со старым исходным общественно-производственным отношением. И более того – оно нуждается в нем. Это значит, что в действительной экономической жизни человеческого общества имеется господствующее, определяющее исходное общественно-производственное отношение, которое обуславливает главную и коренную тенденцию развития экономической жизни, и старое, отмирающее, дополнительное, подчиненное исходное общественно-производственное отношение.

Борьба между новым и старым исходным общественно-производственным отношением – это борьба двух состояний общественно-производственных отношений людей, посредством которой осуществляется качественный рост экономической жизни человеческого общества. Следовательно, исходное обще-

ственно-производственное отношение должно уже существовать в своих основах, чтобы возможны были отдельные конкретные общественно-производственные отношения, а не наоборот: они есть не слагаемые исходного общественно-производственного отношения как целого, а отдельные стороны его, которое определяет их природу, закономерности развития и т.п. Исходное общественно-производственное отношение отражает, таким образом, не конкретные (индивидуальные) стороны экономических отношений, а их родовую историческую сущность.

История, как известно, - это резервуар, кладезь, из которого черпается материал для построения будущего. Исследование поэтому должно начаться с того, с чего началась история. Однако это не значит, что надо начинать именно с того, с чего началась история. Исходным пунктом познания может и должно быть только такое исторически первое, которое позволит понять изучаемый объект (явление, образование) в его целостности в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, т.е. начинать надо с главного, определяющего, схватывающего самую суть общественного способа производства.

Исходная категория должна, *во-первых*, не только верно схватывать общий характер всей системы экономических отношений, но и объяснять те частности, из которых она «складывается», которые ее порождают и через посредство которых она проявляется, но и, *во-вторых*, реагировать не только на то, что действует в данный момент времени, но и обладать свойством опережающего отражения, то есть того, чего еще нет в своей развитой форме, но что связано с тем, что заложено в ее природе и движется (развивается) в том направлении, - что должно быть.

Так, в условиях товарно-капиталистического способа производства исходной категорией служит прибавочная стоимость, ибо она выражает суть общественно-производственных отношений между капиталом и наемной рабочей силой. Последняя имеет товарную форму. Обмен совершается между капиталом и наемным трудом. Закон стоимости превращается в свою противоположность. «...Каждый отдельный товар выступает как носитель определенной части капитала и созданной им прибавочной стоимости» [1].

Формирование взглядов на исходную экономическую ка-

тегорию для разработки научного курса политической экономии социализма началось в 20-е гг. XX в. В качестве исходного отношения предлагались «пролетарская революция», «диктатура пролетариата», «экономический план строительства социализма» и др.

Экономическая дискуссия (ноябрь 1951 г.) и последующие за ней научные конференции разных уровней, ведущиеся до сих пор, выявили суть разных точек зрения на исходную экономическую категорию научного курса политической экономии. Под ней понимались:

- *общественная собственность на средства производства* (М.С. Атлас, М.К. Васюнин, А.В. Венедиктов, В.Г. Венжер, Л.М. Гатовский, А.М. Еремин, Н.К. Забродин, Г.А. Козлов, М.В. Колганов, Н.Д. Колесов, Я.А. Кронрод, А.Ю. Мелентьев, К.В. Островитянинов, П.М. Павлов, А.И. Пашков, А.М. Румянцев, С.И. Сдобнов, П.А. Скипетров, А.Ф. Тарасов, В.В. Цакунов, Й.Й. Чичинкас, К.Н. Шафиев, В.П. Шкредов и др.);

- *планомерность* (А. Ахундов, В. Астальцев, М.В. Бреев, А.В. Бузгалин, И.А. Гладков, С.С. Дзарасов, В.С. Дунаева, П.А. Игнатовский, А.И. Колганов, В.А. Кузнецов, В.В. Куликов, А.Д. Курский, И.В. Логвинов, А.Б. Любинин, А.И. Минин, Г.М. Павлов, В.А. Пешехонов, А.Д. Смирнов, Н.С. Спиридонова, Н.В. Хессин, К.А. Хубиев, Н.А. Цаголов, В.Н. Черковец, И.Д. Ширинский и др.);

- *непосредственно общественный (всеобщий) труд* (Л.И. Абалкин, Х.А. Барлыбаев, В.А. Грималюк, И. Горбунов, И. Гош, Г.И. Жильцов, С. Зак, П.Г. Заостровцев, Р.К. Иванова, В.Т. Кондрашов, Л.А. Костин, А.Я. Кошелев, В.И. Ланцов, Э.Ф. Миженская, Г.М. Николаева, В.А. Петрищев, А.Г. Протасов, И.В. Пусенкова, В.В. Радченко, А.Д. Смирнов, Г.П. Солодков, П.В. Томчук, Н.К. Тяпкин и др.);

- *общественный продукт* (И.Я. Обломская, М.П. Осадько, К.Н. Попадюк, В.В. Радаев, Г.В. Семенов, В. Фролов и др.);

- *прибавочный продукт* (Р.И. Кулиев, Л. Никифоров, Л.Б. Резников, Г.М. Сорокин и др.);

- *общественная полезность-благо* (В.С. Дунаева, В.Н. Келлик, К.И. Куровский, М.В. Научитель, В.Т. Смирнов, Н.П. Федоренко и др.);

- *коллективность* (И.В. Костяков, И.И. Кузьминов, В.П. Мосин, С.П. Сироткин, В.А. Сластененко и др.);
- *необходимый продукт* (А.Г. Назаров и др.);
- *социалистический продукт* (В.А. Бадер и др.);
- *продукт* (П.М. Павлов и др.);
- *общественная форма совокупного общественного продукта* (Я. Зеленски, А.И. Ноткин и др.);
- *потребность* (З.З. Дудич, Н.Н. Козельский и др.);
- *предприятие* (Н.П. Гибало, Н.Б. Кобринский и др.);
- *соединение рабочей силы со средствами производства* (В.А. Фролов и др.);
- *социальная форма продукта предприятия* (Б.Ф. Андреев, Л.П. Евстигнеева и др.);
- *управление производством* (О. Белицкий, А.А. Годунов и др.);
- *труд для себя и труд для общества* (З.В. Тихонова и др.);
- *бесплатный труд на общество* (А.В. Агевнин и др.);
- *человек* (В.Н. Елисеев, В.Я. Ельмеев, И.Т. Корогодин, В.Т. Пуляев и др.);
- *непосредственно общественный продукт - НОП* (В.И. Андреев, А.И. Кашенко, В.И. Корняков, Е.И. Лавров, Н.А. Мои-сеенко, А.К. Покрытан, М.В. Попов, М.А. Терентьев и др.).

В основе этих точек зрения лежат разные методологические предпосылки. Для выявления исходной экономической категории необходимо использовать следующие методологические принципы.

1. Общественное бытие и мышление, выражающее его в категориальной форме, находятся в органической взаимосвязи, но они не растворяются друг в друге и не переходят друг в друга. Экономическая категория есть форма предметного выражения общественного бытия.

2. Исходная экономическая категория должна выступать в ее развитом, «чистом» виде, то есть такой, какой она предстает в полном коммунизме. Это позволит выявить ее особенности на стадии социализма, диалектику ее развития, определить магистральный путь движения общесоциалистических общественно-производственных отношений.

3. Общественно-производственные отношения между людьми всегда возникают (складываются) по поводу материальных благ. Из этого следует, что 1) экономические отношения между людьми всегда опредмечены и 2) эти блага (продукты) выступают в исторически определенной форме (натуральной, товарной, непосредственно общественной).

4. Исходную экономическую категорию следует вывести из общественно-производственных отношений, складывающихся непосредственно в процессе производства как обмене деятельностью, а не в потреблении, в товарном обмене или при распределении.

Исследование общественно-производственных отношений начинается от живого созерцания обыденной хозяйственной практики к абстрактному мышлению, к выработке научного категориального аппарата, выражающего (отражающего) обыденные явления и от него к общественной практике, оплодотворенной научными знаниями.

Восхождение от абстрактного к конкретному выявляет экономические противоречия и законы развития данного явления. Оно аккумулирует в себе все связи и опосредования данного явления с другими явлениями и реализуется как единство в многообразии.

Следовательно, в процессе абстрактного мышления вырабатываются экономические категории, в том числе исходная экономическая категория. Для выявления исходной экономической категории необходимо 1) восхождение от обыденного конкретного к абстрактному мышлению и от него к общественной практике, оплодотворенной знаниями, наукой; 2) границы абстракции должны быть очерчены коммунистическим способом производства и 3) знать основные признаки исходной экономической категории.

Основные признаки исходной экономической категории коммунистического способа производства кратко следующие.

1. Эта категория коммунистического способа производства в целом, а не его этапа, фазы и т.п. развития. Она единая. Общественный способ производства не может иметь несколько исходных экономических категорий. Она как сама

жизнь — одна, но всякий раз наполняется новым содержанием и многообразием формы проявления.

2. Эта категория есть начало развития всех других экономических категорий и законов коммунистического способа производства, всеобщее начало, отражающее его исторические этапы развития, то есть логическое и историческое должно непременно взаимодействовать, всякий раз составляя единое целое. Это клеточка, которая развивается по мере диалектики (совершенствования) чисто коммунистических черт.

3. Содержание и форма в исходной экономической категории выступают в качестве всеобщего. Это значит, что материальным носителем исходной экономической категории является продукт непосредственно общественного труда, независимо от функциональной роли, выполняемой каждой его частью (средства производства, предметы потребления, фонд возмещения, чистая продукция и др.).

4. В исходной экономической категории прямо и непосредственно проявляется общественный характер труда в его исторически определенной форме. Так, в частности, в товаре абстрактный труд принимает форму стоимости. В НОПе непосредственно общественный конкретный труд принимает форму трудоемкости.

5. В исходной экономической категории исторический и логический моменты совпадают. К. Маркс отмечал: «...Логический метод исследования...в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей. С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное, как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме; отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые дает сам действительный исторический процесс, причем каждый момент может рассматриваться в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, своей классической формы» [2].

6. Надо различать предпосылки и теоретически (научно) обоснованный исходный пункт исследования. Предпосылками

анализа являются факты конкретной действительности в том виде, в каком они предстают на поверхности хозяйственной жизни. Начальным теоретическим пунктом познания служит экономическая категория, выражающая простейшее, первейшее, самое массовидное, исходное отношение. Тем самым, исходная экономическая категория направляет процесс движения мышления согласно действительному развитию общественно производственных отношений и создает возможность разработать стройную субординированную, иерархическую систему экономических категорий и законов общественного способа производства.

Итак, решающее значение в построении новой логической структуры политической экономии коммунистического способа производства имеет выяснение вопроса об исходной и определяющей (системообразующей) категории в единой системе закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи экономических категорий. Такая категория должна отвечать следующим основным требованиям.

1. Являясь простейшей и абстрактной, она в то же время достаточно конкретна и выражает в элементарной форме специфические черты коммунистического способа производства.

2. Быть не только логически, но и исторически исходной, из которой развиваются все другие категории коммунистического способа производства. Ее экономическую основу составляет непосредственно общественное производство.

3. Она должна быть связанной или быть одной из категорий, отражающей отношения общенародной (индивидуальной) собственности.

4. Основа исходной и определяющей категории должна быть предметным выражением общественно-производственных отношений.

Этим требованиям, как нам представляется, более всего отвечает категория «непосредственно общественный продукт». Она не только не отрицает решающей роли общенародной (индивидуальной) собственности, а, наоборот, является ее структурным выражением. Что же касается концепции об определяющей роли планомерности, то НОП включает в себя отноше-

ния планомерности в качестве центрального ядра категориального признака. Концепция «непосредственно общественный продукт» не является искусственной конструкцией, оторванной от действительности, она есть логическое отражение процессов коммунистического обобществления производства.

В трудах классиков марксизма-ленинизма мы находим прямые указания на то, что политическая экономия имеет дело с предметным выражением общественно-производственных отношений людей, что она является наукой о законах, управляющих производством и распределением материальных благ в человеческом обществе. Ф. Энгельс указывал, что «политическая экономия имеет дело не с вещами, а с отношениями между людьми и в конечном счете между классами, но эти отношения всегда связаны с вещами и проявляются как вещи» [3]. К. Маркс писал, что «...политическая экономия имеет дело со специфическими общественными формами богатства, или, точнее, производства богатства...», в обществе ассоциированных производителей «производство являлось лишь средством для удовлетворения потребностей производителей, таким производством, в котором господствовала бы только потребительная стоимость» [4]. В.И. Ленин критиковал С.Н. Булгакова за отрицание вещного содержания прибавочной стоимости. «Это противоположение «материальной вещи» - «понятию» представляет из себя наглядный образчик той схоластики, которую так любят в настоящее время преподносить под видом «критики». Какое значение могло бы иметь «понятие» о доле общественного продукта, если бы этому понятию не соответствовали определенные «материальные вещи»?» [5].

В трудах В.И. Ленина имеется ответ на вопрос о том, что собой представляет общественная форма продукта в социалистическом обществе. В замечаниях на книгу Н.И. Бухарина «Экономика переходного периода. Май 1920 г.» В.И. Ленин не согласился с тезисом о том, что с изживанием товарного производства товар превращается в продукт. Он писал: «...Неточно: превращается не в «продукт», а как-то иначе. Etwa: в продукт, идущий на общественное потребление не через рынок» [6]. Имеются в работах В.И. Ленина указания и на переходные формы в процессе эволюции товарного производства в непосред-

венно общественное планомерно организованное производство.

В последние десятилетия в разработке проблемы новой общественной формы продукта экономистами-марксистами достигнуты серьезные успехи. Ими проделана большая работа по исследованию многих категорий политической экономии социализма с позиции концепции непосредственно общественного продукта. Тем самым в значительной мере подготовлена почва для построения логической структуры политической экономии коммунистического способа производства.

Ярославские экономисты в содружестве с учеными других городов, исходя из концепции непосредственно общественного продукта, предложили новую логическую структуру политической экономии коммунистического способа производства [7].

Поскольку логическая структура базируется на определяющей роли категории непосредственно общественного продукта, то напрашивается вывод, что политическая экономия коммунистического способа производства – это наука о законах, управляющих производством и распределением непосредственно общественного продукта. При этом на стадии социализма учитывается факт существования в его экономике товарного производства и товарно-денежных отношений.

Предлагаемой схеме предшествует **введение**, в котором рассматривается место политической экономии в системе других наук, выясняется ее роль как интегратора экономической культуры и научного знания, а также соотношение экономической науки и экономической политики.

Первый раздел посвящен основным этапам истории политической экономии, анализу процесса производства и его общественной формы, экономических законов и категорий, общественной формы экономического мышления и эффективности производства. Раздел завершает проблема методологии изучения общественно-производственных отношений.

Во **втором** разделе изучается система категорий, характеризующих процесс производства в натуральном хозяйстве. В качестве исходного производственного отношения принята община (поместье), так как ее границы представляли собой границы общинного (общественного) производства, а основным про-

изводственным отношением – земельная собственность. Изучаются экономические противоречия натурального хозяйства и причины возникновения товарной формы обмена.

Предметом **третьего** раздела являются категории товарного производства в процессе их развития, подрыв товарного производства и закона стоимости, зарождение и становление плановости, создание предпосылок возникновения непосредственно общественных отношений.

Четвертый раздел начинается с анализа категорий коммунистического производства. В качестве исходной и определяющей категории и основного экономического закона коммунистического производства принята категория «непосредственно общественный продукт», а основного общественно производственного отношения – общенародная (индивидуальная) собственность на условия свободной жизнедеятельности коммунистически ассоциированных людей.

Социалистическое производство по своей природе есть непосредственно общественное планомерно организованное производство. Но ввиду незавершенности процессов непосредственного обобществления в экономике социализма существует товарное производство и используются в качестве внешней или внутренней формы товарно-денежные отношения. Отсюда следует отразить в учебном курсе факт относительного мирного сосуществования и абсолютную борьбу непосредственно общественных планомерно организованных и товарно-денежных отношений, их диалектику.

Особое место отводится изучению социальных типов, структуры и борьбы противоречивых тенденций развития всемирного хозяйства, становления мирового непосредственно общественного производства, динамики интеграционных процессов, интернационализации производительных сил и развития непосредственно-общественных планомерно организованных отношений.

Представленная логическая структура курса политической экономии, *во-первых*, учитывает движение общих, специфических и переходных экономических форм в развитии общественно производственных отношений. *Во-вторых*, эта структура позволяет полнее и глубже интегрировать положения полити-

ческой экономии, конкретных экономических дисциплин и других наук о развитии человеческого общества, взаимно обогатить их содержание по мере развития человеческого общества и науки в целом.

Библиографический список

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 26. Ч. 3. С. 112.
2. Там же. Т. 13. С. 497.
3. Там же. С. 498.
4. Там же. Т. 46. Ч. 2. С. 366; Т. 26. Ч. 3. С. 50.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 122.
6. Ленинский сборник. XI. С. 388.
7. См.: **Кашенко А.И.** Об общественной форме продукта в социалистическом обществе // Экономические проблемы перехода от социализма к коммунизму. М.: Высш. школа, 1960. С. 316 – 321; **Его же.** Непосредственно общественный продукт – категория политической экономии социализма // Экономические науки. 1968. № 10. С. 3 – 9; **Его же.** О логической схеме политической экономии коммунистического способа производства // Изв. АН СССР. Сер. экономическая, 1974. № 1. С. 80 – 90; **Его же.** О логической схеме политической экономии коммунистического способа производства // Проблемы дальнейшего развития методологии и теории политической экономии и задачи совершенствования подготовки специалистов по политической экономии / Под ред. Н.А. Цаголова. М.: Изд-во МГУ, 1975. С. 182 – 188; **Его же.** Непосредственно общественная форма продукта и логическая структура политической экономии социализма // Закономерности развития общественной формы продукта в период постепенного перехода от социализма к коммунизму / Отв. ред. А.И. Кашенко. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 1981. С. 3 – 13; **Андреев В.И.** Непосредственно общественный продукт – исходная экономическая категория коммунистического способа производства // Труды преподавателей политической экономии вузов Поволжья. Вып. II. Казань: Изд-во КГУ, 1968. С. 13 – 26; **Его же.** Непосредственно общественный продукт – начало теоретического исследования коммунистического общества // Экономические науки. 1971. № 8. С. 3 – 9; **Лавров Е.И.** Исходная категория и основной экономический закон социализма. М.: Мысль, 1974.

198 с.; **Непосредственно** общественный продукт в системе категорий коммунистического способа производства / Отв. ред. А.И. Кащенко. Ярославль: ЯрГУ, 1977. Вып. 1. 124 с.; 1978. Вып. II. 121 с.; **Непосредственно** общественный продукт в условиях развитого социализма / Под ред. А.И. Кащенко. М.: Высшая школа, 1981. 174 с.; **Терентьев М.А.** Становление непосредственно общественных производственных отношений и их отражение в политической экономии // Концепция непосредственно общественного продукта в современной политической экономии: Межвуз. сб. науч. тр. / Ред. коллегия: М.А. Терентьев, Т.С. Блинова и Э.Г. Фомина. Ярославль: ЯГПУ, 1995. С. 25 – 57.

© А. И. Василевский

**Трудовой потенциал и его структура (исследование
проблемы в современной отечественной научной
и учебной литературе)**

С середины 80-х годов в отечественной экономической науке оживился интерес к проблемам социально – трудовых отношений, касающихся реализации способностей к труду отдельного человека и населения страны в целом. Это было вызвано как общими ожиданиями существенных перемен в обществе, связанных с оптимистическими настроениями времен начала перестройки, так и с реальными потребностями народного хозяйства, поскольку сначала замедление, а затем и прекращение экономического роста неизбежно вызвали к жизни новые для страны формы экономической активности – невиданное ранее расширение реальных прав трудовых коллективов, бурное развитие кооперативного сектора в экономике, личного подсобного хозяйства, появление предприятий смешанной формы собственности и др. Все они были призваны обеспечить более высокие темпы развития за счет интенсификации производства, что, в свою очередь, предполагало усиление роли человеческого фактора.

Естественно, что дискуссии проходили в рамках господствовавшей научной парадигмы и соответствующей терминологии, где условия экономического роста формулировались ис-

ключительно как вещественные и личные условия производства и их соединение в процессе труда. Поэтому требовалась помимо академических качеств известная гражданская позиция, чтобы предложить научному сообществу обсуждение новых категорий за пределами принятых «рабочей силы», «трудовых ресурсов» и некоторых других. Если же они и предлагались, то, как правило, в форме новых терминов, характеризующих привычные формы экономических связей. Так произошло и с появлением в научной литературе термина «трудовой потенциал».

По – видимому, его устоявшееся использование не могло быть раньше, чем на рубеже 80-х гг. Во всяком случае, в учебнике «Экономика труда», изданного в 1976 г. под грифом Министерства высшего и среднего специального образования СССР для студентов, обучающихся по данной специальности, он не упоминался, что, учитывая ситуацию тех лет, было бы невозможно, если бы он использовался в официальной печати. Об этом же свидетельствует и то, что в изданном в 1980 г. заключительном томе энциклопедии «Политическая экономия» (М.: Советская энциклопедия) в соответствующем разделе указанный термин также не рассматривался.

Тем не менее, уже в 1983 г в издательстве МГУ публикуется монография А. С. Панкратова «Трудовой потенциал в системе управления производством». Здесь интересующая нас категория исследуется самостоятельно как производная от трех главных факторов: численности трудоспособного населения, количества установленного для потребностей народного хозяйства рабочего времени и общественно необходимого уровня интенсивности труда. По мнению автора, это дает основание рассматривать данное понятие как экономическую категорию, в которой интегрируются отношения, возникающие на всех стадиях движения личного фактора производства – от формирования трудовых ресурсов общества до использования трудовых потенциалов каждого работника в процессе производства [1].

Однако, как справедливо отмечали некоторые комментаторы, по существу речь в таком случае может идти не о трудовом потенциале, а о массе труда, находящейся в распоряжении общества. При этом, по нашему мнению, становится понятным и происхождение данного термина. В марксистской экономиче-

ской литературе одним из важных постулатов являются различия между производительной силой труда и его производительностью. В первом случае, как правило, имеется в виду *потенциальная* возможность или способность труда при известных условиях обеспечить выпуск определенного количества продукции, а во втором – реально достигнутый эффект в результате превращения указанной возможности в действительность. По – видимому, понятие трудового потенциала первоначально воспринималось как синоним при определении потенциальной способности труда.

В исследовании М.И. Скаржинского, И. Ю. Баландина, А. И. Тяжова «Трудовой потенциал социалистического общества», изданном несколькими годами позже, с одной стороны, было подмечено, что в монографии А. С. Панкратова фактически трудовой потенциал рассматривается в значении массы труда, имеющейся в распоряжении общества (см. выше), с другой стороны, предлагалось собственное обоснование данной категории. Авторы утверждали, что речь в данном случае идет о специфической качественной характеристике одной из стадий движения личного фактора социалистического производства – производительной, которая определяет реальные возможности живого труда создавать максимальный объем продукции при наиболее полной реализации вещественных факторов. В этой связи наряду с трудовым рассматривался потенциал вещественных факторов (производственные мощности) и как их совокупность – производственный потенциал. В процессе формирования и развития трудового потенциала оценивались такие его элементы, как образовательный потенциал, потенциал развития способностей к труду, трудовой активности работников. Особо отмечались также условия, обеспечивающие высокую эффективность трудового потенциала - развитие инициативы, творчества, самодисциплины, ответственности работников, эффективные формы общественной организации совместного труда [2].

В исследованиях 90-х годов наблюдается дальнейшее продвижение в обосновании сущности данной категории, ее структуры и показателей, отражающих достигнутый уровень трудового потенциала и его воздействия на эффективность народного хозяйства страны. Одновременно в этот же период вво-

дятся в научный оборот и другие, новые для отечественной литературы понятия - «рынок трудовых ресурсов», «рынок рабочей силы» и некоторые другие, что обосновывается необходимостью расширения терминологической базы, сложностью и многогранностью отношений, формирующихся в рамках социально – трудовой сферы [3].

Особо отметим принципиально новое для изучения указанных категорий явление – их анализ в учебной литературе [4]. Что касается учебника под ред. проф. В.С. Буланова и Н. А. Волгина, то в их изложении понятие трудового потенциала фактически следует за утверждениями А. С. Панкратова. Они определяют трудовой потенциал в виде совокупности трудовых возможностей как отдельного человека, так и различных групп работников общества в целом. Количественно, по их мнению, он исчисляется путем перемножения численности трудовых ресурсов на время, которое может отработать один работник в течение года. Качественная же его характеристика включает физическую, интеллектуальную и социальную составляющие [5]. Более подробно структура данного понятия в этом учебнике самостоятельно не рассматривается.

По-иному характеризуется трудовой потенциал в учебнике Б. М. Генкина. Следуя традиционному для экономической науки пониманию проблемы влияния характеристик (качеств) человека на производительность труда, трудовой потенциал рассматривается как часть его потенциала как личности, т. е. по отношению к индивидууму трудовой потенциал — это часть *потенциала человека*, который формируется на основе природных данных (способностей), образования, воспитания и жизненного опыта [6]. Автор опирается в данном случае на высказывания основоположника «кембриджской школы» А. Маршалла по поводу здоровья и силы населения (физической, умственной, нравственной) как основы производительности, от которой зависит создание материального богатства. В свою очередь, А. Маршалл ссылается при этом на выдвинутую Э. Энгелем классификацию элементов производительности: «тело», «разум», «душа» в их различных сочетаниях в зависимости от относительного значения каждого из элементов [7].

По-видимому, прямое противопоставление подобного

подхода и сложившегося в отечественной литературе 20-х – 80-х годов прошлого века понимания категории «рабочая сила» не имеет оснований. В обеих позициях имеется конструктивное начало, которое определяется в зависимости от исходных задач исследования. В традиционной характеристике имеется в виду труд как создатель потребительных стоимостей, как полезный труд, «...независимое от всяких общественных форм условие существования людей, труд как процесс, совершающийся между человеком и природой». Во втором случае, как известно, имеется в виду только способность к труду, которой обладает наемный работник, используемая в условиях рыночного (капиталистического) общественного устройства, в отличие от самого труда как процесса потребления рабочей силы [8]. Подобное разделение имеет фундаментальное теоретическое и большое практическое значение, особенно в области организации заработной платы.

В этой связи вполне объяснимо, почему понятие рабочей силы Б. М. Генкин дополняет более широким – «человеческий капитал», который, по его мнению, должен рассматриваться как совокупность качеств, которые определяют производительность и могут стать источниками дохода для человека, семьи, предприятия и общества. Такими качествами обычно считают, по его словам, здоровье, природные способности, образование, профессионализм, мобильность. По всей видимости, по мнению автора, они должны характеризовать эффективность участия работника в процессе труда вне зависимости от отношения к средствам производства, что, как известно, является определяющим при характеристике рабочей силы. По нашему мнению, подобный аспект исследования имеет самостоятельное научное и важное практическое значение, что, тем не менее, не отменяет необходимости комплексного изучения экономических процессов, связанных с функционированием трудовых отношений, включая и особенности рынка рабочей силы.

Наконец, обосновывая использование понятия «трудовой потенциал», Б.М. Генкин опирается исключительно на практические потребности современных условий экономического развития. Он пишет: «Набор характеристик, которые используются в литературе для определения возможностей эффективного тру-

да, не в полной мере соответствует реалиям современной экономики. Этот набор целесообразно расширить на основе понятия *трудового потенциала*. Именно так, без дополнительного объяснения, предлагается использовать следующие компоненты, которые должны характеризовать:

- 1) психофизиологические возможности участия в общественно полезной деятельности;
- 2) возможности нормальных социальных контактов;
- 3) способности к генерации новых идей, методов, образов, представлений;
- 4) рациональность поведения;
- 5) наличие знаний и навыков, необходимых для выполнения определенных обязанностей и видов работ;
- 6) предложение на рынке труда.

В соответствии с предлагаемым подходом автор выделяет и необходимые компоненты трудового потенциала:

- 1) здоровье;
- 2) нравственность и умение работать в коллективе;
- 3) творческий потенциал;
- 4) активность;
- 5) организованность и асертивность;
- 6) образование;
- 7) профессионализм;
- 8) ресурсы рабочего времени [9].

Очень важно, что используемые при этом показатели могут относиться как к отдельному работнику, так и к различным коллективам, в том числе и к персоналу предприятия и населению страны в целом. Отметим также, что автор отнюдь не противопоставляет компоненты понятий «рабочая сила», «человеческий капитал» и «трудовой потенциал», а последовательно расширяет их набор по сравнению с предыдущим. В первом случае при характеристике понятия имеются в виду здоровье, образование, профессионализм. Во втором, кроме них, также – природные способности и мобильность. В третьем случае, судя по всему, по мнению автора, в наиболее широком значении их дополняют нравственность и умение работать в коллективе, творческий потенциал, активность, организованность и асертивность, ресурсы рабочего времени.

Практически таким же образом рассматривается содержание трудового потенциала в учебном пособии А. П. Егоршина. В то же время в структуре этого понятия, с одной стороны, некоторые компоненты (составляющие), по мнению автора, по различным обстоятельствам не являются бесспорными. К ним А.П. Егоршин относит нравственность, активность, творческий потенциал и ресурсы рабочего времени. С другой стороны, он предлагает их дополнить такими характеристиками труда, как производительность (денежная выработка), результативность (число единиц продукции в единицу времени), мастерство (квалификация с определенным разрядом), эффективность (отношение прибыли к затратам) и др. В качестве обоснования здесь указывается, что состав компонентов трудового потенциала должен быть доказательным, имеющим количественные критерии измерения, и характеризовать любые виды труда (физический и интеллектуальный, прибавочный и непроизводительный) [10]. По нашему мнению, подобный подход, устанавливающий порядок отбора критериев измерения, имеет несколько иное значение, чем заявлено в учебнике Б.М. Генкина.

Таким в самом общем и сжатом виде можно представить диапазон и уровень исследования содержания трудового потенциала в современной отечественной научной и учебной литературе. Здесь не указаны работы, касающиеся методологии исследования проблемы, международных, региональных, отраслевых, профессиональных и других аспектов ее изучения, национально-культурных и других особенностей формирования и развития трудового потенциала и т.д. При комплексном использовании данных подобного рода возможно дальнейшее продвижение в изучении рассматриваемого понятия, что, в свою очередь, по нашему мнению, будет способствовать более продуктивному анализу трудовых отношений, тому, как они реально складываются в современном обществе.

Библиографический список

1. Панкратов А. С. Трудовой потенциал в системе управления производством. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 29-30.

2. М.И. Скаржинский, И. Ю. Баландин, А. И. Тяжов. Трудовой потенциал социалистического общества. М.: Экономика, 1987. С. 8, 9, 12-13, 15, 93.
3. См., например, Карташов С., Одегов Ю. Рынок труда: проблемы формирования и управления (на примере г. Москвы). М.: Финстатинформ, 1998. С. 7-8, 13-16.
4. Рынок труда и доходы населения: Учебное пособие / Под ред. Н. Волгина. М.: Филинь. 1999. Рынок труда: Учебник / Под ред. проф. В. С. Буланова и проф. Н. А. Волгина. М: Экзамен, 2000; Генкин Б. М. Экономика и социология труда: Учебник для вузов. М.: Норма – Инфра, 2000. Егоршин А. П. Мотивация трудовой деятельности: Учебное пособие. Н.-Новгород: НИМБ, 2003, и др.
5. Рынок труда: Учебник / Под ред. проф. В. С. Буланова и проф. Н. А. Волгина. М: Экзамен, 2000. С. 10, 11.
6. Генкин Б. М. Экономика и социология труда: Учебник для вузов. М.: Норма – Инфра, 2000. С. 54
7. А. Маршалл. Принципы экономической науки. Т. I. М.: Издательская группа «Прогресс», 1993. С. 268, 269.
8. Маркс К., Капитал. Т. I. Кн. 1. М.: Политиздат, 1967. С. 51, 178-179, 188.
9. Указ. соч. С. 52 -53.
10. Указ. соч. С. 68, 70-71.

© В.И. Певтнев

К.Д. Ушинский как экономист

Экономические труды К.Д. Ушинского – несправедливо забытая и неисследованная глава в творчестве выдающегося педагога и мыслителя России. Они (труды) оказались в «тени» на фоне феноменальной и неувядающей славы его педагогических сочинений. Экономические взгляды К.Д. Ушинского не получили должной и всесторонней оценки и после его смерти [1]. Многие десятилетия спустя, уже в советское время (1948), Академия педагогических наук (АПН) СССР подготовила к изданию и включила в первый том Собрания сочинений К.Д. Ушинского его ранние работы и статьи (1846-1856) [2]. Авторы предисловия

(В. Струминский) и аналитического обзора (Е. Медынский) с сожалением констатировали, что его первые публикации (в основном по экономической тематике) почти неизвестны широкой публике. Отдавая должное содержательности и самобытности его лекций в Ярославском лицее (4) и публичной речи «О камеральном образовании», советские комментаторы высказали и критические высказывания, навязанные идеологическим монополизмом послевоенного периода. Они сводились к увлечению географическим детерминизмом, в чрезмерных похвалах в адрес немецких ученых (К. Риттер и А. Гумбольдт), в непривычности стиля изложения и наличии украинизмов (детство Ушинского прошло на Украине) [3]. Не зафиксированы экономические публикации К.Д. Ушинского и в Советском энциклопедическом словаре (1989) [4]. Попытаемся непредвзято, без апологии и критиканства, как можно близко к оригиналу изложить основные тезисы и аргументы Ушинского, приступившего в Ярославле к научно-педагогической деятельности.

В течение 1847-1848 учебного года молодой профессор прочел в Демидовском лицее 4 лекции в рамках авторского курса по камералистике. Точные даты известны по двум лекциям (17 и 18 февраля 1848 г.). Тексты лекций восстановлены по черновикам автора (из архива семьи) и записям слушателей. С точки зрения оригинальности методологии и актуальности содержания выделяются первая и частично третья лекции.

Ушинский исходит из своеобразия гражданской и общественной сфер, которые взаимодействуют, но сохраняют свою неповторимость. Главное действующее лицо гражданской сферы – личность, персона. Гражданское право (в узком и широком смыслах) – сердцевина права, юриспруденции. Гражданская сфера обязана придать человеку чувство самоудовлетворения (разрядка в тексте). Высшее назначение гражданского права – определить, укрепить и постоянно сохранить исключительную личность человека (снова разрядка) [5]. Поистине крамольные слова и речи для слуха чиновников от образования, раболепствовавших перед императором-вешателем декабристов и в разгар революционных потрясений во Франции и Германии! Ведь приоритет отдан личности, а не правителю.

Общественная сфера опирается на триаду установок. Без общества нет развития. Без развития нет общества. Развитие есть принцип общества. Снова ясный намек на застой российского общества при Николае I с трагическим эпилогом – Крымской катастрофой. И далее следуют важные тезисы относительно камералистики и ее места в системе политических, экономических и административных наук. Назовем важнейшие из них. России необходимо отечественное законоведение, а оно предполагает формирование сословия юристов (назначение Демидовского лица)! Камералистика как политическая наука направлена на устройство, сохранение и развитие общества. Какое емкое и подзабытое великолепное русское слово устройство, т.е. избавление от своеволия и беспорядка в действиях судей и чиновников любого ранга! Камералистика вбирает в себя рекомендации политэкономии, науки о финансах и торговом деле [6].

Лекция 1 завершается выводом: камералистика – единая, стройная и вполне современная наука [7].

Последующие лекции посвящены сплаву ландшафта, этноса и хозяйства. Дана развернутая и яркая панорама взаимосвязей этих трех компонентов общественного организма. Здесь Ушинский оказался провидцем, опередившем науку почти на столетие. То, о чем писал и говорил Ушинский, является предметом и геоэкономики, и этнологии и органично вписывается в аксиомы системной и цивилизованной парадигм. Эти лекции должны быть проштудированы студентами исторического и естественно-географического факультетов ЯГПУ.

Выделю отдельные фрагменты из образных характеристик России. Три доминанты России: лесистые болота, равнины и степь. Вологда – колония новгородцев – соединяет собой торговлю Петербурга с Сибирью, Архангельска – с Вяткой и Пермью. Реки как исключительный путь сообщения. Смоленск доминирует над пространством до Карпат. Россия – срединная земля между Европой и Азией (задолго до евразийцев). Весь север Европы и весь Север Азии далеко проникали в среднюю Европу. Переславль глядится в воды озера, чистого, как кристалл (молчаливый упрек потомкам) [8].

В речи на торжественном собрании Лицея «О камеральном образовании» от 18 сентября 1848 года Ушинский изложил

свое понимание назначения и содержания камералистики. Ушинский воспользовался поводом (утверждение Устава Лицея 22 ноября 1845 года). Речь издана отдельной брошюрой в 1848 году в Москве незамедлительно, столь велик был ее резонанс в России, прежде всего в университетских кругах.

В этой речи Ушинский показал себя блестящим знатоком экономической истории и истории государства и права и бесспорным новатором в методологии общественных наук на материале камералистики. Речь изобилует яркими примерами и фактами из новейшей по тем годам литературы на трех европейских языках (немецком, английском и французском).

Оказывается, что камералистика как понятие существует издавна с античности и зафиксировано в многих языках народов Запада и Востока. Первоначальный смысл слова – комната для хранения имущества. С IX века и далее у термина появился дополнительный смысл: присутственные места по расположению казенным имуществом. В XIII веке к имуществу присовокупили и финансы центральной власти. Разработкой правил управления казенным имуществом занимались первые кафедры камералистики в Галле и Франкфурте-на-Майне (1727). Аналогичная кафедра в Оксфорде учреждена в 1751 году. Из Европы достижения камералистики проникли в Россию и завершились учреждением Министерства государственных имуществ.

Форсированное становление камералистики как науки приходится на 20-е годы XIX в. благодаря работам Рау, Баумштарка и др. Но немецкая школа камералистики вызывает у Ушинского серьезные возражения. Излишний практицизм или отвлеченность правил. Название старое, хотя предмет и границы камералистики существенно изменились. Налицо смешение науки и практики (искусство делать деньги). Немецкие камералисты видят множество, когда оно едино. Ушинский заключает: появилась единая и самостоятельна наука о хозяйстве. И далее он намечает основные подходы к науке о хозяйстве.

Эта наука требует эпитета человеческая, ибо речь идет о сознательной деятельности людей. Основной закон человеческого хозяйства – свободное разделение труда и соединение посредством этого разделения (явное влияние А. Смита). Новая наука интегрирует три типа знаний (о земле, об организации хо-

зяйственной деятельности, о самом хозяйстве и его подразделениях). Исследование хозяйства опирается на историю, право и статистику.

Ушинский обстоятельно излагает приложения камералистики к жизни. Камералистика помогает уточнить сферы политэкономии и науки и хозяйстве, преодолеть отвлеченность выводов политэкономии, органически соединить достижения географии, статистики, психологии. Камералистика поможет уберечь правителей от необдуманных решений, разрушающих хозяйство. Частные лица могут получить нужные сведения (малого горизонта) и определить свое положение в хозяйственных сферах [9].

В речи рассыпаны интересные оценки экономических доктрин и выдающихся мыслителей.

За пределами обзора остались рецензии, статьи и материалы, опубликованные в журналах «Современник», «Библиотека для чтения», в «Вестнике географического общества» и др. (1852-1856).

Лекции и речь о камеральном образовании свидетельствуют о широте и глубине энциклопедических знаний Ушинского в законоведении, государственном праве и в финансах. Он безусловно выиграл заочное соревнование с коллегами из Москвы (П. Редкин) и Харькова (Платонов), выступивших на юридических факультетах университетов с аналогичной тематикой. Приходится с сожалением констатировать, что экономическая наука по стечению обстоятельств потеряла подававшего большие надежды ученого-экономиста.

И пусть для нас будут напутствием заключительные слова Ушинского из его публичной речи о камеральном образовании. «Много еще нетронутых сил дремлет в лоне русской природы, пробудить их и пользоваться ими – великая задача, великое назначение. Значение камерального образования в нашем отечестве обширнее, чем где-нибудь».

Примечания

1. Лекции К.Д. Ушинского опубликованы А.П. Острогорским запоздало, лишь в 1908 году (СПб).
2. В дальнейшем ссылки даются по изданию 1948 года.
3. См.: Указ. соч. С. 8-23, 24-40.

4. См.: Сов. энциклопедический словарь. М., 1989. С. 1409.
5. См.: Указ. соч. С. 58-59, 61.
6. См.: Указ. соч. С. 64, 69, 70-71, 75.
7. См.: Указ. соч. С. 77.
8. См.: Указ. соч. С. 81, 107.
9. См.: Указ. соч. С. 126, 131, 134, 136, 155, 181, 189, 234-235.

Содержание

<i>М.В. Новиков, В.В. Швецов</i> Образование в России в XVIII веке и вопросы преподавания обществознания.....	3
<i>В.П. Басков, Н.В. Досина</i> Участие гражданских объединений в политическом процессе в современной России.....	15
<i>В.Н. Шеминов</i> Мониторинг поведения регионального электората в избирательных кампаниях.....	22
<i>Е.В. Чернова</i> Политические партии и выборы.....	28
<i>Н.А. Миронова</i> Приемы и методы пропаганды первого советского десятилетия на примере формирования образа «буржуазной» интеллигенции.....	35
<i>О.В. Епархина</i> Характеристики групп как фактор коммуникации социальных и политических институтов в современной России.....	43
<i>Т.А. Климюк</i> Духовные потребности в иерархии потребностей личности.....	50
<i>Л.Н. Талызина</i> Ценности семьи и брака в представлениях молодежи.....	56
<i>О.В. Хитрова</i> Гендерность и проблемы социального равенства.....	59
<i>Н.С. Василевская</i> Аскетизм как явление культуры и его православно-христианская традиция.....	64

С.В. Скородумов Категории «возможного» и действительного» в произведении В.В. Розанова «О понимании».....	79
С.В. Фефилин Экзистенциальное определение категории страха в творчестве С. Кьеркегора и П. Тиллиха.....	89
А.Д. Коврайский К вопросу о вере.....	93
С.А. Кашина Постнеклассическая наука и формиро- вание новых принципов научного познания.....	96
Л.И. Поройко Технополисы: мировой опыт и российские перспективы.....	106
М.А. Терентьев Непосредственно общественная форма продукта в логической структуре политической экономи.....	116
А.И. Василевский Трудовой потенциал и его структура (исследование проблемы в современной отечественной научной и учебной литературе).....	129
В.И. Пештиев К.Д. Ушинский как экономист.....	136

Научное издание
Обществознание: содержание и преподавание
Материалы конференции «Чтения Ушинского»

Редактор Л.К. Шереметьева
Компьютерная верстка – Ю.В. Машонина

Подписано в печать 12.04.06
Формат 60х90/16.
Объем 9 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 874

Редакционно-издательский отдел
Ярославского государственного педагогического университета
имени К.Д. Ушинского
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108
Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44